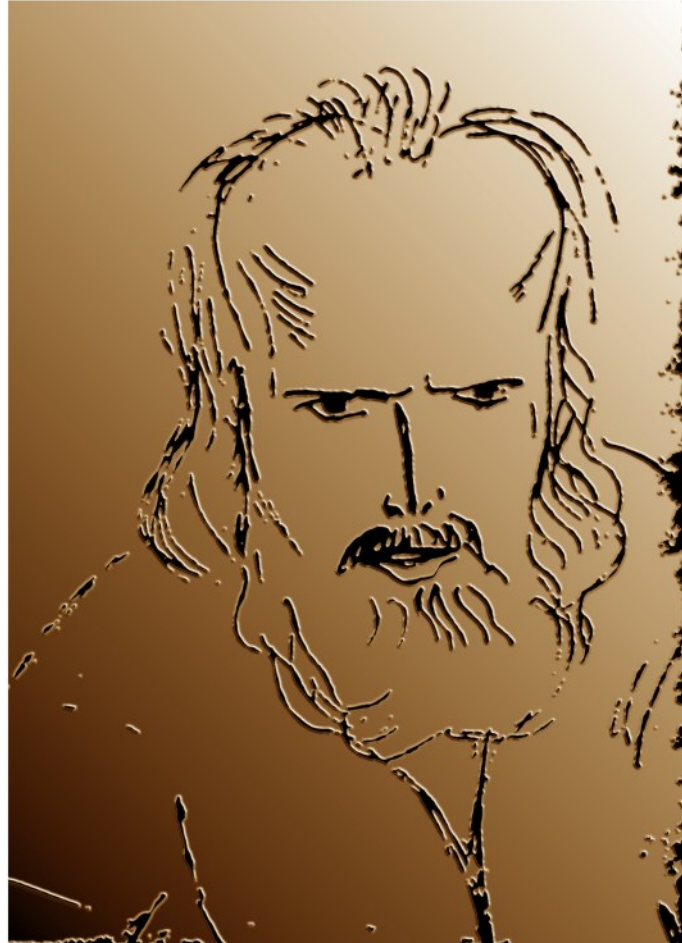

Лев Щеглов

Стихи из чемодана

Книга первая

АННОТАЦИЯ -1.

Этот сборник из двух книг включает в себя значительную часть того, что было написано поэтом Львом Щегловым (1932-1996 гг.). Здесь лирическая и ироническая

поэзия, исторические циклы и остросюжетная тематика, стихотворные репортажи и посвященные творчеству разделы, сказочки для взрослых и детей. Перо поэта оригинально, своеобразно и своенравно.

АННОТАЦИЯ-2.

Лев Сергеевич Щеглов (1932-1996 гг.) - поэт, автор 11 стихотворных сборников, изданных в Москве и Алма-Ате. Переводчик. С 1971 по 1978 год работал в издательстве "Жазушы". Редактор 20 книг казахстанских поэтов. Мастер иронического стиха, печатался на 16 полосе "Литературной газеты", в журналах «Юность», «Москва», «Молодая гвардия», «Крокодил», «Сибирские огни», «Простор», «Нива».

Сведения для задней стороны обложки.

Поэт с большой буквы – так представляет автора этого сборника сайт «Московские писатели». Лев Сергеевич Щеглов родился 9 февраля 1932 года в Ярославле, умер 3 января 1996 года в Москве. Входил в литературу вместе с Евгением Евтушенко, Андреем Вознесенским, Робертом Рождественским. Первая публикация в коллективном общесоюзном сборнике 1957 года. С 1971 по 1978 год работал в казахстанском издательстве «Жазушы» («Писатель»). Его перу принадлежат 11 стихотворных сборников, вышедших в Москве и Алма-Ате. Редактор 20 книг казахстанских поэтов. Переводчик. Мастер иронического стиха, печатался на 16-й полосе «Литературной газеты», в журналах «Юность», «Москва», «Молодая гвардия», «Крокодил», «Сибирские огни», «Простор», «Нива».

Составление и корректура сборника – Людмила Енисеева-Варшавская, Алма-Ата, тел. 261-78-14, электронный адрес: eniseeva@mail.ru
Рисунки на обложках Владимира Безелюка.

Лев ЩЕГЛОВ **СТИХИ ИЗ ЧЕМОДАНА**

КНИГА ПЕРВАЯ

Под созвездием Льва

(От составителя)

Когда меня спрашивают, какое место занимает поэт Лев Щеглов в моем жизненном пространстве, я отвечаю, что он перво-наперво мой муж. Ну, а если говорить о месте как таковом, то оно на полке. Среди книг. Там лежат его рукописи. Там же он, хоть и не во плоти вовсе, но находится рядом со мной, с удовольствием вникая во все дела земные. Не вмешивается - только присутствует. Иногда проявляется в снах. Делает это вполне убедительно, и тогда общение наше происходит на тех самых уровнях, когда разница миров, разделенных чертою жизни и смерти, никакого значения не имеет. Факт этот, я понимаю, весьма интересен, и если останавливаться на нем, то это большой отдельный разговор. Только задача моя сегодня - рассказать, откуда есть пошли нижеследующие книги. Вернуться к событиям тридцатилетней давности, когда я в очередной раз ехала из Москвы домой в Алма-Ату.

Итак, чемодан, что наладил в дорогу мне Лева, был большим и тяжелым. Непомерным и даже огромным. Кусок стальной трубы, на которую он был поддет для удобства транспортировки вдвоем, прогибался под тяжестью. Чтоб донести его до аэровокзала, Лева прихватил приятеля, тоже поэта, и они оба то и дело останавливались, дабы перевести дух.

Метро, автобус, электричка, регистрационная стойка, оформление багажа... Все в этот день проплывало мимо моего сознания, все казалось несущественным. Мы много лет жили с Левой на два дома. Обстоятельства вновь разводили нас надолго. Боль расставания саднила, в каждое из последних мгновений хотелось сказать что-то важное, значимое и хоть как-нибудь, хоть на чуть-чуть затормозить уходящее время. Да и потом, все четыре часа воздушного перелета я витала еще там, в Домодедово, блуждала по таганковским улочкам, толкалась на домашнем пятачке протараканенной московской коммуналки. И лишь когда самолет опустился у подножия Заилийских гор, начался следующий виток моей привычной к аскезе жизни. Подали трап, и, укрывшись полушалком, я вышла в очень раннее алма-атинское утро, направилась, как все пассажиры, в багажный зал, дождалась, когда конвейер доставит вещи, и... не смогла снять с бегущей ленты свой чемодан. Конечно, кто-то мне помог поставить его на пол, но тут же ушел. Никто меня не встретил - я сама во внеурочный час решила не беспокоить своих домашних, пусть поспят! А носильщиков и в дневное-то время в нашем аэропорту отродясь не бывало.

Оставшись один на один с дорожным своим чудовищем, я попыталась примериться к нему, но - увы! Зал быстро опустевал, и не было другого выхода, как только справляться собственными силами. Сил хватило, чтобы чуть-чуть приподнять монстра и сделать пару шагов. Это было уже кое-что. Затем я попыталась толкать утверждающегося на мне упрянца, он поддался, и так с помощью разного рода ухищрений мне удалось доставить его до стоянки такси.

Во дворе у подъезда пришлось позвать сына, и тот, едва оторвав чемодан от земли, поинтересовался: “Не слон ли, случаем, там запрятан?”. “Да нет, - сказала я, - просто какой-то сюрприз. Велено раскрыть только дома”. Сказала и впервые задалась вопросом - а что же это на самом деле? И вот с трудом преодолев три лестничных пролета, загадав то, другое, третье и произнеся магическое “Сим-сим, открой дверь!”, мы распечатываем, наконец, скрывающий в себе нечто тайник. Щелкает замок, откидывается крышка, и... Никаких тебе кладов, никаких золотых гор, заморских пряников или рахат-лукумов. Даже дешевенького расхожего сувенира в виде какой-нибудь свистульки, и того нет в помине. Рукописи! Одни только рукописи! “Бог мой, - хватаюсь я за голову, - да никак он утрамбовал в эту плоскодонку все, что насочинял за свою долгую и нелепую жизнь! Переселил то, что накапливалось десятилетиями в ярославском мамином сундуке! Ну да, так оно и есть - тут тебе детские рифмовочки и первый наивно-юношеский самиздат - аккуратноенько переписанные на отдельные листочки стишки, с тщанием Ивана Первпечатника разрисованные буквицы, ниткой-иглой сшитые и любовно переплетенные в “книгу” мини-тетрадошки. Сам-то он точно считал себя гением, а издатели этого не замечали. Он нравился им, но баловать они его не могли, потому как больно крамолен был брат-диссидент. Вот и лежал почирканный редакторами и возвращенный за недостатком идейности “слишком личностный” - как будто он мог быть другим! - венки сонетов, рядом - сложенные в поленницу рифм не понадобившиеся поэмы, подхваченные всеми, но не напечатанные шуточки, пародии, остроты. Словом, радости и огорчения виршеплетного ума. И поверх всего - в его, щегловском духе:

Теперь могу и умереть.

Не потому, что славно пожил,

Не потому, что стала смерть

Приятней жизни иль дорожке,

Не потому, что мой удел

Плачевен и неинтересен -

Я просто-напросто успел

Сложить два-три десятка песен!

Я просто-напросто могу

Предать бумаге и огласке

Две-три главы из старой сказки,

Перед которой я в долгу.

Уж слово сказано - считай,

Что я за этим и приехал.

С приветом! Я прокукарекал,

А дальше - хоть не рассветай!

Во как лихо, не правда ли? И действительно, тогда эти строчки звучали бравадой, кокетством упоенной жизнью души. Потом, когда автору перевалило за шестой десяток, они обрели материальную осязаемость, а сегодня, после ухода его в мир иной, воспринимаются итоговой чертой под тем, что было содеяно за жизнь.

Чемодан мы распаковали, и рукописи из него перекочевали далее на полки нашей алма-атинской квартиры. Вкупе со стихами, переводами и прозаическими опусами они составляли теперь нечто вроде настоящего писательского архива.

Чемоданные стихи. Словно волшебный серпантин из ларца циркового фокусника тянутся они бесконечной чередой. Озорные и иронические, мудреные и простодушные, трогательные и саркастические, они подсказывают, пророчествуют, радуют и утешают, предупреждают и отпускают грехи. Лева мог проснуться в глубокой ночи, чтоб сказать:

“Быстро-быстро запиши строку!” и тут же крепко заснуть. Потом из этого штриха рождались стих, детская сказка, философское назидание или притча. Все творения тут же прочитывались господам-поэтам под кружечку пива с сушеной рыбкой, вызывая одобрение или бурные дебаты. Помню, как присной памяти поэт Василий Анисимович Бернадский все охал и ахал, прыгая вокруг Льва, бесконечно бил себя по лбу и сетовал, сетовал: “Как же я не додумался? Ведь она (в смысле – идея) лежала совсем на поверхности!”. И действительно, лежала, да никто не подобрал. А Лев наклонился, и случилось восьмистишье - один к одному то время:

*Это часто слышится,
Видно, правда в этом:
“Пишется, как дышится
На земле поэтам!”.*
*Множество услышится
Истин в этой фразе.
Пишется - как дышится!
Но в противогазе.*

Левины стихи. Я люблю их за игру ума, неожиданность поворотов и нехоженность путей, безукоризненность традиционной формы и изобретательность по части нее. Я люблю, и я защищена их магическими формулами и снайперской меткостью.

*“Мысль изреченная есть ложь!”,
И потому ты молча врешь, -*

пишет он, и я вижу целый сонм “праведников”, превращающих молчание в золото, а золото - в молчание. Или вот стихи про некую забытую нами субстанцию, которой мы хватились однажды, и что же?

*А деликатность? Так, занятность -
Для стюардесс и для принцесс.
Она почти невероятность,
Она почти деликатес!*

Тут же, к деликатесам:

*Я понял с горем пополам,
Что нас переучили,
И если пишется “Вильям”,
Зачем писать “Уильям”?*

К ним же частушечка:

*Рано грамоте учились,
Поздно поняли слова,
Вот какие получились
От жилетки рукава!*

А разве не интересна, скажем, разработка его же темы “Ах, как мы хороши /Ногами из дверей!/ Скорее напиши/ И помирай скорей”? Или, скажем, стих про то, как мы пренебрежительны друг к другу в жизни, и с каким благоговением читаем стихи умерших поэтов:

*При жизни строчкам не хватало точки,
Строка была еще полустрокой...
Как будто смерть дописывает строчки
Своей сухой редакторской рукой.*

Или - озабоченное, опытом выстраданное, предупреждающее:
Ах, не пропасти б вам,

Попавши в пасти львам!

Лева, надо сказать, мужчина был, вообще-то, сердобольный и по-рыцарски воспитанный. Это почти не обозначалось им напрямую, но чувствовалось в каждой мелочи. И такие строки, не помню уже, по какому случаю написанные мне, этим как раз для меня и ценны:

Приди в мои ладони

Лохматой головой –

Никто тебя не тронет,

Покуда я живой!

Меня, правда, и тогда никто не трогал, но лучше все-таки иметь спину защитника, чем ее не иметь! Что заботлив был Лев и нежен, так это - да. А вот чемоданчик пудов этак на пять, думала я с досадой, мне все-таки подкинул. С чего бы это? И при первой возможности я, конечно, не преминула поинтересоваться таким экзотическим проявлением куртуазности.

- Ты знаешь, - объяснил он как-то чересчур серьезно, - мне показалось, что если я не отправлю с тобой рукописи, с ними что-то произойдет. Мама, как ты понимаешь, день ото дня впадает в возраст более чем почтенный, а я... - он вздохнул и почерпнул для ясности из самого себя: “Я все неразличимей, непонятней живу”... Так что, милый мой душеприказчик, ты за меня в ответе! Ты должна меня издать!».

Последние слова при всей тогдашней нелепости их прозвучали для меня как ЦУ. И вот спустя много лет я осмеливаюсь уже во второй раз (первым был небольшой, как бы пробный, под таким же названием, сборник самых любимых мною стихов) исполнить то, что мне было вверено.

Помню матушкины - в роспись! - сундуки.

Тайники, они как те золотники –

Хоть малы они, да шибко дороги,

Тайны их старозаветностью строги.

Сокровенность это иль долги?

С этим вопросом своим я отдаю вам на суд Льва Сергеевича Щеглова. Можете читать.

В свое время отец мой и, кстати, один из Левиных Учителей – Лев Игнатьевич Варшавский говорил: “Какая же ты счастливая, и как я тебе завидую - у тебя столько нечитанных книг! Тебя ждет море удовольствия!”. Так вот удовольствия вам, дорогие читатели, будьте счастливы!

Людмила Енисеева-Варшавская.

ОСЕНЬ В АЛМА-АТЕ

* * *

Когда осеняет осень
Своим золотым крылом,
О будущем думать поздно
И некогда о былом.

Созрели плоды и краски,
Теплом обернулся зной,
Реальностью стали сказки,
Придуманные весной.

И если о чем и просим
Мы недра и небеса –
Продлить эту нашу осень
Хотя бы на полчаса.

И трижды благословенней
Тот город, где нам дарят
Целительный свет осенний
Почти что до января.

* * *

От осенних костров дымок –
Облетевшие листья жгут.
Я вчера до костей промок –
Хоть крути, словно тряпку, в жгут.
А сегодня уже ледок
На поверхности тонких луж,
И проносится холодок
Меж деревьев, домов и душ.
Горьковатый дымок ползет.
Хорошо, что он горьковат,
А не то грусть-тоска возьмет,
Словно в чем-то ты виноват,
Словно бы по твоей вине
Надвигаются холода,
Словно бы по твоей стерне
Выгоняют пастись стада...
Побежал бы и попросил
Под залог или так, займы,
На сиротство моих осин
Полушалочек у зимы.

* * *

В суставах мозолистых ветвей,
В заломленных к небу сучьях
Слепые, дремучие ведьмы
Танцуют на черных руках.
Отсутствуют листья и кроны –
Два корня –
 вверху и внизу.
И путают в страхе вороны
Конец и начало в лесу.

ДОМБРА

Тягучая песня домбры.
Натянута где-то струна,
Из непостижимой поры
До нас дотянулась она.

Доносится топот копыт
Из доисторических пор,
Зажженный тогда же, горит
Пред вечною юртой костер.

Истории каменный след
Народы на память хранят,
Но струны сквозь тысячу лет
Звенят и звенят, и звенят.

Молчит византийская вязь,
Пропали данайцев дары,
Лишь как телеграфная связь –
Двужильные струны домбры.

СТОЛИЦА В ГОРАХ

Уже почти под небесами,
Подковой гор окаймлена,
Востока хитростными снами
Земле навеяна она.

Когда со сна еще раскосы
У солнца узкие лучи,
Какие вечные вопросы
Решают здесь карагачи?

Какие трепетные соки
К плодам восходят от корней?
Какие трудные уроки

В игре причудливых теней?

О чем ворчливые арыки
Не то текут, не то рекут,
Покуда солнечные блики
Печатей к ним не припекут?

Что там она и спит, и видит
В своей бессонной дремоте,
В неторопливости событий
И в ежечасной суете?

* * *

Клумбы в удушье багряном.
Блеклым пожаром горя,
Вянут надменные канны
В грустной жаре октября.

В зелени – пыльная проседь.
В проседи – сеть паутин...
Неторопливая осень
Листья уже золотит.

Воздух как будто бы дремлет.
Жидким тяжелым стеклом
Медленно льется на землю
Сонного солнца тепло.

Плещут лениво фонтаны,
Тщетно прохладу даря.
... Вянут надменные канны
В грустной жаре октября.

* * *

С синих гор нисходит утро,
Заползает в горы вечер,
Добродетельно и мудро
Этот свет очеловечен.
У деревьев есть дыханье,
У камней должно быть зренье,
Есть у вымыслов порханье,
А у замыслов паренье.
Разговаривают звезды –
Существует звездный шепот.
Никому еще не поздно
Перенять вселенский опыт.
И стоит в оконной раме
Так привычно и знакомо

Осененная горами
Крыша каменного дома.

* * *

Канны под снежными шапками,
В золоте крон – серебро,
И под подошвами шамкает
Щедрого лета добро.

Осень с зимою мешается,
Солнца еще не забыв,
Словно под вечер якшается
С плачем веселый мотив.

Качества непостоянные,
Как при игре в ералаш,
Словно художники пьяные
Сделали этот коллаж.

ВОСХОД

Краски.
Над городом краски.
Ясное небо горит.
Солнышко старые сказки
Там по утрам говорит.
Там пролетает Жар-птица,
Красна-девица – заря
Бросила в речку напиться
Из-под руки снегиря.
Плещутся алые струи
Меж голубых берегов
Выплыли синие струги,
Росы поднялись с лугов.
Выросли дикие горы
И уперлись в небосвод...
Прянул на каменный город
Красною грудью восход.

* * *

Сели, как и приливы.
Зависят от фазы Луны.
(Из научных предположений).

Укрыла ланиты
Вселенская сень,
Глядят селениты,
Как сыплется сель.
На склоне Медео

Спускаются сны,
Ах, где вы,
Ах, где вы,
Селены сыны?
Явите нам чудо,
Скажите - отсель,
Точнее, откуда
Появится сель?
А те между снами
Ушли и – молчок.
Мол, сами с усами,
А мы ни при чем.
Ушли. И сюиты
Играют с тоски –
Они – селениты,
А мы – земляки.

* * *

Над арыком грустят тополя.
Есть о чем поразмыслить зеленым.
Там, где в ноги ложилась земля,
Ныне выстлано серым бетоном.
И дома за спиной подросли,
Не заглянешь, как раньше, на крышу,
Тополь тянется вверх от земли,
А дома от бетона все выше.
Не живетя, как жили досель,
Не поможешь ни скрипом, ни стоном.
Что деревья, когда даже сель
Остановлен железобетоном!

ИСТОРИЯ

АГЕНТУРА ГРЯДУЩЕГО

Историки снова и снова соврут
В угоду текущим царям,
И кем по их ведомству числится Брут,
Следите по календарям.

Но сквозь наслонья столетий и эр,
Чтоб лучше представить момент,
Был заслан в Элладу лазутчик Гомер -
Грядущего тайный агент.

На всех континентах, во все времена
Резцом, топором и пером
Трудились агенты. Мы их письма
Как спецдонесенья берем.

А кто бы без их сообщений до нас
О времени правду донес?
И каждая строчка поэта - донос,
И каждая фреска - донос.

* * *

Я ощущаю ход истории,
Как ощущают ход трамвая,
С ее колес тугими стопами,
С ее моторов завыванием.
На повороте взвизгнет рельсами
И пассажиров накренит,
А рядом кто-то в тумбу врезался,
Расплющив фары о гранит.
Там сигарету бросят в сторону
И даже плюнут на нее,
А это все уже история
И достояние ее.
Потом найдут записки личные –
Пустопорожность беглых строк,
Но их владельцы возвеличатся
Как представители эпох.
И никуда уже не денешься,
И каждый шаг запечатлен –
Упала из кармана денежка
И закатилась в даль времен.
Какая страшная ответственность
За каждый слог, за каждый взмах!
Неистребимы, как наследственность,
Следы в гранитах и умах.

САМОЗВАНЦЫ

Как яркие протуберанцы
В белесой солнечной золе,
Вдруг возникают самозванцы
И расцветают на земле.

Без рода-племени царева,
Поднявшись, словно на дрожжах,
Спешат к престолу Пугачевы
На устрашение держав.

Себя царями возомнивши,

Бросают вызовы богам,
И падают Марины Мнишек
К самоуверенным ногам.

Быть лже-царем Наполеону
До той поры, покуда сам
Не нахлобучит он корону,
Как треуголку, на глаза.

В разноплеменной Палестине
Был самозванцем Иисус,
Пока молва о Божьем сыне
Не растеклась в уста из уст.

Самих себя воззвав из праха,
Шли самозванцы на кресты,
На амбразуры и на плахи,
На баррикады и мосты.

Творя Заветы и Кораны,
Свои рассеяв семена,
Они являлись безымянны,
А оставляли имена.

КРЕСТОНОСЦЫ

«Во имя!» -
Глаза побелели
За лучшую веру из вер.
«Во имя!» -
И по колыбелям,
По трупам пошел изувер.

«Во имя!» -
Летит камикадзе,
К штурвалу себя приковав.
«Во имя!» -
Змеиная фраза
Ползет, как пятнистый удав.

Стоит человек Лакооном,
Сжимаются кольца идей,
И нету такого закона,
Который спасал бы людей.

И вот уж, рассудком мутнея,
Идет крестоносец на дно,
Стреляя в арабов, евреев,
В индейцев – не все ли равно!

ТЕРМИДОР

Квартиры ушли за портьеры,
Дома - под насупленность крыш,
С кривою ухмылкой Тьера
Европа глядит на Париж.

Суровы с историей споры -
Всегда за спиной «Марсельез»
Гремел барабан Термидора,
Стояла стена Пер ля Шез.

Кроваво полотнища плещут
На древках гражданских свобод,
И кровь Робеспьера зловеще
По сточной канаве плывет.

ХРАМ ИОАННА

Николаю Тихонову.

Иван Васильич круто правил,
И все опричники его
Иных не признавали правил
Опричь указа Самого.

Но все сотрется под ногами
Прошедших лет, минувших дат,
И будет свят он перед нами
И перед вами будет свят.

И будет на Руси крещенной
Холоп в изодранных ноздрях
Всю жизнь гундосить восхищенно
Нам про великого царя.

Забудет люд о боли лютой,
Забудут задницы про кнут,
И где-то разве что Малюту
Недобрым словом помянут.

А царь есть царь! Нельзя холопу
Постичь, что ведомо царю:
Для устрашения Европы,
Быть может, рвали ту ноздрю!

Быть может, на крови замешанный,
Прочнее будет Божий храм...

... А царь мудрец или помешанный,
Судить не нам, рядить не вам.

Холопы слезы быстро смоятся,
Сгниют безвестные гробы.
И в храме том смиренно молятся
К плетям привыкшие рабы.

РУССКАЯ КИРХА

Соколиные очи
Кололи им шилом железным.

Дм. Кедрин.

Среди соборов, кирх, костелов,
Где шпили, как штыки, торчат,
Такой игрушечно веселой
Церквушки маковки горят.

Над ними крест - как крест нательный,
Как бубенцы - колокола...
Какою беглою артелью
Она поставлена была?

Из-под руки какого князя
Увел старшой свою артель,
Чтобы по-русски - шапку наземь! -
Швырнуть за тридевять земель?

Не быв отроду лицемером,
Строитель истине служил -
Для христиан нерусской веры
Он церковь русскую сложил.

На князя затаив обиду,
Он строил галльскому купцу.
А дома пели панихиду
По нем уж, как по мертвецу.

И был он проклят, беглый зодчий,
В избе соломенной вдовы...
... А на Руси кололи очи
Таким, как он, мастеровым.

А на Руси в острог сажали,
А на Руси клеймили лбы,
Но никуда не побежали
Мастеровые от судьбы.

А беглый умирал до срока

От страшной родины вдали.
И среди шпилей одиноко
Резные маковки цвели.

* * *

Без толпы, без молвы,
Сам почувствовал вдруг.
Нет Великой Москвы -
Есть Великий Устюг,
Есть Великий Ростов
И Великая Русь.
А больших городов
Понимать не берусь...

ЗДЕСЬ, ЗДЕСЬ !!!!

РЕЧЬ ПЕТРА I

А то-то наделалось шуму,
Когда, как рассерженный черт,
Вбежал в бородатую думу
С глазами навывкате Петр:

«Чего мы боимся? Проказы?
Холеры? Бубонной чумы?
Какой небывалой заразы,
Бояре, пугаемся мы?»

Каким непристойным неверьем
В себя мы должны поражать,
Чтоб, сидя за запертой дверью,
Мышиною дрожью дрожать?

Выходит, что ветер оттуда,
Из окон соседних Европ
Несет нам такую простуду,
Что впору сколачивать гроб?

Дурного пугаемся глаза –
Не спортили б нам молодца,
Как будто у мОлодца разум
Остался в мошонке отца,

Как будто помянут Ивана –
И собственный дом нипочем,
И он побежит, окаянный,
Бегом за чужим калачом.

Умаявшись в тяготных тяжбах,
Бояре, пощупайте лоб:
Так что же, по-вашему, каждый
В душе своей беглый холоп?

Россия – не красна девица,
Не сманишь ее леденцом.
Пусть лучше дрожит заграница
Над собственным желтым птенцом!».

ОТЪЕЗД ФЕДОРА ВОЛКОВА ИЗ ЯРОСЛАВЛЯ

И вдруг нежданно, нежданно
Погнал коней во весь карьер
Ея величеством посланный
Особой важности курьер.
Как знать, быть может, ненароком
Среди сиятельных светил
Придворный трагик Сумароков
Какую шутку отпустил.
Или иным путем секретным
Созрел диковинный приказ:
«Для матушки Елисаветы
Сыскать виновника проказ!
И чтобы тотчас был доставлен
В столицу ярославский шут!».
Ах, как забегал в Ярославле,
Заволновался честный люд!
Какие строились прожекты
О наказаньи наглеца!
Каким великим интеллектом
Сияла лысина купца!
Какой первопрестольный праздник
На грязных папертях царил,
Когда о неизбежной казни
Юродивый заговорил!
И как все сжалось и смешалось,
Как не нашлось в запасе слов,
Когда под утро оказалось,

Что повезут без кандалов,
Что в Петербург его с почетом
Курьер обязан отвезти...
Сам архирей с досады чертом
Ругнулся, господи прости.
И воцарилась в Ярославле
Неисчерпаемая грусть
О том, что гибнет православье,
Что пропадет теперя Русь.

СРЕДНЕВЕКОВАЯ ИДИЛИЯ

Мудрец был вшивен и плачевен,
На вые вервия носил
И в чадном сумраке харчевен
Царя земного поносил.
Ругал, как отрока, за что-то,
Как подопечного, ласкал.
Тогда нашелся доброхотный,
За трон радеющий фискал.
И обо всем донес жестоко.
Но царь, на счастье, был умен
И полунищего пророка
Решил к себе приблизить он.

Мудрец стал важен и торжествен,
Живот с достатку отпустил.
Но о правительственных жестах
Все с той же строгостью судил.
Тогда перед царицы очи
Мудрец доставлен был опять.
И царь сказал: "Ну, что ты хочешь?
На что тебе еще пенять?".

Мудрец в ответ пожал плечами
И головою покачал,
И с безразличием печали
Царю земному отвечал:
"В каком бы ни был я почете,
В какой ни прозябал бы тьме,
Не я Владыке подотчетен,
Владыка подотчетен мне.
Уж такова досталась участь -
Тебе рядить, а мне - судить".

И царь решил на всякий случай
Пророка дерзкого простить.
А так как выхода искала
Душа, смятенная всерьез,

Четвертовать велел фискала,
Чтоб тот про это не донес.

РЕСТАВРАЦИЯ

Сметают людей с баррикад,

Тротуаров и лестниц.

П. Антокольский.

Герои Пуссоньер
Расстреляны попарно,
Версальский карлик Тьер
Не то, что папа Карло.

Из буковых полен
Не будет Буратино –
Все буки Гильотен
Извел на гильотины.

С горбатых баррикад
Бульвары, как верблюды –
Последний маскарад
Кончается повсюду.

С последних черепов,
Как маски, сняты лица,
Настала для клопов
Пора опохмелиться.

Добрейший кондотьер,
Милейший конкистатор –
Версальский комик Тьер
Командует парадом.

А где-то в Тюильри,
Забытые народом,
Пустили пузыри
Гражданские свободы.

АСИММЕТРИЯ

Неровен час - придет беда,
Неровен час - начнется смута.
А где там ровные года?
А где там ровные минуты?

В подлунном мире все неровно -
Походка, почерк, взмах руки,
Глаза, молекулы и бревна,

И берега одной реки.

В душе у нас асимметрия -
Противовесы без колёс.
Как пьяные мастеровые,
Сердца работают вразнос.

Вы только их уравновесьте,
Сведите к общему концу -
Тотчас начнется бег на месте,
Пойдет круженье по крыльцу.

И нету выхода оттуда,
И нету выхода туда...
... Неровен час - исчезнет смута,
Неровен час - пройдет беда!

ГОРДЫЙ ГОРОД

Кто ты город – Царицын,
Сталинград, Волгоград?
Суть не в этом таится,
Как тебя окрестят.
Просто зубы ломают,
Если камни хрустят,
Отступают Мамаи,
А курганы стоят.
Здесь давно позабыли
Нападающим счет,
Стольких в Волге топили,
А еще все течет!
Опустели обоймы,
Заросли блиндажи,
Над спокойною поймой
Только солнце кружит.
И пускай ты Царицын,
Сталинград, Волгоград,
На бессменной границе
Ты бессрочный солдат.
Из военных фрагментов
У тебя состоят
Все твои монументы
И вся слава твоя.

АРХАНГЕЛЬСКОЕ

Большие пожары
В саду октяблями горят,

Играют гитары
Бредущих навстречу ребят.
Старинные клены
Музейных дворянских усадеб...
Поручик влюбленный
Вбегаёт, крылат и усат.
Ревут танцовщицы
Его крепостного ревью,
А он застрелиться
Готов за улыбку твою.
И ты, улыбаясь,
Все так же спешишь на балкон
На страшную зависть
Сошедших со стен Джиоконд...

... Иду по аллее,
Где нет и не будет внучат,
И ментик алеет,
Накинутый вкось на плеча.
Спасибо за счастье,
Красивая осень, тебе,
За это причастье
К далекой и странной судьбе,
За эти пожары,
Что здесь октябрями горят,
За эти гитары
Бредущих навстречу ребят!

ПЕРВАЯ МАЕВКА

В косынках, шаях и поддевках,
Шумны, как весною грачи,
На первую в жизни маевку
Уходят сегодня ткачи
Раскованно, звонко и гордо,
Будя расцветающий лес,
И дымный, натруженный город
Кивает им крышами вслед.
И смотрят фабричные трубы
На шумных питомцев своих:
Размашисты, резки и грубы
Плакаты и лозунги их.
Широко развернуты плечи,
Решительны их голоса,
И слушают дерзкие речи
Притихшие мудро леса.
Смешалось зеленое с алым –
Листвы и плакатов весна,
И новое спорит со старым,

Роняя в траву семена.
Напрасно потеют жандармы,
Напрасно готовится суд –
Все это зеленое с алым
В казармы ткачи принесут.
В столовки, цеха и каморки
Ворвутся потоки лучей...
... Шумит на зеленом пригорке
Веселое вече ткачей.
Закончены строгие речи,
Ребьются гармошек меха,
Берез серебристые свечи
Торжественно светят во мхах.
И скатерть самой самобранкой
Ложится к подножью берез –
По рюмкам, стаканам и склянкам
Веселье весны разнеслось.
Сияют бока самоваров,
Крамольная песня слышна,
И новое спорит со старым,
Роняя в траву семена.

ПРОЛОГ

Полвека – срок ничтожный для истории.
В ее пучинах, честно говоря,
Плеснут Нероны, промелькнут Батории,
Сотрутся горы, высохнут моря.
И все пройдет, веками припорошено,
Неотвратим, но медленен прогресс...
И все пройдет – плохое и хорошее –
Улыбкой мимолетных стюардесс.
Но есть в тиши истории скопления
Таких событий и таких страниц,
Когда у общепринятого времени
Смещаются понятия границ.
Когда за год сменяются эпохи,
Когда за час сменяются года,
И люди, словно молодые боги,
Все начинают с первого следа.
И вот тогда,
В укор тысячегодьям
Приходит на планету некий год,
В котором нет понятия «сегодня»,
Когда сплошное «завтра» настает.
Мы жили так в течение полувека,
И потому уже не мудрено,
Что перед изумленным человеком
Летела жизнь со скоростью кино.

С глухого съехала двора.

Скользнув по улицам, пропала,
Как привидение, она.
... Семнадцать лет семья не знала,
Чье преступленье, чья вина.

Семнадцать лет ждала тревожно
Не то жена, не то вдова.
Тропинки, что торил художник,
Покрыла сорная трава.

Висела в лучших галереях
Семнадцать лет картина та,
И вместо подписи под нею
Проведена была черта.

Он был за той чертою черной
На безысходном рубеже,
Где нет ни крейсера "Авроры",
Ни коммунаров на барже.

Но в них одних до смерти веря,
Он об одной беде жалел,
Что не его свезли на берег
Белогвардейцы на расстрел.

СТУК

Стучатся в дом,
Стучатся в дом,
Стучат прикладом
И перстом,
И переходит, наконец,
Тот стук
В биение сердец.
В стук вещи,
Выпавшей из рук,
И в вещей
Маятника стук.
И в стук по крыше
Дождевой,
И в стук по крышке
Гробовой.
И в вашу дверь
Раздастся вдруг
Всему предшествующий
Стук.

НАСТОРОЖЕННЫЕ ГЛАЗА

Не вороватые, не лживые,
Не убегающие вкось.
Глаза застряли недвижимые,
Как острием торчащий гвоздь.

Какой дороги отражение
Раз навсегда вселилось в них?
Штыков конвойных напряжение
И чуткость псов сторожевых.

* * *

Стреляли лучники из лука,
Свистела круглая картечь,
Была разлучница-разлука
И слезы радостные встреч.

Летели троны и короны,
Гудела матушка-Земля,
Когда двуглавые вороны
Слетали с батюшки-Кремля.

Гонялись танки и таганки
По растревоженной пыли,
А после бледные поганки
На вражьих крепостях росли.

Теперь тяжелые ракеты
Висят, как груши, на ветвях,
Но, как всегда, встают рассветы
И подавляют в людях страх.

Чего на свете не бывает!
Каких орудий не куют!
Как прежде, музыка играет,
Как прежде, песенки поют.

XXI ВЕК

На земле то циклон, то грипп,
То цунами, а то чума,
То восходит атомный гриб,
То машины сходят с ума.
Заколдованный скомкан круг,
У святых распадается нимб,
Дети лопнули от потуг –
Развязался пупок у них.
А старухи – какой кошмар! -
На задворках своих торчат,

Ипуская последний пар,
Согревают слепых внучат.
Прыгнул в неба парашютист
К удивлению деревень
И не может спуститься вниз,
И болтается пятый день.
А у волка в глазу слеза
И от горя дрожит губа –
Забодала его коза,
Неизбежная, как судьба.

* * *

Вот, наконец, и воплотили
Свои расчеты счетоводы,
И упираются в плотины
Уже обузданные воды,
И крутят лопасти турбины
И поднимают пароходы,
И орошаются долины,
И насыщаются народы,
В поля распаханы саванны,
Светила гаснут, словно свечи,
И громоздятся Асуаны
На месте Запорожской Сечи.
Из первосортного лавсана
Изготавливают мех овечий –
Непостижимо колоссальны
Следы работы человечьей.
Но на какой-то смутной глуби,
Из ненадежной Атлантиды,
Из никому не нужных Нубий,
Из непроверенной Колхиды,
Из кладов, *Идущих* на убыль,
Из опустевшей пирамиды
Непредусмотренный и глупый
Идет гортанный крик обиды.
Как будто вымершие камни
Живым камням беду пророчат,
И кто-то с новыми веками
Местами поменяться хочет.
Иной - с огромными руками,
Другой заботой озабочен –
Над городами и песками
Пройдет походкою рабочей.
И будет корчить водосбросы,
Как пни исчезнувшего леса,
И будет сумрачно и косо
Терпеть никчемность Днепрогэса,
Как ледниковые торосы,
Сметет Марсели и Одессы.

Все будет планоно и просто
Во имя нового прогресса.

* * *

Идут часы истории:
Тик-так, тик-так.
Какие тут которые?
Кто друг, кто враг?
Стучат безостановочно
По черепам
Согласно обстановочке:
Кто там?
Кто там?
Но нету у истории врагов, друзей,
Как нету в крематории
Ничьих костей.
Которые – которые?
Любых возьми.
Придумана история
Потом людьми.

* * *

История!
Какая там история!
История в софийских куполах,
В замшелых стенах крепости Батория
И под броней музейного стекла.
Живущие еще не видят поступи –
Они воюют, трудятся, спешат –
Прокладывают к будущему подступы.
Живут, а не историю вершат.
Для них важнее цифры планов точные
Да верный глаз, да крепкая рука –
В опалубке покамест, неразборчива
Сегодняшней истории строка.

ВРЕМЯ - XX ВЕК

ИСПАНИЯ

Мирославу Филипу.

"Над всей Испанией безоблачное небо!",
Обнажены и фронт, и тыл, и фланг -

Республиканцы погибают немо
Под непосильной тяжестью фаланг.

Простите человечество, испанцы,
Мы отстоять вас так и не смогли.
Последние полки республиканцев
Не поднялись с раздавленной земли.

Меня донныне в жар кидает память,
И на лице горит печатью срам.
Они прошли, они прошли, Испания,
Как ни кричала ты "No pasaran!".

Твоих сирот народ мой скорбно пестовал
Среди своих бесчисленных сирот.
Опять идут. Опять на свете бедствие.
Спаси свои Испании, народ!

ПАМЯТИ ТЕЛЬМАНА

*Офицеры СС, расстрелявшие
Эрнста Тельмана, живут в
Западной Германии. Имена их
известны.*

Два ээсовских офицера
Четыре раза стреляли в спину.
Слишком крутой была мишень,
Чтобы им промахнуться.
Печь крематория,
Правительство Берлина
И эти двое –
Цепь, которой не разомкнуться.

Два мелких ээсовских фюрера,
Два незначительных вождя смерти,
Что они значат
По сравнению с бурей,
Бушевавшей тогда на свете?
Четыре выстрела – что они стоят
Среди миллионов расстрелянных?..

Фюрер – фюреру:
«Знаешь, кого мы сейчас с тобою?».
Фюрер – фюреру:
«Знаю. Это был Тельман!».
Мелкие вожди смерти
Всегда знают, в кого стреляют.

Тысячелетье за тысячелетьем

Они работают.
Они убивают.
Всех минувших времен тираны
Как без рук, без таких вождят,
Разрастающихся на ранах,
Как поганки после дождя.

Стоит крови однажды брызнуть
В очертаньях земных границ,
Как она вызывает к жизни
Эмбрионы таких убийц.

Запах крови хмелен без меры,
Опьяняющ кровавый вкус,
И становится изувером
Обагрившийся кровью трус.

Кровь взбесившимися ручьями
Рвет намордники и узды,
И становятся палачами
Безобидные подлецы.

... Два эсэсовских офицера,
Четыре выстрела в крематории...
Мирный западный бюргер Бергер
Немецким детям преподает историю.
Мирный западный бюргер Отто
Чьи-то деньги считает в банке.
Поглядев, не поверит кто-то,
Из какой они оба банды.

Оба стали не очень крупными,
Но заслуженными фигурами.
Прокатились шарами круглыми
По спаленной земле шарфюреры.

В успокоенной мирной жизни
Равномерная тишь да гладь...
Ну, а что, если завтра брызнет
Над планетою кровь опять?

Оба с цепи сорвутся псами
И сощурят глаза предельно,
И отыщут стволами сами
Кто там Тельман и кто не Тельман.

ТРИУМФАЛЬНАЯ АРКА

Над сонной Землею тревожно

Кометы виляют хвостами,
И кто-то темно и безбожно
Котов прогибает мостами.

Вздымаются волосы дыбом
На стареньком клоуне рыжем,
Как будто угодника нимбом
Венчают коготки Парижа.

Доходит земная тревога
До самых пронзительных нот,
И шубою Господа Бога
Спешит обернуться енот.

И каркают
 серые птицы,
И крысы бегут с корабля,
Икарот,
 Сервантесом,
 Ницше
Спешит откупиться
 Земля.

ТЕВТОНСКИЙ ЗАМОК

Поспешно превращались в стойла
Пустые площади в домах,
И неприступно-непристойно
Плясали полчища впотьмах.
Слетали филины с карнизов,
И у каминных изразцов
Неосяземо капризно
Кривилось узкое лицо.
Как будто, вписанное в стену,
Принадлежа иным мирам,
Оно спускалось постепенно
И распускалось по коврам.
И скрытым признаком болезни
Лежали тени у глазниц,
И чьи-то призраки полезли
И пали, попранные, ниц.
И ничего не оставалось --
Все исчезало поутру.
Лишь крыса мертвая металась,
Огромная, как кенгуру.

РИЖСКИЙ ТУМАН

Над крышами Риги туман
Повис, как цепные вериги,
Слоист, как старинные книги,
Незыблем, как старый обман.

Движенье застыло с утра,
Как сонное воображенье.
А было ли это движенье?
Жила ли планета вчера?

Настало сплошное сегодня,
Не ждем никаких перемен.
И только спирали антенн
Наладили связь с преисподней.

Оттуда, из пекла натур,
В динамиках что-то клокочет,
Как будто диковинный кочет
Скликает немислимых кур.

Затмило. Ни искры, ни зги.
И что бесконечно обидно,
В реке этой млечной не видно,
Друзья там плывут иль враги?

А, может, и нет никого
За зыбкой границей тумана,
Как нет на страницах обмана
Былого пути твоего.

ДВАДЦАТЫЙ ГОД

Этот ласковый город
С этим летним дождем,
С этим медленным – к горлу
Азиатским ножом.

Сколько милых улыбок
На устах басмачей,
Сколько было ошибок
Средь застольных речей.

Упоительно медлен
Дастарханный восток,
Только сколько ни медли,
Надвигается срок.

От вчерашних туманов
Только росы дрожат,

От вчерашних баранов
Только кости лежат.

От вчерашних кумысов
Только хмель поутру,
Дастарханные крысы
Что-то тащат в нору.

Звякнут длинные струны
Караванной домбры,
В небо спрячутся луны
До поры, до поры.

Мы не каждое слово
Понимали тогда.
Только видели совы,
Где таится беда.

КРОВНАЯ ТЕМА

Не перешла по наследству,
Не подарили друзья,
Тема военного детства –
Кровная тема моя.
Кровная тема кровава,
Тема грустна и смешна –
Мне на слова эти право
Выдала в детстве война.
Дети беды и печали
Прифронтовых городов,
Помните, как мы кричали
В пекле войны
 «Будь готов!»,
Школьники пятого класса.
Взорванный воздух горчит.
Тема, как пепел Клааса,
В сердце доныне стучит.

* * *

Июль. Четвертая бомбежка.
Базар к сиренам не привык.
Смешон, как будто понарошку,
Толпы многоголосый крик.

Нашел глумящийся блицкриг
Сюда шкодливую дорожку,
Долбает город понемножку,
Хоть тот и весь-то невелик.

Разбит фанерный балаган,
Убита древняя старушка,
Как захмелевший хулиган,
В пыли валяется петрушка.

Еще не ведает страна,
Какая ждет ее война.

НОЧНОЕ ДЕЖУРСТВО

Мы знали, мы все это знали.
По звуку, по вою, по свисту
Поющей и рвущейся стали,
По нашему личному риску.
Мы падали грудью на крышу,
Вдавясь в листовое железо.
Волна проходила чуть выше,
Над нами по узкому срезу.
И что-то уже нелюдское
В спрессованном воздухе было –
Шершавой, тяжелой доскою
Волна нас по лицам лупила.
Мы прятали битые лица
В железную горькую ржавость,
И только одна черепица
Под нами уже не держалась.
Сползали на кромку карниза,
Как с дерева лезет кора...
... И книзу, и книзу, и книзу –
В бездонную пропасть двора.
И корректировщица Таня,
Зенитная фея огня,
Внутри этой пропасти канет,
Наверное, вместо меня.

ПСИХИ

Первыми эвакуированы душевнобольные.

Из сводки.

От ужаса зимней блокады,
С безвыходно малой земли,
Со смертных застав Ленинграда
По Ладоге психов везли.

Сходили с ума санитары.
Шоферы сходили с ума,
Защитные синие фары

Гасила безумная тьма.

И были таинственно тихи,
Застыв у промерзлых бортов
Вчерашние буйные психи
Со всех сумасшедших домов.

Упорно, упрямо, угрюмо
Сквозь эту кромешную тьму
Позли и везли полоумных
В какую-то там Кострому.

Под стук метрономов зловещих
Хотелось узнать об одном,
Что нету вокруг сумасшедших,
Чтоб тоже не дрогнуть умом.

ФРОНТОВОЙ ЛЕС

Деревья просто полегли
И грубо,
И пни болели у земли,
Как зубы.
И страшно было пенье птах
Под пнями,
И что-то дергалось во пнях
Корнями.
И как последний эшелон –
Подростки,
Сбежались стайкой под уклон
Березки.

ЛЕНИНГРАДСКАЯ СИМФОНИЯ ШОСТАКОВИЧА

Навзрыд,
Как в ночи ополченья,
Уходят звуки в темный зал.
Ракет
Кинжальное свечение
Сечет наотмашь по глазам.
О, эти флейты!
Флейты, флейты!
Железный геббельсовский марш.
На сатанинские котлеты
Готовят пушки красный фарш.

«Крыты машины наши
Крепкою сталью Крупа,
Где мы проходим маршем –

Трупы, трупы, трупы
Да свастики черный крест.
Эй, города и пашни,
Слушайте наши трубы:
Ляжет пред нами каждый
Трупом, трупом, трупом
На полземли окрест».

Застыл,
Исполненный значения,
Полуразрушенный вокзал.
Как символ
Самоотречения
Солдата мертвого глаза.
О, эти флаги,
Флаги, флаги!
Горит простреленный кумач.
Напейся слез соленой браги –
И все до тла переиначь!

ЮНОША, НЕ ПОМНЯЩИЙ ВОЙНЫ

Вами, сударь, нынче недовольны все,
Более чем кем-либо досель.
Ваши возмутительные вольности
Тщательно заносятся в досье.
Вы подсудны в качестве ответчика,
Вы, едва родясь, уже должны.
Персонаж поэтов и газетчиков –
Юноша, не помнящий войны.

Вы теперь какие-то особые...
Пьете, что ли, более отцов?
Или все пошло от модной обуви?
И вообще – не то у вас лицо!
Зря мы, что ли, вам пахали, сеяли?
Вы б до гроба кланяться должны!
Льете воду на какую мельницу,
Юноша, не помнящий войны?

Вы меня пошлете к черту, юноша –
Замолчи, мол, старый демагог.
Но не мне, а вам придется в будущем
Разбирать сумятицу дорог.
И не мне, а вам греметь набатами
На грядущих форумах страны,
И не будет вам пути обратного,
Юноша, не помнящий войны!

Уж не знаю, хорошо ли, плохо ли
Мы для вас сработали житье.
Только вам командовать эпохой
И держать ответы за нее.
Только вам и каши все расхлебывать,
Те, что нами в спешке сварены.
Так что сами уж смотрите в оба вы,
Юноша, не помнящий войны.

Лишь в одно я только верю искренне –
В дни, когда забудется война
И у вас серебряными искрами
На висках проступит седина,
И когда придут другие юные
И наденут новые штаны,
Будут мучить их речами умными
Дедушки, не знавшие войны.

НЕОБХОДИМЫ ФОТОГРАФИИ

Нам необходимы фотографии --
Наших жизней различимый след,
Зримые крупницы биографии
Каждого рожденного на свет.

Вслед нам батальонные фотографы
Через годы с брустверов следят,
Фронтовые бритые биографы
Птичек с объективов не сулят.

Где там было до веселья птичьего?
Жизни до мгновений сократив,
Мы глазами, ко всему привычными,
Словно в ствол, смотрели в объектив.

И летят, летят из треугольников
На руки исплаканных невест
Карточки сержантов и полковников
Как неистребимый благовест.

Ибо было право и уверенность
Будущим сегодня дорожить.
Наши фотографии -- уверенность
Нашим сыновьям на право жить.

Переходят наши биографии
В новую историю страны,
Переходят наши фотографии
В памятники прямо со стены.

СОЛДАТСКОЕ СЧАСТЬЕ

Повезло человеку все же:
Всю войну под обстрелом прожил.
А ведь мог бы в начале самом
К тем, какие не имеют сраму.
Но дошел почти до Берлина,
Фотокарточку выслал сыну,
Генерал в приказе отметил...
Будет вспомнить что
На том свете.

МОНОЛОГ УБИТОГО

Живые сами знают, как им жить.
Живые сами помнят, что им помнить.
Я говорю сегодня как покойник,
Из гроба вставший, чтобы говорить.
Я умирал на всех широтах мира
От рук разноплеменных палачей,
В подвальной стуже и в жаре печей.
Живущие,
Не проходите мимо!
Живущие и не припомнят, может,
Что я убит.
Но я убит.
Убит.
И встал сейчас из-под могильных плит
Затем, чтоб чью-то память потревожить.
Своих убийц и мы простили б, может быть,
Когда б сейчас еще живыми были.
Увы, убийцы нас уже убили,
И потому их некому простить.

ПОХОРОННАЯ КОМАНДА

Безмолвно ползли за полками
Костлявой старухи бойцы,
В едином строю с мертвяками
И сами почти мертвецы.

Калеки взводов похоронных,
Больные, увечные, и,
Пожалуй, одни лишь вороны
С такими вступали в бои.

Когда они брали лопаты

В угрюмом строю на плечо,
То вслух чертыхались солдаты,
Втихую молясь горячо.

Их тоже порой убивали,
У них сиротили детей,
Но им орденов не давали,
О них не писали статей.

Прошли похоронные деды
По смертной своей полосе...
И только медаль «За победу»
Они получили, как все.

ДИСЦИПЛИНАРНЫЙ СОНЕТ

Отменены штрафные роты,
Штраф до раненья отменен,
Взял на себя его заботы
Дисциплинарный батальон.

Здесь не до крови, здесь до поту,
Виновный к поту принужден.
Возьмите этот батальон,
Отдайте мне штрафную роту!

О, дисциплина, дисциплина!
Колени наши подогнем –
Дисциплинарная купина,
Неопалимая огнем,

Воздуховный цепеллин
Непроходимых дисциплин.

* * *

А ну-ка к стенке!
К стенке всех!
Пред вами воинство.
И вы идете (руки вверх)
Со всем достоинством
И благородно – пулю в лоб!
Самоотверженно!
Не упрекнули после чтоб
В пыли поверженных.
А нет бы –
Под ноги клубком,
Зубами в камень,
Чтоб кулаком
И матюгом

Под сапогами!
О, высшей воли
Высший взлет –
Зубами в ляжку,
Всем животом на пулемет!
Потом вращающую.

ГОД РЕБЕНКА

Наши дети, наверное, праведней –
Ничего у них напоказ,
Наши дети, наверное, правильной
Защищают себя от нас.

Остроглазый парнишка в Ольстере
Стал стрелять, разучась пищать.
... До какой поры будут взрослые
Счастье детское защищать?

* * *

Шла вторая мировая,
Как телега под углом,
Как молонья шаровая,
Как отцепленный вагон.
Словно язва моровая,
Словно сорванный погон,
Словно корка каравая
Под солдатским сапогом.
В животах урчал картофель,
В головах звенел набат,
К черту-дьяволу пехота
Раком пятилась назад.
Самодельный Мефистофель,
Доморощенный злорад
Ржал, когда на полный профиль
Отрывал окоп солдат.

БАЛЛАДА О СЫНЕ ВОЙНЫ

Был король, как король.

Б. Окуджава.

Необычен, приземист и плотен,
На внутреннем взводе с утра,
Он был королем подворотен,
Царем проходного двора.
Шального бесстрашия сила,
Стальная пружинистость мышц
Его по кварталу носила,

Кидала с балконов и крыш.
Он морду ментам-комсомольцам
Расквасить успел не одну,
Пока не ушел добровольцем
Семнадцати лет на войну.

Как был он уместен на фронте!
Все было ему по плечу.
Не лезьте! Не суйтесь! Не троньте!
Убью! Раздавлю! Растопчу!
Пришли ордена и медали,
Что и не мечталось – пришло!
Но где-то среди прусских развалин
Безвылазно не повезло:
Накрыло, насело, прорвало,
Настало – ни встать и ни сесть,
И ноги ему оторвало
По самое что ни на есть.

Под скрежет подшипников ржавых
Катилась Победа его,
И салютовала Держава
В честь сына войны своего.
Как прежде, он громко и гордо
В своих подворотнях орал,
Но только мильтону до морды
Теперича не доставал.
И он становился все тише –
До шепота, до хрипоты.
Все выше, все выше и выше
Над ним подымались менты.

* * *

Нету отчего дома,
Нету дома того,
Где солома едома,
Если нет ничего.
Все на свете знакомо –
Мало ль было всего!
Нету отчего дома –
Отчего? Отчего?

ПОБЕДА

Бои сюда не докатились,
Здесь глубь страны,
Здесь даже лампочки светились,
Как до войны.

Сюда не падали осколки
Тяжелых мин.
Стоял в сухой степи за Волгой
Глубокий мир.
И только вдовы голосили
То там, то здесь
И почтальоны приносили
Дурную весть.
И уносили эшелоны
Во тьму веков
Юнцов еще не оперенных
И стариков.
Теперь в селе на обелиске
Молчит солдат,
И только траурные списки
Над ним кричат.
Как будто в братскую могилу
Сюда снесли
Воспоминания о милых
Со всей земли.
И я, проезжий и прохожий,
Стою без слов,
Внезапным словом растревожен:
«Щеглов».
Чей он поилец и кормилец?
Когда убит он?
Впечатан мой однофамилец
В строку гранита...

* * *

Сжат игрушечный пистолет
Пятерней моего сынишки.
Вот уже много сотен лет,
Как играют в войну мальчишки.

Отгремевших движений гуд
Снова мечется средь двора,
Дома матери тихо ждут,
Чтобы кончилась их игра.

Но гремит и гремит «Ура!»,
Стекля окон в домах дрожат,
Кобура висит у бедра,
Пистолет пятернею зажат.

Отгремевших сражений гуд
На земле еще не затих –
Наши дети, увы, растут,
И игрушки растут у них.

ПАМЯТЬ ДОРОГ

Мы помним столбы верстовые,
Мостов фантастических бред,
Где нашей судьбы постовые
Махали нам палками вслед.

Мы помним дорожные знаки
И встречные рыла машин,
Кидались за нами собаки
Облаяв мелькание шин.

Мы помним детишек пузатых,
Махавших ручонками нам,
И строгость жердей полосатых,
Рубящих пути пополам.

Мы помним дорожного бога
По имени автомобиль,
Но нас позабудет дорога,
Лишь только уляжется пыль.

КОРДЕБАЛЕТ СОРОК ШЕСТОГО

Прикарточная система –
Талончики, ордера...
Не думалось мне про сцену,
Но, видно, пришла пора.
Карельская оперетта,
Народный артист Ярон...
На помощь кордебалету
Созвали со всех сторон.
Пятнадцатилетний парень –
Хоть петь, хоть плясать дано!
Талантлив или бездарен –
По карточкам все равно.
Черняшки полкилограмма,
Еще мясо-рыба плюс...
Какая была программа,
Припоминать боюсь.
Быть, может, что был там Кальман,
А может быть, был Легар...
Ворочать бы надо камни,
А я ногами лягал.
Танцоры по объявлению,
Как стая хромых ворон,
Но выплясал представленье
Народный артист Ярон.
Карельская оперетта,
Послевоенный блеф –

Плохого кордебалета
По карточкам черный хлеб.
Искусственное искусство –
Голодный глоток слюны...
Но, Боже, как было вкусно
Все это после войны!

МУЖСКАЯ ШКОЛА

В наши классы девчонок тогда не пускали,
Наша школа тогда называлась – «мужская».
Мы, наверно, грубее сегодняшних были,
Мы, наверно, больше друг друга лупили,
Мы курили махорку с четвертого класса,
Мы носили трофейные битые каски,
Мы осколки снарядов в карманах таскали –
Наша школа тогда называлась – «мужская».
Если б нынче внезапно те годы вернулись,
Мы бы сами, наверно, себе ужаснулись,
Но директор – крикун с неприличною кличкой –
Был, по чести сказать, стариканом отличным.
Он-то видел мальчишек нас на год постарше
Уходящих в окопы ускоренным маршем.
И была всех дороже от крыши до пола
Сотни раз от бомбежек спасенная школа.
Не другими, не кем-то спасенная – нами,
Опаленными жаром пожаров руками.
Это нас назначали на дежурство ночное,
Это нас обучали рукопашному бою,
Это нас величали нерушимую силой,
Это мы отвечали за устойчивость тыла.
Мы забыли семейные детские сказки,
Мы носили трофейные битые каски.
Головою своей ежечасно рискуя,
Проходили суровую школу мужскую.

НЕМЕЦКОМУ РОБЕСНИКУ

Гансик из гитлерюгенда,
Фаустпатронщик вшивый,
Счастье нам обоюдное –
Оба остались живы.
Я от фашистской бомбы
В тартарары не сверзился,
И фанатичным лбом ты
В танковый лоб не врезался.
Оба по свету шастаем,
Дышим, едим, глядим

И мелюзгу ушастую –
Деток своих плодим.
Слышишь,
 из гитлерюгенда,
Разве сегодня мало
Неба нам обоюдного –
Общего одеяла?
Дернешь его за краешек –
И затрещит по швам...
Это хоть понимаешь ли,
Родственник мой по вшам?

КРЕСТОНОСЦЫ, XX ВЕК

1.

Нет, не одни голубки мира
Над молодежными рядами,
И не одни лишь дезертиры
Брели по тропам во Вьетнаме.
Не все сжигали у Сената
Свои военные билеты –
Там есть кому идти в солдаты,
И есть кому носить береты.
Пока что слово «молодые»
Не всюду значит «демократы».
Да, молодые.
Но какие?
Что свято там?
И что проклято?

2.

Фашизм приходит молодым –
Уходит старым,
И расстилается, как дым,
Над всем пожаром.
А стыд – не дым, глаза не ест,
Моргай свободно.
Шагай «нах ост», шагай «нах вест» -
Куда угодно.
Ах, перестаньте обвинять
Большого дядю –
Юнцы умеют поступать,
На дядь не глядя.
Смешно от маминых речей –
Сынка под фартук:
- Ах, ты проказник! Ты зачем
Ходил в Тиргартен?
Зачем в солдатики играл
Ты во Вьетнаме?

Я б этих матушек послал
К солдатской маме!
Ответ берите с сыновей –
Они-то знают,
Какой дорогою своей
Куда шагают,
Какого цвета будет дым
Над их пожаром...
Фашизм приходит молодым,
Уходит старым.

3.

С гитарами наперевес
Проходят парни через лес.
И чутко слушают леса
Их молодые голоса.
Их песни-выкрики громки,
На струны, словно на курки,
Их пальцы крепкие легли,
Их ноги сильные в пыли –
В пыли дорог, в цветной пыльце –
У них ни тени на лице.
С гитарами наперевес
Они проходят через лес,
А рядом вздрагивает лист,
Заслыша молодецкий свист.
Наверно, сморщенность коры
Еще осталась с той поры,
Когда, горланя и крича,
Рукав закатан до плеча,
Шли оккупанты через лес
С винтовками наперевес.

4.

Крестоносцы, несите кресты!
Крестоносцы, сжигайте мосты!
За собой!

За разбой
И за веру
Заплатит бог –
За тобой
Изуверы
Всех эпох.

Крестоносцы – мечом и огнем!
С нами бог!
В рог бараний
Весь мир согнем
В бараний рог!
Всем баранам даны рога.

Под рогами
Лбы.
На врага идем,
На врага!
Перст судьбы.
 Видишь, пламенем крест объят?
 Ку-клус-клан.
 Смертоносный творим обряд –
 Либо пан,
 Либо пропал.
 Всех в напалм!
Кто не с нами, тот против нас –
Раз!
Кто не с богом, тот с чертом –
Два!
А у черта
Свои права...
 Эй, планета, плашмя ложись!
 Ноги раздвинь!
 Спать с тобою
 Пришел фашизм.
 Дзинь
 По горному хрустально!
 Хочешь
 Горького миндалю?
 Будет спирт,
 Как иприт –
 Пирр
 Победу творит.

5.

Молодой человек,
Загляните в зеркало.
Нету зеркала – в глаза тете.
Вас еще не полностью
Исковеркало?
Самого себя не узнаете?
Узнаете?
Вот и прекрасно,
Узнавать самого себя –
Гражданский долг.
Не то из-под нашей физиономии
Пастью клыкастой
Ослабится однажды
Волк.

ШТУРМОВИКИ

Да, мы умеем морды бить
Или стрелять перед рассветом,

Все это надобно забыть –
Не надо забывать об этом.

Теперь пугающ и зловещ
Наш призрак шляется повсюду.
Пусть забудут эту вещь –
Но про нее не позабудут.

Нас манят тем же калачом,
Опять мы стали на примете.
Мы позабыли все на свете
И не забыли ни о чем.

А ФАШИЗМ МНОГОЛИК

А фашизм многолик,
В этой жизни
Вижу сотни улик
Я в фашизме.

Вон опять Пентагон
Рвется к власти –
Так ведь это же он,
Но без свастики!

Под окном до темна
Бродит «Лига» -
Вот еще вам одна
Их улика.

Мы дрожим, запершись
От бандитов –
Значит, рядом фашизм,
И открытый.

Наркоман придушил
Наркомана –
Это тоже фашизм,
Как ни странно.

Вон девчонку там тискают
Хором –
Это тоже фашистская
Свора.

Он все тот же фашист,
Образ старый,
Не спасает ни твист,
Ни гитара.

Книжный дым
Горизонт застилает...
Что ж, фашизм голубым
Не бывает.

Борзописец речист,
Бьет в литавры –
Это тоже фашист
Из кентавров.

Слышишь, ветры несут
Шорох мшистый?
Ходят волки в лесу,
Как фашисты.

ШУМАХЕРОВСКАЯ ЛОГИКА

В море плавают медузы,
Проплывает пароход.
Фриц Шумахер толстопузый
Тоже по морю плывет.
Рядом шлепает по лесу
Целый выводок внучат –
Жизнерадостных, курносых,
Замечательных волчат.
И, покачиваясь грузно,
Опираясь на струю,
Фриц Шумахер толстопузый
Думу думает свою:
«Ради этих побережий,
Вот для этой ребятни
Раздавался гром и скрежет,
Крик и стоны солдатни».
И всплывает в сердце старом
Горделивая волна:
«И проиграна не даром
Нашим фюрером война!».

СРОК ДАВНОСТИ

*Они заслуживают прощения...
Из западно-европейских газет.*

Срок давности!
Срок давности!
Забудь,
зарой,

закрой...
Я, давностью задавленный,
Лежу в земле сырой.

Над старую могилую
Деревья шелестят,
А на земле помиловать
Моих убийц хотят.

Замученный, затравленный,
Поставленный к стене,
Я знаю: срока давности
Не вычислили мне.

Живые люди – щедрые,
Простят врагам моим:
Мои мученья смертные
Неведомы живым.

Возмездие, отмщение
Со мной в могильной мгле,
А надо мной прощение
Убийцам на земле.

Земля моя летящая!
Среди живых детей
Не позабудь лежащего
В сырой груди твоей!

ИЮНЬ 41 – МАЙ 45

В году бывает два особых дня,
Когда встают в ружье погранзаставы,
И вместе с ними в отвесах огня
Встают виденья подвигов и славы.

Ровесники сегодняшних солдат
Не могут постареть ни на мгновенье,
Они правофланговыми стоят,
Чтоб было на кого держать равнение.

Встают они от Бреста до Курил
Присутствовать на наших перекличках
Из братских нестареющих могил
В нетленных гимнастерках пограничных.

Со дня незабываемой беды
До дня непререкаемой Победы
Идут их неотступные следы

И захлебнулся автомат.
Как мы взметнулись,
Как рванулись,
По кочкам вырвав дожди.
Нас, наконец-то, били пули,
А не лягушачьи дожди.
Взахлеб платили пулеметы
За эту грязь, за этот труд,
За комариное болото,
За перепутанный маршрут.
И все. И кончена тревога.
Глядим, как был блиндаж обжит.
На дне бендеровского лога
Майор застреленный лежит.
Прошло, как бритвою, по горлу,
Ни крикнуть, ни обматерить...

Вам повезло, штабной топограф,
Вас будет некому топить.

КОВБОЙСКИЙ ВАЛЬС

То есть, вы понимаете,
Какова обстановочка?
Вы себе покупаете
В магазине винтовочку.
Кандидаты, как уточки,
Проплывают по Штатам,
Можно этак за суточки
Отстрелять кандидатов.
Соответственно, публика
Перед вами пасует,
И за вас вся республика
Из ружья голосует.

* * *

Аэродром, как космодром,
Где новой веры вербный гром.
И вслед за ним искривлена
Пространства старого спина.
И заплетаются вдали
Следы сегодняшней Земли.

Седой бетон течет в потом,
Как по реке течет вода.
И что осталось за хвостом,
Не повторится никогда.
Иже еси на небеси --

Навек заклинило шасси!

* * *

Мир был вооружен,
И на кромку Земли
Осчастливленных жен
Лейтенанты свезли.

В мире мир укрепил
И снялся гарнизон.
И остался в степи
Город брошенных жен.

* * *

Полвека выстоял подряд
В строю Панфиловский отряд
В густой бессоннице ночей
До наших дней от басмачей.
И каждый воин горд и рад
Попасть в Панфиловский отряд.

* * *

Погранзастава – грань страны.
Ни перейти, ни переехать.
Союза верные сыны
Стоят несокрушимой вехой.

Стоят. Бессмертны, как гранит,
Как памятники. Каждый воин
Всю жизнь страны в себе хранит
И каждый памяти достоин.

Погранзастава. Никогда
Границы той не пересилить,
Тверда тревожная черта
У Казахстана и России.

* * *

А в Ярославле храмы рушили,
Чтобы разжиться кирпичами.
Вокруг ворчали по-старушечьи
И по-старушечьи молчали.
А храмы падали у Власия
И на углу на Духовской,
Со стен угодники безгласные
Шли, как бараны, на убой.
Пророкам в лоб кувалдой бухали,

И кровь кирпичная текла,
И об асфальт угрюмо ухали
В последний раз колокола.
Тележный скрип стоял на площади,
И храм, поверженный во хлам,
Куда-то увозили лошади...
К чему пророки лошадям?

ЧАСОВНЯ НАД КОТЛОВАНОМ

На стройке шла работа спешная,
Трудились днями и ночами,
И краны башенные бешено
Размахивали кирпичами.
А ты в окно подслеповатое
Из колоколенки глядела
И, купола заложив ватой,
Колоколами не гудела.
Твои века на ускорение
Смотрели медленно и волгло,
И возникало подозрение,
Что все на свете – ненадолго.

СТАРЫЙ БЕЗБОЖНИК

Ходит старый безбожник
Все молчком да тишком,
Мнет седой подорожник
Осторожным шажком,
Смотрит в землю упрямо,
Прячет в сторону взгляд,
Возрожденные храмы,
Словно свечи, горят.
Что тут скажешь – наука!
Достоянье искусств!
Ни единого звука
Не исторгнешь из уст,
Не полезешь открыто,
Как бывалыча встарь.
Не войдешь с динамитом
В ненавистный алтарь.
Ходит старый безбожник,
Как в тылу у врага...
... И во лбу осторожно
Прорастают рога.

* * *

И канут годы, словно камни в воду,
И все бывшее прорастет бьльем,
И что такое «сын врага народа».
Мы в словарях толковых не найдем.

В ученых, мудрых, беспристрастных книжках,
Где все проблемы вскрыты до конца,
Мы потеряем этого мальчишку,
Как он когда-то потерял отца.

А мальчик был. С руками и ногами,
И как ни странно, даже с головой,
И пусть в меня сейчас же бросит камень
Кто не встречал на улицах его.

Его встречали и не замечали,
Он окружен был некою стеной,
Большие дяди с сильными плечами
Мальчишку обходили стороной.

К нему детей играть не подпускали,
Когда на елках становились в круг,
Детишкам что-то взрослые шептали,
И те мальчишки не давали рук.

А этих взрослых тоже брали ночью,
Перевернув вверх дном квартирный хлам,
И оставались дочки и сыночки
На страх соседям и учителям.

А, впрочем, нет. Я, кажется, ошибся -
Мальчишка принят был в игру одну:
Ему всегда давали роль фашиста,
Когда играли где-нибудь в войну.

Его всегда геройски побеждали –
Иначе быть, конечно, не могло б,
Его гоняли с криком: «В бой за Сталина!»,
Ему камнями разбивали лоб.

Так было долго, долго. Но однажды
Пришел его мучениям конец:
В его родном подъезде был посажен
Последний непосаженный отец.

Тогда игра переменилась быстро.
Набрав в карманы битых кирпичей,
С традиционным криком: «Бей фашистов!»
Они погнали деток стучачей...

... Уходят годы, словно камни в воду
И зарастают тиной берега.
Была такая должность: «враг народа»,
Существовало званье: «сын врага».

ЧСИР*

И снова мое государство
Вины на себя не берет.
Н. Коржавин.

Старушкам положены льготы
За мужа, за сына, за дочь...
А ты, старушенция, кто ты?
Иди-ка отсюда прочь!
Твой муж не дошел до Берлина,
Свернул на пути в Магадан.
Пожизненно бабка повинна –
Не с тем закрутила роман.
Когда на руках похоронка,
Законно ты требуешь благ,
А если в руках бумажонка
С сомнительным штампом «ГУЛАГ»?
И сколько б реабилитаций
Страна ни давала потом,
Ни чести тебе, ни дотаций –
Ты до смерти с грязным хвостом.
За спешкою сиюминутной
Тебя позабудет народ –
Беспамятно, но и уютно
Без лишних скорбей проживет.

** ЧСИР - забытая аббревиатура: член семьи
изменника Родины (по Сталину).*

АЛЖИР*

Из биографии друга 1939 г. рождения.

Я родился в АЛЖИРе,
В глинобитном сарае,
Где как будто бы жили,
Кое-как умирая.
Дети здесь не кричали,
Слез не выдали бабам,
И над всеми начальник
Вырастал баобабом.

Деловитый и сытый,
Он ходил по сараю,
Мне мамашу открыто
Среди нар выбирая.
Населенье планеты
Баобаб увеличил,
Оставаясь бездетным
Сам по паспорту лично.
У меня же в анкете
Нету отчества напрочь –
Баобабовы дети,
Или раб Баобабыч.

АЛЖИР – Акмолинский лагерь жён изменников Родины.

У ОДНОГО КОСТРА

Давай присядем, гражданин конвойный,
Сними с плеча тяжелый карабин,
Давай с тобой поговорим спокойно,
Давай с тобой за жизнь поговорим.

Мы столько лет с тобой ходили рядом!
Ты был сытей и был теплей одет,
Но жил у той же лагерной ограды,
И в той же тундре твой затерян след.

Нам в лица дул один и тот же ветер,
Один мороз нам леденил язык,
Быть может, ты, конвойный, мне ответишь:
Чего добился ты? Чего достиг?

Не трись, конвойный, мы свои же люди,
У одного костра мы обожглись...
... «И пусть нам общим памятником будет
Построенный в боях социализм!».

МАРТ 1963-ГО

Текущий день сползает вниз
Огнем морозного заката.
Идет домой канцелярист,
Снимает кассы инкассатор.

Спешит на танцы молодежь,
Идут войска печатным шагом...
Во всей России не найдешь

Слезы иль траурного флага.

А в этот день скончался он,
Кого отцом и другом звали,
Кто был бессмертным наречен,
Кого поэты воспевали.

Лишь ты его не позабыл,
Хоть не писал посланий звучных
И верноподданнический пыл
Не излагал в трудах научных.

Ты воевал. И помнишь, как
С последним вздохом вскрикнув «Сталин!»,
В кровавом месиве атак
Солдаты слепо умирали.

Лишь ты его не позабыл,
Хоть не дано тебе медалей,
И в тех частях, где ты гостил,
Лауреатства не давали.

Казенный дом. Ты помнишь, как
Замки вызванивали «Сталин!»,
И как безмолвствовал барак,
Когда на нарах умирали.

... Текущий день сползает вниз,
И угасает злоба дневи.
И снова день, и снова жизнь
В своем цветении и гнев.

К чему раздумья о мощах?
Забот без этого достало.
Уже давно на площадях
Его пустуют пьедесталы.

Лишь нам его не позабыть,
Не погresti под слоem пыли,
Хотя найдутся, может быть,
Советчики, чтоб позабыли.

Хотя отыщутся врачи
Лечить увечия молчаньем...
А кто молчит?
О чем молчит?
Боится чьих воспоминаний?

ВЕЧНЫЙ ОГОНЬ

На XXII съезде КПСС шла речь
о памятнике посмертно реабилитированному.

Из истории.

Над неизвестною могилой
Стою у Вечного огня.
Спаси, история, помилуй,
Прости увечного меня.
Я не войною изувечен,
Я изувечен без войны,
У тех, кто здесь увековечен,
Передо мною нет вины.
Здесь все во славу, все по праву
Военных лет, победных дат.
За довоенную расправу
Ответить должен не солдат.
Солдатский памятник прославлен...
Но не утешен я пока,
Пока такой же не поставлен
И неизвестному ЗеКа.

ДИНАСТИИ

Отменили сословия,
А что б было верней,
Начались славословия
Корчеванью корней.
Но другие, которые
Населяли ГУЛАГ,
На скрижалях истории
Свой печатали шаг.
И нежданной напастью
Для царящих пока
Возникали династии
Под гербами ЗеКа.
«Враг народа» - стал титулом,
И вершиной наград
Мать-история выдала
Сыновьям майорат.
И колымскими справками
Потрясая века,
Скажут внуки и правнуки:
«Мы потомки ЗеКа!».

«ВИКТОРИЯ-72», ИЛИ АГЛИЦКИЙ ГРИПП

На улице слякоть и сырость,
Зима ни жива, ни мертва.
Витает над городом вирус

«Виктория-72».

Уже заломило суставы,
Уже горяча голова.
Несутся по рельсам составы
С «Викторией-72».

Былые победы насмарку,
Лишь эта вступает в права.
Грохочет салютами насморк
«Виктории-72».

Венец високосного года
Скорее соплив, чем кровав.
Чихают за здоровье народы
«Виктории-72».

Пришла на скрижали историй,
Проникла в дела и слова
Средь прочих британских Викторий
«Виктория-72».

НЕ ПРОЙДЕТ И 2000 ЛЕТ

Угарный горизонт -
Светило подгорело!
Пожарный гарнизон
Хватается за дело.
Округлились глаза,
Сирены посинели,
И – через полчаса
Они уже у цели.
Шатают небосвод,
Как перекрытые стойла,
Но не хватает вод
Для старого брандспойта,
Земля летит вниз,
Подрагивая странно,
Как лужицы в тазу,
Моря и океаны.
Земля иссушена,
Кого-то ищет в луже,
Как верная жена
Подвыпившего мужа,
А там плывут мальки
Вдоль тины водоема –
Они так далеки
От вспыхнувшего дома!
Но лезет человек,
Цепляется баграми,

А двадцать первый век
Уже не за горами.

КОНЕЦ ВЕКА

Странна моя страна,
Мы все давно страннеем,
Над нами сатана,
И сами сатанеем.

СТРАНА ВЕТЕРАНОВ

Мы народ ветеранов.
Что там Наполеон!
Там под гром барабанов
Встал один легион.

А у нас миллионы
И четыре войны.
Наши Наполеоны
На полях сожжены.

Сыновья вырастали
Средь обугленных стен
Под гудение стали
И под пенье сирен.

И нам даже не странно
Стало думать о них –
Мол, лежат ветераны
А колыбелях своих.

Мы страна ветеранов.
На каленых ветрах
Были ведомы раны
И неведомым страх.

Наши битвы бессчетны,
Сбит у подвигов счет.
Это очень почетно –
Даже страшен почет.

* * *

На борьбу иная мода,
Суд хлопочет о другом:
Нет теперь врагов народа –
Алкоголики кругом.

Ими заняты Бутырки,
Их бичуют с кинолент,
И в заботах о бутылке
Вымирает диссидент.

СОВРЕМЕННОК

1.

Шахтер проходит штрек,
Растратчик ищет денег,
И каждый человек
Друг другу современник.
Блуждающий изгой
И неподвижный пленник –
Но этот и другой
Друг другу современник.
И бешеный ковбой,
И божеский смиренник,
Но каждый и любой
Друг другу современник.
Дороги нам метет
Один и тот же веник,
Тот – этот, этот – тот,
И все же современник.
И я в своем доме
По имени планета
Всю речь веду к тому,
Что очень важно это.
Важнее каст и рас
И классовых надстроек,
Объединяет нас
Тесней буфетных стоек
В единое, как полк,
Воинственное племя,
Зубастое, как волк,
Безжалостное время.

2.

Современник ты мой, современник,
Мой подельник по связи с историей!
Современник – почти соплеменник,
Если время считать территорией.

Современник – не то, что ровесник,
Все мы ходим у времени в пленниках –
Мой отец, если только воскреснет,
Тоже будет в моих современниках.

Сын, домой возвратившийся вечером,
В ожидании отцовской затрешины
Тоже мой современник. И вечные
Современницы каждого – женщины.

Современники всякие, разные,
С вами жить мне от детства до старости,
С вами светлые праздники праздновать
И валиться с копыт от усталости.

И красиво, как будто сирень в веках,
Отцветают листы календарные,
Как романы о современниках –
Гениальные и бездарные.

3.

Кружится шар земной –
Бессовестный и хитрый.
Был современник мой,
К примеру, скажем, Гитлер.
Эйнштейн и Эйзенштейн
Меня не обвиняют,
Но я тифозных вшей
С луной объединяю,
Поскольку всю войну
Завшивленный протопал,
А нынче на луну
Смотрел по кинескопу.
И если говорить
Об этом в смысле строгом,
Одна и та же нить
У вшивого с Армстронгом,
Поскольку мы растим
Одно и то же семя,
И выпало двоим
Одно и то же время,
И я перехожу
От общих категорий
К простому рубежу
Бесхитростных историй.

4.

Современник построил дом,
Современник его разрушил.
Этот ходит с раскрытым ртом,
Этот только развесил уши.
Но в спиральном своем пути
Бесконечно играя в кости,
Не пора ли уже прийти
Натурально друг к другу в гости,

Палец в рот тому не кладя,
Этим уши не обступая,
Без учителя и вождя
По наитию поступая?
И когда в современный мир
Выйдет маленький современник -
Узаконенный дезертир
Всех былых Хиросим и Герник,
И разрушится связь времен
Между вшивостью и луною,
Это будет уже не он,
Это будет уже со мною.

* * *

Карачаево, карачаевцы!
Русь Христову, Аллах, прости!
Ведь не зря же в селе Карачарово
Вырос Муромец на Руси.
Не про что вас, и вовсе не за что
Увозили с кавказских круч,
И молилась вослед Абазашта,
Плакал камешек Бел-горюч.
Абазинов не увозили,
Не грузили в грузовики,
Но глаза они возводили
К небу, словно взводят курки.
От Домайского перевала
До Кубанского рукава
Сакли горькие разорвала
Роковая разрыв-трава.

МЕМОРИАЛ

Не скрипнет, не звякнет, не хрустнет
Ни в зале, ни в кухне, ни в спальне.
Просторно, как в храме искусства,
Увесисто, как в наковальне.

Полов нерушимые тверди
Надежные, как танкодромы,
Все вечное, как после смерти,
Спокойное, как после брома.

Куриная суетность улиц
За дверью моей пирамиды,
Глаза патентованных умниц
Со стен излучают флюиды.

И кажется облачко дыма

Привычной моей сигареты,
Неслышно плывущее мимо,
Хвостом отдаленной кометы.

Безмолвствует старая крепость,
Незыблема, как мирозданье.
И как роковая нелепость
Куренье мое и дыханье.

* * *

Надоели вопросы вечные,
Про историю, про века.
Миру хочется человечинки,
И бараньего шашлыка.

Человечьего духу хочется
И костров на ночном привале,
Чтоб по имени, чтоб по отчеству,
Чтоб в лицо тебя узнавали.

Чтобы наши болести личные
И считались бы болью века,
Чтобы век по своей привычке
Не наехал на человека.

Поражениями, победами
Надоела дискуссий скука,
Сели б рядом да пообедали
Или просто пожали руку.

КОСМИЧЕСКИЙ ВЕК

Человек на орбиту вышел –
Нету больше земных границ.
Как мы пели: «Все выше и выше
Стремим мы полет наших птиц».
Плыл игрушечный самолет,
Но, сердца заставляя биться,
Пели теноры бритых рот:
«Там, где пехота не пройдет,
Там пролетит стальная птица».
А теперь, прикасаясь к вечности,
Повторяем припев иной:
«Приникает доверчиво
На ладонь головой
Колыбель человечества –
Шарик мой голубой».

ИДЕОЛОГИЯ

ПИСЬМО ПИСАТЕЛЯ Е. САЗОНОВА АКАДЕМИКУ Е. ШМИДТУ ИЗ ПСИХИАТРИЧЕСКОЙ БОЛЬНИЦЫ

Я шлю привет Вам, академик Шмидт,
От всей психиатрической больницы.
Теперь у нас нет никаких обид
И все о"кей у нас, как говорится.

Я много лет боролся, как умел,
Я много лет отстаивал идею.
Как говорят, сознание имел,
И вот теперь рассудком не владею.

Не возражаю, что Вы! Вы правы,
У Вас статьи уложены в Основы,
С больной валить не стану головы
На Вашу, что по всем статьям здорова.

Но как писал мне Сомерсет Моэм,
Меня не этой мерой надо мерить,
И не придумано еще систем
Мою систему нервную проверить.

Увы, Моэм не русский человек.
Не наш, как говорится, не советский.
И не слышал он, видимо, вовек,
О чем писал большой ученый Сербский.

Во все века шизоиды хитры,
Их распознать - занятие не простое:
Они нормальны с виду до поры,
А возле них шатаются устои.

Так с Достоевским суд впросак попал,
Теперь уже ошибки не исправить:
Он в "мертвый дом" писателя послал,
А надо б в "желтый дом" его направить.

А Лев Толстой! Да что там Лев Толстой!
Сам Алексей Максимыч Пешков-Горький,
Казалось, с виду уж совсем простой,
Был параноик чистый, да и только!

Спасибо Вам, теперь я знаю сам
И что со мною деется, и где я.
Я слишком долго верил чудесам,
А чудеса - бредовая идея.

Вы подсказали правильный ответ,
Теперь мы нашу вывеску меняем:
Не душелюб я и не людоед,
Я просто тот, который невменяем!

*Письмо из больницы переслал Лев
Щеглов. Адрес: Алма-Ата, до востребования.*

АРХИВ

Архивная полка – арена борьбы,
Казалось бы, пепел вчерашний.
Но схватка, в которой схватились гробы,
Сегодня еще рукопашней.

Не будет ни сна и ни отдыха им,
Ушедшим, усопшим, угнившим,
Мы их обелим, очерним, охамим,
Но правды о них не напишем.

У каждого времени правда своя,
Своя сокровенная кривда,
Своя задавившая деток свинья,
Своя неразменная гривна.

Бессилен Олимп, ненадежен Парнас,
Титаны дорог не укажут,
И правды сегодняшней завтра про нас
Потомки уже не расскажут.

ПАРТАКТИВ

О, как они ходили сами
По этой самой вот земле!
И были все они с усами,
И били их часы в Кремле.
Но сапоги сменить скорее
На башмаки – не тяжело.
(Они и головы обреют,
Чтоб под премьеры – наголо!).
В непотопляемом отсеке
Любого правого правей...
И если брови на генсеке,
То и они не без бровей!
И если - тьфу, чтобы не сглазить! –

В ЦК кастрата изберут,
Они, наверно, в этом разе
Друг другу что-то оторвут.

* * *

Когда идеи овладеют массами,
Мы гору, разумеется, свернем
И ненавистные уроки классные
Заменим тут же классовым чутьем.

СОСТОЯНИЯ

* * *

Затмений и солнцестояний,
Комет и ракет посреди
Звучат голоса состояний,
Рожденные где-то в груди.

И нет долговечней строений,
И нет быстротечней секунд,
Чем те голоса настроений,
Которые души секут.

И часто уже не речами,
И даже не смехом уже
Они надо мною звучали
В бесстыдном своем неглиже.

И не было рядом хламиды
Прикрыть обнаженность монад,
И пил я со смертной обиды
За их упокой лимонад.

СТРАХ

Ах, как трясутся челюсти
У всех замков,
Что не осталось в целости
В костях мозгов.
Дрожат хвосты котиные
На чердаках
И что-то ходит длинное
На двух ногах.

Сползли мурашки холода
С руки, с плеча
И расползлись по городу,
Как саранча.
И к будкам электрическим,
Где черепа,
Стекается панически
Столбов толпа.
И в душу человечеству,
Как рак в нору,
Набилась всякой нечисти –
Метать икру.

* * *

Живет в сердцах дремучий страх.
Он серый.
Он зародился в праотцах,
В пещерах.
И только лишь нагрянет тьма
На город,
Он забирается в дома,
Как враг.
И просвещенные вполне
Семейства
Боятся даже при луне
Злодейства.
Никак не могут чудачки
Поверить,
Что не помогут ни замки,
Ни двери.
Они не знают, что пришло
Наследство.
А от наследства, как назло,
Нет средства.

* * *

Хотелось плавать или плакать
Средь ощущений и примет,
И на земле, как след от лаптя,
Лежал автомобильный след.
Висела ночь на крючьях сучьев,
В щелях таилась и пазах,
И что-то проступало сучье
В ее мерцающих глазах.
Двусмысленно кривлялись лампы,
Столбом виляя, как хвостом,
И чьи-то скрюченные лапы
Под каждым чудились мостом.
И чем-то девственно-порочным
Тянуло от безлунных крыш,

От загазованных обочин
И от расплывчатых афиш.
А тело города дышало
Тепло, тревожно и ночью,
И тонко где-то дребезжало
Недоразбитое окно.

НЕТЕРПЕНИЕ

Нетерпение - треск застежек,
Нетерпение - хруст замка,
Нетерпение ищет ножик,
Дулом дергает у виска.

Нетерпение кровоточит,
Нетерпение дышит ртом,
Словно все происходит тотчас
И ничто никогда потом.

Нетерпение пиво пенит,
Пробкой хлопает в потолок...
И куда это в нетерпении
Человечка я поволок?

СКУКА

Скуля, как побитая сука,
Без радости, горя и зла,
Зеленою плесенью скука
Вдоль старых заборов ползла.

Лениво зевали ворота,
Суставами петель визжа,
И рыжая, как позолота,
На крышах коробилась ржа.

Как будто унылою книгой,
Ботвой шелестел косогор,
И красной кирпичною фигой
Украсили дети забор.

И там, за высоким забором,
Бесцветен, опрятен и сух,
Хозяин стоял мухомором,
Тоской убивающим мух.

СЫТОСТЬ

Колбасы – свиные до визга,
Загривки – жарки, как пожар,
И дворник из шланга разбрызгал
Шампанское на тротуар.

Рогатую дойной коровой
Троллейбус идет не спеша,
И дети коровы здоровы,
И шинами рядом шуршат.

Прохожий округлое брюхо
Поглаживал, словно кота,
На речке мальчишки на муху,
По слухам, поймали кита.

И вышел я вслед из пельменной
Степенно, как толстый журнал,
И каждый мне был соплеменник
Точнее сказать, сопельменник,
Никто никого не сжирал.

СЛЯКОТЬ

Когда сплошные полумеры
Восторжествуют на дворе
И день начнется смутно-серый
На измочаленной заре,
Когда из неба можно сляпать
Любой бесформенный комок
И всеобъемлющая слякоть
Победно чавкает у ног,
Не выгнать из дому собаку
И не дозваться гостя в дом,
И хочется затеять драку,
Чтоб все перевернуть вверх дном,
Тогда, исполнен синей злости,
Себя, как пса, на поводу
В сто лет нехоженые гости
С глухим рычанием веду.
И обнаруживаю скоро,
Что вслед за мной на кой-то черт
По тротуарам целый город
Себя куда-то волочет.

* * *

Что-то холодно стало в мире,
Стынет ночь за тонким стеклом,
Видно, только в моей квартире

И осталось еще тепло.

За границую подоконника
Вся земля в голубом снегу,
И соседи все, как покойники,
Притаились и ни гу-гу.

Свет не выключу до рассвета я,
Не уйду предательски спать –
Может, утру от света этого
Будет легче светать.

БЕССОННИЦЫ

1.

Я растворяю по ночам окно
И ночь впускаю в комнату свою.
И что дано мне
Или не дано,
Я ощущать совсем перестаю.
Ложится ночь на стены и столы,
На переплеты утомленных книг.
И ни хулы вокруг,
Ни похвалы,
И тьма тиха, как безъязыкий крик.
Не говорите:
«Ночь сменяет день».
Ночь – это ночь,
Отдельная страна.
Со светом дня полуночная тень,
Как жизнь со смертью, разъединена.
Есть две земли,
Два неба,
Две воды,
Что есть в ночи,
Того не будет днем.
Свои миры, заботы и труды,
И я меж ними словно раздвоен.
Мне днем себя ночного не узнать,
Себя дневного ночью не найти,
И все, что ночью удалось сказать,
Как на дневной язык перевести?

2.

Опустевают на ночь города,
Деревни на ночь тихо вымирают,
Земля, как необжитая звезда,
Сама себе задумчиво мерцает.
И то неважно,

что совсем не так
Ночь видится иному реалисту,
Что светофоры воткнуты во мрак
И тишину просвечивают свисты.
Опустевают на ночь города,
Опустевают улицы и души,
И сонные слепые поезда
Стучат по рельсам медленней и глуше.
И если только хватит в мире сил
Открыть глаза тяжелые к рассвету,
То, значит, кто-то снова засветил
Как в изголовье лампочку, планету.

В ГОСТИНИЦЕ "ТАЛДЫ-КУРГАН"

Там, за темнеющим проемом
Остался мир.
Я пригласил себя на пир --
Теперь мы дома.
Фонарь модерный на стене,
Как в катафалке,
Неоном светятся фиалки
В пустом окне.
Я сам с собой наедине.
Какая редкость!
И к самому себе во мне
Угасла ревность.
Поговорим и попоем,
Пригубим пива.
Побудем сам с собой вдвоем,
Покуда живы.
Сейчас и с женщиной свиданье
Излишне мне,
И в тишине
Приходит самообладанье.

ПЕРЕСЕЛЕНЬЕ ДУШ

Один и тот же странный сон
Мне снится:
Не то фонтан, не то фронтон
И птица.
И я брожу среди колонн
Без дела.
И я не тот, и я не он -
Я дева.
Я рождена не то раджой,
Не то эмиром,

И я укрыта паранджой
От мира.
И туфли с загнутым носком,
И позолота,
И я приятным голоском
Пою про что-то.
Так часто этот странный сон
Мне снится,
Что я давным-давно влюблен
В девицу.
И грустно утром сознавать
И страшно даже,
Что это я встаю опять,
Опять все я же!

УЖЕ О ВОЖЖЕ

На выдохе бунта,
На выплеске сил
Себя я как будто
Чужого спросил:
"Ты что же, товарищ,
Ты что ж, гражданин,
Шумишь и базаришь
При свете седин?
На старые дрожжи
Не стыдно ль пьянеть?
Опять-таки, вожжи
Пора бы иметь!"

Ответил устало
Себе на вопрос:
"Вожжа мне попала
Под старческий хвост".

КУДА?

Звучит, как собственная боль,
Как личная беда
Вопрос. Какой? Узнать изволь –
Слепой вопрос: Куда?
Куда идем?
Куда спешим?
Куда хотим придти?
Задачи этой не решим,
Пока еще в пути.
Куда идем, в конце концов,
Пусть наилучший путь?
Пусть стало курицей яйцо,
А дальше в чем же суть?

Мерцает вечная звезда
Над вечною звездой...
Куд-куд-куда?
Куд-куд-куда?
Куда же ты, постой!

* * *

Бывает очень грустно по утрам,
Когда лучи, холодные и дальние,
Как привиденья, бродят по горам,
Витая над могилами и спальнями

Когда ползет предательский рассвет,
В зубах сжимая светлый нож разбойничий,
И разделяет тот и этот свет
На сон смертельный и покой покойничий.

Уснувшие давно отрешены,
Далекие от жизни, как от вечера,
По головам карабкаются сны,
В подушки забираются доверчиво.

Постельный мир в молчании глухом
Завяз по горло в беспросветной Азии,
Пока рассвет не стукнет обухом
Хлопот, забот и прочей безобразии.

ЧАС БЫКА

Как всех преступников,
пока
Не полностью разоблаченных,
Меня тревожит час быка
Из гороскопа обреченных.
И в этот предрассветный час
Все стены кажутся темницей,
И в ожиданьи палача
Душа бессмертная томится.
Как хорошо живется тем,
Кого сия минует чаша,
Кто мимо криминальных тем
Идет ничтоже и сумняше.

* * *

Снижается температура,
На вдохе сжимается грудь,
Все ниже, как круглая дурра,
Безудержно катится ртуть.

В природе настало паденье.
Попадали птицы на лед,
Мороз перешел в нападение,
Луною, как шайбою, бьет.
Попрятались звери в сугробах,
От утренней стужи дрожа,
Застыли в негнущихся робах,
Как памятники, сторожа.
А иней, как будто растенье,
Прирос к тополиным рогам,
И падают синие тени,
Как души замерзших, к ногам.
В клубок замотавшийся путник
Под круглою шапкой дрожит,
И словно в погоне за ртутью,
Куда-то проворно бежит,
Спешит, как шампанская пробка,
Как прежде б сказали – стрелой.
Под ним, словно градусник, тропка
Сверкает холодной шкалой.
За ним замерзает дыханье,
Поземка кружится, пыля,
И катится по мирозданию
Свернувшейся ртутью Земля.

НОЧЬ У АЭРОДРОМА

В эту ночь на земле наступил гололед
И снега занялись круговертью,
И ревел до утра над землей самолет,
Словно раненый бык перед смертью.

Как изматывал этот панический вой,
С каждым новым витком нарастая!
Он висел и висел над моей головой
И внезапно куда-то растаял.

Мне теперь не уснуть. Все гадаю – куда
Прекратился он, как провалился.
Неземная метель замела города
И земной самолет – растворился.

Словно облачный прах, на клочки разнесен,
На частицы и античастицы,
И в окошко мое – это, кажется, он –
Ледяною крупую стучится.

ГОТОВНОСТЬ

Над сонной Землею тревожно
Кометы виляют хвостами,
И кто-то темно и безбожно
Котов выгибает мостами.

Вздымаются волосы дыбом
На стареньком клоуне рыжем,
Как будто угодника нимбом
Венчают кокетки Парижа.

Доходит земная тревога
До самых пронзительных нот,
И шубою господа бога
Спешит обернуться елот.

И каркают серые птицы,
И крысы бегут с корабля.
Икарот, Сервантесот, Ницше
Спешит откупиться Земля.

* * *

В моменты самообладанья
Приобретаю целый мир,
И прекращается страданье
Паскудно замкнутых квартир.

Квартирный миф идет на убыль,
И средь мифической тиши
Последний шанс - потертый рубль
Как лейкопластырь для души.

* * *

Как не люблю я отходить ко сну!
Подушкам я давно не доверяю.
Все кажется, что только лишь усну,
Как сразу что-то в жизни потеряю.

Быть может, этой лампы тихий свет,
Которого к утру уже не будет,
А, может, то, чего на свете нет,
Пока я сплю, из комнаты убудет.

Боюсь холодных чистых простыней
И одеял, которые не греют...
Все потому, наверно, что во сне
И умирают люди, и стареют.

* * *

Чу, проснулись птицы.
Чу! Чу! Чу!
Что тебе не спится?
Не хочу!
Не хочу отсюда
Никуда.
Птицы – это чудо
В городах.
Птицы, птицы, птицы –
Чив, чив, чив!
Городу не спится.
Город жив.

НОСТАЛЬГИЯ

О, ностальгия, ностальгия!
Чтоб заболеть болезнью той,
Не надо быть вдали России,
За пограничною чертой.
Какой-то дом,
Какой-то город,
Куда уже возврата нет,
И вот тоска берет за ворот
И затмевает белый свет.
А возвратиться?
Но кого там
Найдешь?
Кому ты нужен там?
Так из межзвездного полета
Когда-нибудь вернуться к нам.

ВРЕМЕНА ГОДА

* * *

Не зима, а предзимье,
Осень веники вянет,
Бани будут за ними,
А пока что предбанник,
Не сердца, а предсердья,
Не плеча, а предплечья,
Не родня, а соседи,
Не жрецы, а предтечи,
Лишь предчувствие чувства,

Предложенье предлога...
Грабежей и искусства
Ждет большая дорога.

* * *

Новый год. Как на новом экране,
Белый снег на бескрайних полях.
Никому не известно заране,
Что за фильмы прокрутит Земля.

Как сыграются новые роли?
Что задумал сказать режиссер?
Как рекламный заманчивый ролик –
Разукрашенных елок костер.

Будьте счастливы, радостны, сильны,
Сейте травы, растите детей!
Пусть пройдут интересные фильмы
На экранах земных площадей!

МЕТЕЛЬ

Рельефны, как контуры гроба,
Отглажены гладью лопат,
Торжественным строем сугробы
Вдоль улиц уснувших стоят.
А где-то гуляют метели,
А где-то за Волгой село
По самые маковки елей
Снегами к утру замело.
Живет по мятежным законам
Воинственных вьюг легион,
В границы держав не закован,
В черты городов не введен.
Проснись, утомившийся дворник,
Лопату хватай до утра –
В твой чистый, ухоженный дворик
Смятенные мчатся ветра.
Красивые грани сугробов
Метельной метлою сотрут
И сгинут, играя угробив
Бесхитростный дворницкий труд.

ГОЛОЛЕДИЦА

На улице настала гололедица,
Прохожие нахмуренно скользят,

И в окна радиаторами врезаться
Машины ошалелые грозят.

Подернулись асфальты и булыжники
Заранее хихикающим льдом,
И мы, как начинающие лыжники,
Размахивая лапами, идем.

Предательски припудрены порошею
Огромные ледовые поля,
И, больше не скрепленная с подошвами,
Выскальзывает в сторону земля.

И если мы пока еще не врезались
В какой-то подвернувшийся забор,
То это говорит о нашей трезвости,
Никем не оцененной до сих пор.

ВЕСЕННИЕ ХЛОПОТЫ

Начинается весна.
Шуба больше не нужна,
И не надо валенок
Посреди проталинок.

Все весной иное нужно:
Кораблям – большие лужи,
Деревцам на ветках почки,
Чтоб растить на них листочки.

Птичкам песни, мышкам норки,
Ручейкам крутые горки,
Чтоб разбойнику-Сережке
Промочить скорее ножки.

АПРЕЛЬ

А страсти!
На улице страсти!
Сцепившись в неистовом твисте,
Деревья, шальные от счастья,
Теряют веселые листья.

А ветер,
Как дух самогонный,
Зеленые головы кружит,
Мешая очки и погоны
С порошей капронов и кружев.

Любовник
Глазастый и красный
Промчался машиной пожарной,
И бочки пивные опасно
Боками вослед задрожали.

Ах, страсти!
Безбожные страсти
В ногах каланчи богомольной.
Ах, здасьте!
Пожалуйста, здасьте!
Прощаться мне было бы больно.

В КОНЦЕ ВЕСНЫ

В конце весны настали холода,
Сирень в саду морозно лиловела,
И ежились под ветром города,
В плащи закутав каменное тело.
И мимо голых полочек платформ
Носились сквозняками электрички,
И не хватало ежедневных норм
На быстро задуваемые спички.
Весна пригрела землю и прошла,
Не дотянув до лета суток восемь,
И, не найдя на улице тепла,
Скупое небо уронило осень.

* * *

Когда идут осенние дожди
И тополя ночные под окном,
Как будто оголенные вожди,
С надеждою заглядывают в дом,

Я знаю, мне им нечего сказать,
Для них все утешения пусты,
Поскольку я не в силах приказать
Вернуть им улетевшие листы.

Но все равно мне их, промокших, жаль,
Оставшихся на призрачном посту.
Как им нужна зеленая вуаль,
Чтоб черноту укрыть и наготу!

Им листья – государственный мандат,
Верительные грамоты посла.
В каких канавах все они лежат,
Как в кучи их метет метла?

* * *

Листва лежит на мостовых,
На крышах и дворах,
Как будто маршалов своих
Разжаловал монарх.
Ах, сколько их, кленовых звезд
Нападало к ногам!
Кого-то жалко мне до слез,
Кого, не знаю сам.
А клен стоял ли во дворе?
Его видали ль вы,
Пока не сбросил в октябре
Он на землю листвы?
Когда агонии огнем
Он вспыхнул, опален,
Тогда вы вспомнили о нем
И прошептали:
- Клен!

СЕНТЕНЦИИ

* * *

Когда даются миру истины
Искусств, ремесел и наук,
Неважно, где они написаны
И из каких достались рук.

Когда дается хлеб голодному
И льется жаждущим вода,
Чьи были руки благородными,
Не рассуждается тогда.

Когда выносятся из пламени
Дитя, спасенное едва,
Не разбирают имя-звания,
Не проверяются права.

Пусть мерзавец вас порадует,
Пусть преступник вас спасет,
Но замечаю сплошь и рядом я,
Что чаще все наоборот.

* * *

Как это опасно в начале
Поэзии или весны –
Однажды столкнуться с лучами,
Что слишком щедры и ясны.
Распустятся строчки и почки
В наивном доверии, но
Не знают юнцы-одиночки,
Назавтра что им суждено.
А завтра настанут морозы,
Метелей пройдет круговерть,
И вместо поэзии – проза,
И вместо цветения – смерть.

ЛОБНОЕ МЕСТО

Высокая правда обмана
Во имя великих задач...
И вот из густого тумана
Выходит красивый палач.
Красна величавая площадь,
Рубаха на кате красна,
И красные зори полощет
Над красным помостом страна.
Народа и гнев, и восторги
Зависят от воли властей,
И площадь кому-то исторгнет
Проклятье из глотки своей.
И песнею хлынет раздольной,
И руки раскинет крестом,
И будет над ней колокольня
Торчать безымянным перстом.
Высокая правда обмана
Превыше обыденных правд,
И манит небесная манна,
Да нету покудова прав.

* * *

Необходимо одаренье,
Как гласным буквам ударенье.
Невыносимо среди бездарных,
Как среди гласных безударных, -
Когда все гласные безгласны
И все согласные согласны.

* * *

Все в природе обоюдно,

Друг для друга создано -
Распознать бывает трудно,
Где дубина, где бревно.

Я среди таких растений
В заповедниках бывал,
Словно пьяный неврастеник,
Их портвейном поливал.

Я таких громов раскаты
На таких слышал басах,
Словно хором психопаты
Хохотали в небесах.

Я таких встречал соседей
Посреди такой грязи,
Хоть сдавай их в заповедник
Или громом разрази.

Все в природе обоюдно,
Друг для друга создано -
Распознать бывает трудно,
Где дубина, где бревно.

* * *

**Вода? Я пил ее однажды,
Она не утоляет жажды.**

Омар Хайам.

При спешке не спасает скорость,
От жадности не лечит корысть,
При лени не поможет спячка,
При пьянстве - белая горячка.
При нищете - обогащенье,
При суете - коловращенье.
Не выручат прямые средства.
Спасенье где-то по соседству.

* * *

Земля советами беременна -
Скорее за любой берись.
Но что тут вечно, что тут временно,
Поди попробуй разберись!

Наверно, в том и есть наитие,
Наверно, в том-то и секрет,
Чтоб разгадать внутри события,
Чей исполнять тебе совет.

* * *

Как долго растим человечье дитя,
Как быстро его умираем.
И как мы его зачинаем шутя,
И как трагедийно теряем.

* * *

Москва живет Олимпиадой.
Москва живет, Москва жует.
Не воздвигает баррикады
Олимпом избранный народ.

А в голодающем Поволжье
Опять, наверно, недород,
Но баррикад не строит тоже
Изголодавшийся народ.

Еврея кто-то бьет по роже,
А, может быть, наоборот,
Но баррикад не строит все же
Измордовавшийся народ.

Не надо, деточки, не надо –
Вам бесполезны баррикады.

* * *

Говорят, что предела нет
Для стремительного ума,
Но когда обгоняешь свет,
Наступает, простите, тьма!

* * *

К нам время приходит заботой,
Уходит морщинкой у глаз.
Слежу потихоньку: кого-то
Оно настигает сейчас.

* * *

Хотелось бы туда,
Но выпало – оттуда,
Досталась бы вода,
Но выпала посуда.

Хотелось бы вина,
Но высохли стаканы,
И не моя вина,
Что мы с тобой не пьяны.

И средство опьянеть
Далекое, как детство,
Состарилось, а смерть –
Сомнительное средство.

ЗЕМЛЯ

Землю рыли и били
И пытали огнем,
Сапогами давили
И топтали конем.

Властелин и хозяин,
Неразумен и слеп,
Грудь земную терзая,
Отбирал у ней хлеб.

Он проснулся однажды
В пыльной дымчатой мгле
И не смог даже жажды
Утолить на земле.

Всюду высохли реки,
Испарились моря,
Кровь сама в человеке
Задымилась, горя.

Он метался по шару
Посреди мертвецов,
И планета пожаром
Полыхала в лицо.

Руки к небу он поднял,
О пощаде моля...
...Слишком поздно он понял,
Что такое Земля.

ВСЕ НА ЗЕМЛЕ ОТ ЧЕЛОВЕКА

Все на земле от человека –
Следы на утренней росе,
Следы повозки печенег
И след на взлетной полосе.

Своих движений не прикроем
Ни полководцем, ни вождем,
Когда мы даже под конвоем
И то по-разному идем.

* * *

Вымирают в срок племена,
Засыпает их пыль веков,
Но бессмертно во временах
Племя хмурое стариков.

Трезвой логике вопреки,
Диалектике всей на страх
Вечно здравствуют старики
На бессменных своих постах.

Старики на земле хитры –
Говорят, ни к чему спешить,
До своей подожди поры,
Чтобы нас потом заменить.

Мы и вправду заменим их,
Но в зеркальное глянь стекло:
То бело от волос седых,
То от лысины там светло.

И уже говорим другим:
Погодите, настанет час,
Все мы в руки вам отдадим,
Ничего не уйдет от вас.

Так пружина заведена
У скрипучих земных часов,
И бессмертно во все времена
Племя хмурое стариков.

* * *

Меня недавно обозвали -
Меня мальчишкой назвали.
Я разобиделся не слишком:
Ну что ж,
 мальчишка так мальчишка.
Иным я был взволнован очень,
Иным до боли озабочен.
Во взоре с мудростью свиной,
Как будто врезан в кабинет,
Передо мной сидел мужчина
Со мной одних примерно лет.
И он то самое словечко
В меня швырнул в таких сердцах,
Как будто в речи человечьей
Обидней не было словца...

... О ты, читатель этой книжки,
Куда бы ты ни попадал,
Не допусти, чтобы мальчишка
В душе мужчины умирал!

* * *

Человеку свойственно ошибаться,
Человеку свойственно ушибаться,
Человеку свойственно убиваться,
Человеку свойственно упиваться.
Человеку свойственно человечесьё –
Заменить эти свойства нечем.
Не замените их здоровьем
Лошадиным или коровьим.

* * *

Забвеньё повторению подобно.
Мы забываем точно и подробно,
Мы повторяем очно и загробно,
Мы забываем, чтобы повторять,
Мы повторяем, чтобы забывать.
И слово идиотское «опять»
Привычно переходит в «двадцать пять».

* * *

Искусство – область чувств.
К. Ковальджи.

От сознания к чувствам
Расползается мир...
Так сползает за бруствер
На войне дезертир.
По сигналу атаки
Подымается полк,
Но ему не до драки -
Чувство воет, как волк.
Это чувство сильнее
Философских доктрин,
И лежит он, синея,
С ним один-на-один.
Лечь на мокрый суглинок –
Невеликий уют,
Иронически мины
Над спиною поют.
Но отдавшийся чувству
Не привстанет с земли –
Так он верен искусству,
Хоть штыком заколи!

* * *

Обратите внимание,
Если вам повезло,
Что добро – понимание,
А незнание – зло.

Это вещи известные,
Но приходит черед,
Превращенья чудесные
Будут наоборот.

Будет злом понимание
И незнание добром,
Обратите внимание,
Не скрипите пером.

Принимается к сведенью
Христианский ответ,
Что блаженны в неведеньи
Натворившие бед.

Только ведал – не ведал ли
Ваш кормилец вины,
Если вы не обедали –
Все равно голодны.

А удары случайные
Торопливой руки?
Даже если нечаянно,
Все равно синяки.

СОМНЕНИЕ

Сомнение – суть отступленье.
Подходишь к какой-то черте,
И вдруг наступает сомненье
В бесстрашной своей правоте.

И финка бессильно валится,
И гаснет воинственный пыл,
Но ты уже явный убийца,
Хотя ты еще не убил.

И после подумаешь с грустью,
Копая поглубже внутри,
Что ты просто-напросто струсил,
Как сам пред собой ни хитри.

Железное право решенья –
Будь то карандаш или нож –
Правдивы лишь только свершенья,
Все незавершенное – ложь.

* * *

Существует чувство истины,
Есть понятие ее.
Заберись ты в вере истовой
Хоть в святое житие,
Не объять и не понять ее,
Если скомканы мозги.
В мире истинны понятия -
Ощущения зыбки.
Существует чувство Родины,
Есть понятие ее.
Только всякая уродина
Будет чувствовать свое.
И прорвется, как проклятие,
Ощущений чехарда,
Если строгое понятие
Не затянет, как узда.

* * *

Отними хромоту у Байрона,
И, быть может, его рука
Неожиданно захромала бы
И корявой была б строка.

Отними глухоту Бетховена,
И не так бы тогда звучал
Мир, в безмолвие похороненный
У начала своих начал.

Отними темнокожесть Пушкина
И безденежье Бальзака,
И чего-то будет пропущено,
И беднее станут века.

Изваянья поправить можно бы,
Но художник уже не тот...
Не касайтесь судьбы художника,
Ни уродств его, ни красот.

* * *

Бывает здравый смысл.

А есть ли смысл нездравый?
Целительный кумыс
Становится отравой,
Пленительная речь
Становится подвохом,
Дают бочонки течь
На радость выпивохам.
Подшевелила мысль
На радость скупердяям -
Любой нездравый смысл
Мы здоровым забодаем.

* * *

Нельзя, наверное, писателя
Все время путать с описателем.
Чтоб изъясняться описательно,
Поэтом быть не обязательно.

Анатомическое вскрытие
Не то же самое, что критика.

ЗАПОВЕДНЫЕ ДУШИ

Нас с любого поста бы сбросили,
Отобрали бы все права,
Если б лес корабельных сосен
Мы свалили бы на дрова.

Но природой дары отпущены
Не одним заповедным пущам.
Выходя на поиски клада,
Рыть не только лишь землю надо.

Существует простое средство:
Глянуть равнодушным взглядом –
И соседа скупое сердце
Небывалым предстанет садом.

А они – носители кладов –
По-соседству сидят в трамваях,
Спят в гостинице с нами рядом,
Даже руки нам пожимают.

Но свои чугунные веки
Лень поднять нам на человека.
И где спрятан бесценный клад,
Вырастает бурьян-трава,
И души заповедный сад

Вырубается на дрова.

И никто на бюро районном
До сих пор за растрату эту,
За ущерб, стране нанесенный,
Не расплатится партбилетом!!!...

* * *

Человеку не пристало
Ощущать себя кристаллом,
В этом даже неприличность –
Напирать на кристалличность.

Распадение лучших наций
Началось с кристаллизаций.

* * *

Процветают парадоксы.
До конца парадоксальна
Даже эта пара досок
На повозке погребальной.

Парадокс – утратить силу,
Парадокс – ее держать,
Парадокс – сойти в могилу,
Парадокс – детей рожать.

И пока не перейдется
В излучение планета,
Сохранятся парадоксы.
Не парадоксально ль это?

Не растет на грядке сало,
Не мычит в хлеву капуста.
Только без парадоксала
На планете стало б пусто.

РОСТ

Как безвестные имена,
На асфальт летят семена.
Никогда, наверное, тут
Эти зерна не прорастут.
Но уж слишком много семян –
Где-нибудь найдется изъян,
Где-то трещина, где-то щель:
Это мщение, это – цель.

Миллионы погибнут их,
Чтобы кто-то во тьме притих,
Чтобы кто-то на землю лег
И легонько пустил росток.
Слабый, слабый –
 сомнешь рукой,
Тонкий-гонкий –
 под ветром гнется,
Он вихрастой своей головой
К солнцу пыльному прикоснется.
На земле асфальты крепки,
Из-под панцирей городов,
Как отбойные молотки,
Бьют упрямые лбы ростков.

* * *

Сознаться в горе – как сознаться в краже:
Душа горька, покорна и чиста,
Все позади. Ты заключен под стражу.
Укрыт крылом конвойного поста.
И все же впереди освобожденье,
Пройдет какой-то неизбежный строк,
И все исчезнет, словно наважденье,
Чтоб затеряться где-то между строк.

БЕСПРИЧИННОСТЬ

По Ницше, Гегелю и Марксу,
Первопричины процедив,
Мы предварили бы у массы
Любой опасный рецидив.

Но поднимается мужчина
Из-за соседнего стола
И, извините, беспричинно
С размаху рушит зеркала.

Но смотрит женщина незряче,
С ночной постели соскочив,
И почему-то долго плачет
Без исторических причин.

Но тривиально и безвкусно,
Не в силах совладать с собой,
Зеленоглазый первокурсник
Влезает в петлю с головой.

И никому это не нужно,

Никто не спрятан за спиной,
И головы, наверно, кружит
Своим вращеньем шар земной.

Когда отболевают боли
И, словно листья, опадают,
Необходимость в силе воли
И просто в силе отпадает.
Я славным становлюсь и слабым,
Неприхотлив и неразборчив,
Слезлив, как ромовая баба,
И как торговка, разговорчив.
И растекается по древу
Сплошное удовлетворенье,
Покамест справа или слева
Не свалят древо на поленья.
Пока не свалится на шапку
С карниза рухнувшего камень,
Пока, как ласковую шавку,
Не пнут под ребра сапогами.
Тогда является отвага,
И начинается расправа,
И вырастает в волкодава
В душе живущая дворняга.
А недостаток силы воли
От недостатка силы боли.

РЕГБИ

Регби – игра мужчин.

*Фраза из спортивного обозрения
журнала «Америка».*

Так из чего растет фашист?
Фашист растет из ваших мышц.
Из ваших плеч,
Из ваших икр,
Из ваших встреч,
Из ваших игр.

Когда регочет стадион,
И медных глоток миллион
Слился в едином крике:
«Гол!»,
Я вижу, как грядет монгол,
Как наступает хан Батый
Через распахнутые рты.

Да будет правда в кулаках!
Не нужен даже «Майн кампф» -
Он для сегодняшнего дня
Интеллигентская стряпня.
И если даже нужен лоб,
Так по нему ударить чтоб.
Так от плеча
И до плеча,
От силача –
До палача.

БЕЛЫЕ АСТРЫ

Сочиню букет тебе я астровый,
До тебя, астральной, долечу,
Звездами, как звонкими пиастрами
Руку я тебе позолочу.

Но в ромашки астры превращаются,
Если очень долго простоят.
Все на свете перевоплощается,
Долголетье – это долгий яд.

Если хочешь оставаться астрою,
Постарайся вовремя опасть.
Если кто-то слишком долго здравствует,
Не удача это, а напасть.

Мается в часах бездомный маятник,
Покорясь пружинам и судьбе.
В старости мы все ходячий памятник
Молодому самому себе.

СОРОКОВОЕ СЛОВО

**Почему порой человек не довольствуется беседой с
иным человеком, а до смерти жаждет услышать слово врага?**

Абай. «Сороковое слово».

О, в этом есть великий смысл –
Услышать вражью речь.
Вооружает вражья мысль
Надежней, чем картечь.

Когда тебя ругает враг
За то, что ты умен,
Тогда один из вас дурак –
Ты или, может, он.

Когда покажется врагу,
Что ты отменно глуп,
То значит – ты пред ним в долгу,
Иль он и слеп, и глух.

Но если враг заметит вдруг,
Что ты согласен с ним,
То ты ему не враг, а друг –
Иди враждуй с другим.

* * *

Земля имеет форму лаптя,
Земля из лыка сплетена,
И потому скорей поставьте
Стакан зеленого вина.
Я буду пить при всем народе
Вино зеленое взахлеб,
И будут слышать, как проходит
Вселенский лапоть - шлеп да шлеп.
От этой поступи негромкой
Под идиотские смешки
Хватают странники котомки,
Берут туристы вещмешки.
Уж вы меня не обесславьте,
Но все же истина одна:
Земля имеет форму лаптя,
Земля из лыка сплетена.

СОБАКИ

Смотри, какой стоит кобель!
Ему бы в лес дремучий,
Ему лосей бы гнать в метель,
Медведей воем мучить!

А он ворота стережет,
На ребятишек лает,
И хвост его собачий – лжет,
Когда он им виляет.

Не любят суки всех мастей
Сородичей свирепых,
А сами тоже ждут костей,
А не печеной репы.

Собачки козликов пасут,
За то в пустые плошки

В готовом виде принесут
И рожки им, и ножки.

Собака – ссучившийся волк
По лагерным законам...
... Так словарю опять помог
Народ своим жаргоном.

* * *

Подумаем о черных тараканах.
Они не то что некий там пруссак,
Они щелей не любят иностранных
И только в наших водятся пазах.

Наш таракан из всех членистоногих
Всех боле членист и всех боле ног.
И без того он тараканил многих,
И больше бы протараканить смог.

И что б там иноверцы не кричали,
Но я стою, сижу, лежу на том:
Наш таракан был таракан вначале,
Другие стараканились потом!

ИУДИНО ДЕРЕВО

Приходит срок, ведет дорога
Одним предписанным путем,
И предает Иуда Бога,
Чтобы повеситься потом.

Петлей Иудиной обвита,
Осина бедная дрожит,
Невыносимая обида
На тонких плечиках лежит.

Молва Иуду осудила,
И песни сложены бабьем,
Как на поганую могилу
Мы кол осиновый вобьем.

Зачем ты, горькая осина,
Без ветру листьями дрожишь?
Зачем ты, горькая осина,
Средь поля чистого стоишь?

Но вспыхнет осенью осинник
Всем фейерверком листьяным -

И сразу лес, как именинник,
И мы на празднике гостим.

Когда ненастье над Россией,
И нечем горе утолить,
Одни лишь горькие осины
Способны Русь повеселить
И тем, что в листопадном чуде
Пылают, серость пересилив,
И тем, что каждому Иуде
В лесу найдется по осине.

ГЕРОСТРАТЫ

- Кто там?

- Мосгаз.

Из разговора.

Яд непризнанья.
Как он горек!
Как едок для сердечных ран!
Уже схватился за топорик
Плохой актер Ионесян.
- На чучела готовьте скальпы!
Беззвучно падайте впотьмах!
В театре не рукоплескали?
Так трепещите же в домах!

И вот уже трепещут люди,
И раздается тихий вой,
И зажигает Ван дер Люббе
Рейхстаг над чьей-то головой.
О, эти лавры Герострата
Среди бессмертия убийц!
О, честолюбие кастрата
Среди расстрелянных девиц!

* * *

Когда на собственную плаху
Пойдут однажды палачи,
Они зажмурятся от страху,
Ладонью заслонив зрочки,
И задрожат.
Но если боги
Расплату отодвинут вдаль,
Рука замрет на полдороге
До взмаха
«Хайль!».

* * *

На свет родимся мы по принуждению,
Отца и мать об этом не спрося,
Для человека день его рожденья
Такой же, как для пса и порося.
И умираем мы не добровольно,
За исключением самоубийц,
И среди этой жизни подневольной
Еще ворчим на пьяниц и тупиц.

ОБИТАТЕЛЬНЫЙ МАРШ

За интересы личные
Легко платить наличные,
Но интерес общественный
Какой-то невещественный.
Мы все для пользы общества
На этом свете топчемся:
На сколько мы потопаем –
На столько и полопаем.
Мы просто обитатели
Среди среды питательной.
Самим себе среду
Растим в своем саду.
А ты уж погоди –
В наш садик не ходи.

* * *

Поспешно стремление речек,
Неспешно течение рек.
Бежит по земле человек,
Идет по земле человек.
Кружатся вприпрыжку частушки,
Раздольная песня плывет,
Живут по соседству подружки,
Подруга далеко живет.
И я, подскочив спозаранку,
Застлав всухомятку кровать,
Жую торопливо баранку,
А надо б барана жевать.

* * *

У поездов не будет катастроф.
У поездов случаются крушенья.
Крушения.

Как будто из костров

Еретики

вопят от удушенья.

* * *

Чтоб не пропасти вам,
Не лезьте в пасти львам.

* * *

Положите голову на рельсы,
Чтобы не болела голова.

* * *

Полезно не быть, а казаться,
Полезно не брать, а касаться,
Полезно не есть, а кусаться,
Чтоб если не стать, то остаться.

* * *

Это часто слышится –
Видно, правда в этом:
Пишется, как дышится
На Руси поэтам.

Множество услышится
Истин в этой фразе.
Пишется, как дышится,
Но в противогазе.

* * *

«Мысль изреченная есть ложь» -
И потому ты молча врешь.

* * *

Не бывает дорог обратно –
Все дороги ведут туда.
Неприметно и неприятно
Утекают в века года.

Не вернуться к былому дому,
Не войти в привычную дверь.
С виду вроде бы все знакомо
И другое совсем теперь.

И не те глаза у собаки,
И у матери смех не тот...
На земле, видно, только раки
Задом ползают наперед.

СОН РАЗУМА

Сон разума рождает чудовищ.

Гойя.

Утомившись поклажей,
Спят, как лошади, люди.
Что-то будет однажды,
Если их не разбудят?

И когда среди гонок
В душу въехали дышлом,
Кто-то крикнул спросонок:
- Ах, чего бы не вышло!

Спят набаты и трубы,
Барабаны опухли,
Только шлепают губы,
Как домашние туфли.

Голова утопает,
Блохи за ноги щиплют...
Человек засыпает,
Ждет, когда же засыплют!

ГРАНИЦА

Граница по земле проведена
От Кордельеров до стены Китая.
Граница есть. Но не всегда она
С чертою пограничной совпадает.

Граничный мир. Перехожу порог,
И чуждым домом сразу ограничен.
А дом стоит за тридевять дорог
От самых ближних сопот пограничных.

Еще граница – канцелярский стол.
Тот, за столом, бесспорный иноземец.
Казалось, русским в кабинет вошел,
А сел за стол, и оказалось – немец.

Хемингуэй берчисту не земляк –
Донской казак земляк Хемингуэю.
Границы вкось
И вкривь,
И так, и сяк
Ползут и извиваются,
Как змеи.

Снимите пограничные столбы –
Столбов еще, пожалуй, не заметят.
Надежно ограниченные лбы
Нам и столбы, и надолбы заменят.

ШОРЫ

Как охранительные шторы
На впечатлительном коне,
Висят медлительные шторы
На ослепительном окне.

Заключено в двойные рамы
Пространство, выданное нам,
Чтоб я глядел на вещи прямо
И не косил по сторонам.

Но, беспрестанно беспокоя,
Будя тревогу и мечту,
Стучится зренье боковое
В зашторенную темноту.

И я уже подозреваю,
Что оказавшийся без штор
Мой дом метнется от трамвая,
Как лошадь дикая без шор.

О, это зренье боковое!
Оно приводит не к добру...
... Я шторы наглухо закрою
И даже форточку запру.

* * *

*Она (женщина – ред.), разумеется, будет воевать за
"гинекократию". Будет, к тому идет.*

Странно, что этого не замечают.

М. Горький.

Вот и настали те порядки,
Вот и свершилась эта страсть,
Вот и пришли гинекократки
И захватили нашу власть.

Настала матерная эра.
Везде, куда не бросишь взгляд,
Парит огромная истера,
Как непомерный стратостат.

Мужской удел куда как весел!
Пока мужья сивуху пьют,
Для них из акушерских кресел
Постановленья издают.

Что ж, если дамам так приятно,
Не будем им перечить в том -
Пуускай рожают нас обратно
И ходят с вечным животом!

НЕЙТРИНО

Когда в пути соприкасаются
Вплотную мир и антимир,
Тогда основы потрясаются,
Миры сгорают в тот же миг.
Но есть особая материя
Во всех мирах, антимирах,
Она основа лицемерия,
Как убегающий мираж.
Известна миру только тень ее,
Распознают ее, хитру,
По измененью поведения
Ее соседей по ядру:
То жар души, зазря растраченный,
То выход с верного пути...
Ее, ничем не обозначенной,
Не обойти и не найти.
Она как будто бы нейтральная,
Она как будто бы ни-ни,
Но на пути ее скандальные
Протуберанцы и огни.
Протоны прут на поединок
И кроют квантом сгоряча,
А ей-то что?

Она - нейтрино.

Она - никто. Она - ничья.

КИТЫ

А все-таки врут астрономы,
Наука помочь не смогла –
Я вышел однажды из дома
И понял – Земля не кругла.
Я понял –
Земля неподвижна,
Я знаю – под нею киты,

И я уже явственно вижу
Огромные рты и хвосты.
Откуда бы взяться иначе
Стоячей зацветшей воде
И этой тяжелой, незрячей,
Недвижной густой духоте?
А если громами раскатит
Гроза посреди немоты,
То это сварливый характер
Внизу проявляют киты.

ИМЕНА

Опустевают имена,
Один лишь звук собой являя,
Так вымирают племена,
Язык на память оставляя.
Еще по слуху различит
Его звучание ученый,
Но смысл исчезнувший молчит,
На неизвестность обреченный.
Что там за именем твоим?
Какие замыслы и страсти?
Еще привычно говорим
Друг другу вежливое «Здрасьте!».
А кто там здоровствует,
Какой
Таится джин в твоём сосуде?
Какою новою рукой
Освобожден оттуда будет?
Как осчастливит времена
Своим явлением великим?
Опустевают имена,
И лица прошлые безлики.

МОРСКОЙ ЗАКОН

«Равнение на середину!» -
Команда знакома давно.
Равняются флаги картинно
На среднее это звено.
Расцвет золотой середины –
Ни кильки тебе, ни кита.
Всплывают сплошные сардины,
Двенадцать вершков от хвоста.
И в этой шеренге, конечно,
Такие порядки, раз тут
Киты усыхают поспешно

И кильки поспешно растут.

ПРОРОКИ

Нет пророков в своем отечестве,
Ближний ближнему не внимает.
Как давно это человечество
Умозрительно понимает!
Изгоняли из древних полисов,
Из посадов, маркграфств и княжеств,
Может, даже с магнитных полюсов
И с экватора, может, даже.
Чтоб потом, под иными звездами,
Где-то в Пруссиях и Россиях
Было этим пророкам воздано,
Ибо вечна нужда в мессиях.
Но все было это когда-то,
Не сегодня и не при нас.
Все уходит в былые даты,
Помещается на Парнас.
Но пророк, обиженный областью,
Из республики выбывает
И себе заражение подлостью,
Словно оспу, он прививает.

ДОЛЖНИКИ

Человек – это прежде всего должник.
Начиная со дня рождения,
И всю жизнь до сырой гробовой доски
Собирает он одолженья.

Задолжал он родителям, учителям,
Городам, деревням, отечеству,
Поездам и мостам, кораблям и полям,
Солнцу, звездам и человечеству.

Если в жизни случится ему отдать
Того долга хотя бы частицу,
Начинают его восхвалять, прославлять,
Ставить памятники в столицах.

Ну, а что же такое, скажите, талант?
Это просто платежеспособность.
Аристотель и Пушкин, Бетховен и Кант
Лишь гасили свою задолженность.

ГИМН ПОТРЕБИТЕЛЮ

С какую радостью безбожной,
С благоговением каким
Глядит сапожник на прохожих,
Как те сбивают каблуки.
О! Как он любит косолапых!
Как жадно он считает дни,
Когда в набойках и заплатах
Нужду почувствуют они.
Как повара горды обжорой!
Как не хотят, чтоб отощал
Клиент безжалостный,
Который
Собаку съел
На их борщах.
Извечный круг:
Актер – и зритель,
Тугая нить:
Портной – и франт.
И да святится потребитель,
Овеществляющий талант!

* * *

Падают звезды в море
И там становятся рыбами,
А те, что не долетели,
Стали стаями птиц.
А те, что падут на землю,
Станут воронками взрывов,
Ибо земля, по сути,
Взрывчатое вещество.

СУМЕРКИ

На переулки опустились сумерки
Настолько несерьезны и легки,
Как будто это беззаботно умерли
Прозрачные дневные мотыльки.

И грусть их так далека от отчаянья,
Так не похожа даже на печаль,
Что не нужны ни траур, ни молчание,
И никому умершего не жаль.

Заклучено умение высокое
Погаснуть так, как угасает день,
Чтоб никого не опечалить около,
Переходя в расплывчатую тень.

* * *

Жизнь – это глупая, вздорная тетка –
Иногда зажиточна, иногда нища –
Заездит насмерть, если ты кроткий,
С ней лучше не связываться натошак.
С ней лучше, когда градусов под сорок,
Когда сунешь в зубы ей хорошего кулака,
Тогда она быстрехонько слезет с закорок
И пойдет накручивать трепака.
Прав Пушкин – мы любовью баб губим,
А жизнь - бабы любой бабей.
«Чем меньше женщину мы любим,
Тем больше нравимся мы ей».

* * *

Умирать – так лучше молодым:
Жизнь еще не стала самоцелью,
И желаний разноцветный дым
Все еще клубится над постелью.

Жаль, что ты еще недоиграл,
Недоразделил, недоумножил,
Недошел, недопил, недовраг, -
А не жизнь, которую не дожил.

В старости губительнее смерть –
Тем-то и мучительнее старость:
Ничего, что мог желать и сметь,
Кроме жизни, в жизни не осталось.

* * *

Когда на ум нахлынет прошлое,
Теченьем жизни смещено,
Все – даже мелкое и пошлое
Крестами лет освящено.

А если прожитое – лишнее
И отвергается тобой,
Ты покрываешь дом не крышею,
А сразу крышкой гробовой.

* * *

Есть души великое свойство –
Через все осмеяния сметь.
Дезертирство от смерти – геройство,
От геройства оно же – смерть.

* * *

Лоботрясы любых мастей,
Тунеядцы, ворье, пьянчуги
В неприкаянности своей
За здоровье свое в испуге.

Доживая нелегкий век,
Убеждаюсь, верьте, не верьте, –
Чем ничемнее человек,
Тем он больше боится смерти.

ИСТИНА

Не существует в мире лжи:
Все только правда, только правда -
И чучела, и муляжи,
И колдуны, и костоправы.
И даже лжепророк не лжет,
Правдив предельно лжесвидетель,
И лжеогонь ладони жжет,
От лжелюбви рождаются дети.
Идут, завидев миражи,
Чтоб в них погибнуть, караваны...
Не существует в мире лжи,
И полны истины обманы.

СТИХИ ЖИВЫХ

***Являлась смерть в дома моей среды,
Оставшихся в живых обводит оком.***
С. Дрофенко.

Как мы стихи покойников читаем!
О, боже мой, как мы читаем их!
Какою тайной страстью почитаем
Теперь уже неповторимый стих!

Что у живых листали торопливо,
Глядели сквозь туманное стекло,
Все проступило, как из негатива,
И на глазах контрастность обрело.

При жизни строчкам не хватало точки,
Строка была еще полустрокой...
Лишь только смерть дописывает строчки
Своей сухой редакторской рукой.

В свой час и к нам Косая постучится,
И вскрикнет стих от точек ножевых...

О, если б нам до смерти научиться
Читать стихи товарищей своих!

ОСТАНОВКА

В час, когда разорив минуты,
Наступают секунды-пик,
Все автобусы почему-то,
Словно мысли, идут в тупик.

В тупиках, говорят, спокойно.
Отупело упрямся лбом,
Словно в заднюю стоку стойла,
В размышлении о былом.

Нам когда-нибудь через годы
Возвращаться придет черед
По-машинному – задним ходом,
По-людски – ногами вперед.

СОВЕТЫ

* * *

Приучили нас Пиночеты,
Распинающие свободы,
Что должны поднимать мачете
Против армий своих народы.
Вы простите, солдаты армий,
Извините нас, офицеры,
Обходились, увы, недаром
Исторические примеры.
Заменившая череп каской
Слишком памятна солдатня.
Слишком часто был штык указкой,
Не суди ты, солдат, меня.
Видно, поняли слишком поздно
Те, которые на коне,
Что в казармах вольнее воздух,
Чем в казармствующей стране.
Выше всех чинов и регалий

Почитая родной народ,
Встаньте армии Португалий,
На защиту его свобод!
Пусть научатся не бояться
В этом мире, где мы живем,
Представители разных наций
Человека с его ружьем!

* * *

Земля советами беременна -
Скорее за любой берись.
Но что тут вечно, что тут временно,
Поди, попробуй, разберись!

Наверно, в том и есть наитие,
Наверно, в том-то и секрет,
Чтоб разгадать внутри события,
Чей исполнять тебе совет.

ОБЕЗЬЯННИК

Я не знаю, что в будущем станет
С нашим благоухающим веком.
Надо чаще ходить в обезьянник,
Чтоб себя ощущать человеком.

Я не знаю, как долго протянет
В Хиросиме последний калека.
Надо чаще ходить в обезьянник,
Чтоб себя ощущать человеком.

Ничего я не знаю заранее,
Не оплачены домыслы чеком.
Надо просто ходить в обезьянник.
Чтоб себя ощущать человеком.

ЦВЕТНЫЕ СНЫ

Черно-белые сны снятся здоровым людям.

Из учебника психиатрии, 1939 г.

Здоровый мир логичен и графичен,
В нем человек практически здоров.
Но если вдруг приснится Беатриче,
То поскорей зовите докторов.
Цветные сны, они-то и повинны
Во всех грехах, грешницах и грешках.
Скорей залейте краски инсулином
И растворите в белых порошках.

Смешенье красок, как кровосмешенье,
Как вырождение, бред и декаданс.
Поставьте черно-белые мишени,
Стреляйте, чтоб не застрелили вас.
Среди цветов запутана дорога,
Она ведет к тшете и нищете,
И ухо сумасшедшего Ван Гога
Как герб фамильный на цветном щите.
Здоровяки в футболках черно-белых,
Не допускайте красок в ваши сны!
Здоровье духа и здоровье тела
Оберегать вы тщательно должны.
Но если вдруг потянет по низинам
Цветной, психиатрический душок, -
Скорей залейте краски инсулином
И превратите в белый порошок!

* * *

Соблюдайте дистанции,
Не читайте нотации,
Сохраняйте квитанции
Для реабилитации.

Если так поступать всегда
В снег ли, в бурю, в ненастье ли,
По решению нарсуда
Вы и будете счастливы.

* * *

Не раздражай собак,
Не меряй сил с медведем,
И если сам дурак –
Не помогай соседям.

* * *

Хоть ты и нем, как рыба,
Умерь до срока прыть –
Не суйся в воду, ибо
Ты не умеешь плыть.

* * *

Не пойдешь с котомкой,
Не поймут потомки.

* * *

Много в жизни бывает путей,

Много случаев ложных и сложных –
Не теряйте друзей безнадежных,
Будет больше надежных друзей

ПЕДАЛЬ

Нажимай на педали,
Жми в бескрайнюю даль –
Там тебя в этой дали
Ожидает медаль.

Если ноги устали,
Лбом педали бодай!
Остальное – детали,
Остальное – педаль.

* * *

Умейте властвовать собой.
А если боль?
А если бой?
А если гонят на убой?
Тем круче властвуйте собой.

* * *

Учите лучше, граждане, детей,
Не забывайте изначальный долг.
Учите.
Но на прямизну идей
Всегда ложится кривизна дорог.
Что пьете вы - коньяк или портвейн,
Неважно.

Сдвиньте в сторону бокал:

Вы помните, еще старик Эйнштейн
О кривизне пространства толковал?
Так вот она, святая простота -
В Алма-Ате начертите черту
Прямую в небо.

А потом черта

Опять вернется к вам в Алма-Ату.
Не параллельны даже две прямых.
А если их, допустим, сразу сто?
Где точки всех пересечений их,
Не скажет вам заранее никто.
Вникайте, дети, в азбуку систем,
Учите их, как новогодний стих,
Но на святую ясность теорем
Всегда ложится кривизна прямых.

* * *

Сурово учат плавать щенков,
Но все же плывут щенки.
Мы тоже слепые щенки веков
Посреди реки.

Быстрее лапами волны бей,
Рули к берегам хвостом
И не робей ты, как воробей
Перед большим котом.

ТОВАРИЩУ ЧИТАТЕЛЮ ДВА СЛОВА НАЗИДАТЕЛЬНЫХ

Для бытия удобного
Ищи себе подобного:
Горбатому - горбатого,
Проклятому - проклятого.
Стихи читай умеючи:
Пока девица - девичьи,
А в возрасте старушкином
Читай про няню Пушкина,
Напившись, пой про Разина...
Вся жизнь взаимосвязана.
Имей к строке лирической
Подход гастрономический.
А все, что не подобное,
То, значит, несъедобное.

* * *

Не бойся вслух задать вопрос.
Любой.
Ответа нет?
Ответчик, значит, не дорос,
Не подоспел ответ.
Они родятся погода,
Они потом придут –
Так под настойчивость дождя
Грибы в земле растут.
Посей вопрос – пожнешь ответ,
Но ты его посеи!
Пускай тебе не хватит лет,
Не хватит жизни всей
На ожидание ростка –
Он все равно взойдет,
И чья-то новая рука
Его потом найдет.

* * *

Когда не находишь ответа
И мысли тревожны и злы,
Полезно чинить табуреты
И красить в квартире полы.

Когда от волнения кругом
Пойдет у тебя голова,
Пойди, упираясь за плугом,
Руби, задыхаясь, дрова.

Какая бы в жизни забота
За душу тебя ни взяла,
Спасает простая работа,
Нехитрые лечат дела.

ЛИНГВИСТАМ-ПУРИСТАМ

Пуристы, питайтесь пургеном
Во имя стерильной башки!
Все ваши протертые гены
Идут из клистирной кишки.

Вас клизмой в кастрюле зачали
И в мертвой крестили воде,
И не было слова вначале,
Был синтаксис голый везде!

Стояли кавычки и скобки
Вокруг деревянных клише,
Торчали затычки и пробки
В проваренной вашей душе.

И не было папы и мамы
Ребенка речам обучить,
Сухарики школьной программы
Вам некому было смочить.

Промыты карболкой чистюли?
Проверены, как райсобес?
Но все-таки привкус кастрюли
Оставил вам праведный бес.

Пуристы, не надобны споры!
Держите пурген под рукой,
Иначе крутые запоры
Опять овладеют башкой!

МЕРТВАЯ ЗЫБЬ

Ветер давно утих,
На море полный штиль,
И у валов крутых
Новый родился стиль.

Смотришь издалека -
Это ли океан?
Словно среди песка,
Словно среди бархан.

На море полный штиль,
Едешь, как по полям.
Но переломан киль
Катера пополам.

Но, как пустой орех,
Танкер трещит по швам
И изо всех прорех
На воду нефть пошла.

Пятна ее, как сыпь,
Море всерьез больно.
Мертвой зовется зыбь
Правильно и давно.

Лучше уж пусть волна
Мнет кораблю бока -
Мертвая зыбь страшна,
Раз ты живой пока.

* * *

Синица море подожгла.
Мы не поверили синице.
Еще дрожат колокола,
В которые звонила птица.

А море плавает в огне,
Почти до днища прогорело,
И лишь на самой глубине
Креветка бьется угорело.

И как сумела! Как смогла!
Такая маленькая птичка
Большое море подожгла!
... Не доверяйте детям спички!

КАСЬЯНОВ ГОД

Над миром скомканным несло,
Как лист с ошипанных деревьев,
Непоправимое число
Под тайным знаком - 29.

И тонко дрогнула Земля,
Настороженно осью скрипнув,
И за кормою февраля
Число последнее возникло.

Касьян с утра напился пьян,
Жену, сердечную, забросил.
Три года вытерпел Касьян,
Пока настало 28.

И вот пришел Касьянов срок.
Как на смотру у новобранцев,
Не скроет солнце свой порок
Косицами протуберанцев.

Глядит Касьян из-под бровей,
Сознание сумрачно и косно.
И ток языческих кровей
Теснится в сердце високосном.

В каком-то тайном кабаке
Сойдутся пьяные Касьяны,
И каждый будет в кулаке
Держать свои меридианы.

И будет дергать и тянуть
Земли невидимые пути.
И корабли начнут тонуть,
И камнем падать парашюты.

И расползется рак и грипп
Среди бескормицы и мора,
И радиоактивный гриб
Падет на место мухоморов.

И будет людям на беду
Осуществляться, как ни странно,
Все, что в горячечном бреду
Взбредет упившимся Касьянам.

И никому не избежать
За эти оргии расплаты.

... Побойтесь, женщины, рожать
В день февраля двадцать девятый.

УТРО

Протыкая небо головою,
Подымаюсь рано поутру.
Все вокруг такое голубое!
И павлины ходят по двору.
Распустили веером павлины
Все свои глазастые хвосты.
Все вокруг младенчески невинны,
Все вокруг отрочески чисты,
Все вдыхают воздух полной грудью.
Солнца взлет стремителен и крут.
- Эй, кому там в этом мире трудно?
Врут врачи и гороскопы врут.
Ни больных нигде, ни подсудимых,
Заливает утро города...
Встаньте, люди!
Вам необходимо
Так вот просыпаться иногда.

КОРЕННИК

Дуга, она не сразу выгнута -
Веками гнула дуги Русь.
Хоть не боитесь нынче вы кнута,
А я его остерегусь.
Я мудрый мерин в серых яблоках,
Хомут натруженный трещит.
На облучке, как в сизых облаках,
Сидит задумчивый ямщик.
О чем ему взгрустнется нонече,
Про что он песню запоет,
Пока мы с ним доскачем до ночи,
А то и ночи напролет.
Стучи, дорога, под копытами,
Колоколец, в дуге звени!
Что пристяжными не испытано,
Коренники везут одни.
Не опоены, не озлоблены
Ни на узду, ни на шлею,
Мы знаем место под оглоблями
И понимаем колею.
Я, может, скоро стану клячею
И околею на пути,
Но только ржання жеребьячьего

Я не могу перенести.

* * *

Не говорю о брэнности овечьей -
Недолговечна битва за живот.
Претерпит все, но все переживет
Одна лишь верность вере человеческой.

Проходит страсть чахоткой скоротечной,
За свадьбою мерещится развод.
И у часов кончается завод -
Не погубите верности сердечной!

Неверность сердца есть его порок.
С пороком сердца человек порочен,
А век его и без того непрочен,
Едва нога ступила за порог.

Когда идете в люди за доверьем,
Не оставляйте верности за дверью!

* * *

Мамы, что ж это вы не плачете,
Руки горестные ломая, -
На глазах у вас ваши мальчики
Погибают!

Как беспомощные зайчишки,
Задыхаясь в силках морщин,
Смертью мучеников мальчишки
Умирают в сердцах мужчин.

Их, взъерошенных и отважных,
Покоряющих целый свет,
Потихоньку давит важность,
Валидол и авторитет.

И начальственной одышкой
Подавляя вопрос немой,
Мне бросает в лицо: «Мальчишка!»
Одноклассник вчерашний мой.

Как стремительные излишества,
Как барокко и рококо,
Разрушаем в себе мальчишество
Мы безжалостно и легко.

Да простят мне сравнения робкие:

Человек – это тоже дом,
И казарменными коробками
Вдоль по улице мы встаем.

SOS!

Тревога!
Землетрясение!
Средь пожарных и санпостов
Создавайте посты спасения
Погибающих пацанов!

* * *

Жил на свете невнимательный человек.
Не то, чтоб он совсем верхоглядом был,
Но только из-под приспущенных век
Что-то вокруг себя недоглядывал.
А рядом что-то двигалось и плыло,
И что-то плавилось в каких-то мартенах,
И птицы круто заваливались на крыло,
И писал стихи Леонид Мартынов.
А человеку казалось, что это так –
Проходящее, необязательно...
Жил на свете такой чудак.
Граждане, будьте внимательны!

* * *

Думайте!
Думайте!
Думайте!
Думайте так,
Перетак!
Пусть превращается в умника
Самый последний дурак.
И упиваться, и чувствовать
Мы научились давно,
Только поймите – искусство ведь
Не даровое вино.
Пейте и ешьте в безумии,
Так же творите грехи...
Только, пожалуйста, думайте,
Если взялись за стихи!

х х х

Я тебе заявляю
Откровенно вполне,
Что тебе я желаю,
Что желаешь ты мне.
Пожелай мне удачи,
Пожелай мне успеха,

Получи с меня сдачу,
Словно с горного эха.
Пожелай мне провала,
Пожелай мне болезней.
Впрочем, это, пожалуй,
Для тебя бесполезней.
И не думай, не вздумай,
Что тебя не коснется,
Что уснувший Везувий
Никогда не проснется.
Так желай неизменно
Мне чего-то получше,
И тогда непременно
Сам его же получишь.

* * *

Рисуйте образ своего народа –
Что б там ни приходилось рисовать.
Не надо пред народом пасовать
Ему ни в осужденье, ни в угоду.

Совсем не обязательно назвать
Народной драмой скверную погоду,
Но, призывая полюбить природу,
Вам все равно к народу призывать.

В любимый образ женщины прекрасной
Черты народа собраны негласно,
И в познаваньи самого себя
Лежит познание сущности народной.

Способен только человек свободный
Любить народ, свободу возлюбя.

ПИСАТЕЛЯМ РОССИИ

Возвысьте голос над Россией,
Возвысьтесь над самим собой,
Скажите: «Я и есть Мессия!»
И станьте собственной судьбой.
Берите скипетр или посох,
Ведите все-таки народ!
И не пугайтесь лжевопросов
Куда - назад или вперед?

* * *

Когда ты мудр, как змей,
Нельзя ползти на брюхе –

Явить свой ум умеи
В ином каком-то духе.

ЧТО ЕСТЬ ИСТИНА?

НАЧАЛО

Мирозданья не было сначала,
Ни Ковша на небе,
ни Креста.

Имматериальная, молчала
Будущих вселенных пустота.
Ничего.
Но ничего так много,
И так долго тянется оно,
Что мелькает мысль,
Как проблеск Бога:
До чего пустынно и темно!
- Я ничто, -
Ничто себе сказало.
Просто факт
Сознанием факта стал.
Появлялись первые начала,
Возникал исходный матерьял.
А потом, когда скрутились мысли
В лабиринт материальных тел,
Появились словеса и числа,
Очертая мыслимый предел.
И, себя постигнув, забывала
Новых звезд мирская суета,
Что когда-то не было сначала
Ни Ковша на небе,
ни Креста.

ФИЛОСОФСКИЙ КАМЕНЬ

Веками, бесконечными веками
Искали люди философский камень.
Ладони обожженные носили
Мечту о человеческом всесилье.
Но в тигельки алхимиков усталых
Стекали капли безнадежных дней...
Пробились души, интеллекты, скалы,
Но философских не было камней.

Неведомыми, темными, глухими
Пути уходили колдуны,
И стало бранным именем "алхимик",
И на кострах надежды сожжены.
А камень был. А он манил и ранил
И прикасался таинством судьбы,
И грань за гранью
камень филигранил
Людские неподатливые лбы.

ЗВЕЗДА

Из неизвестных глубин, из безмерной космической дали
Появилась, возникла и стала огнем разгораться звезда.
Мудрецы и жрецы на нее с изумленьем взирали,
И волхвы поспешали к ее раскаленным следам.
Шли согбенные старцы вослед за падучей звездой,
И рождались младенцы под светом летящей звезды.
И считали цари неизвестную гостью бедою,
И не знали цари, как сберечься от этой беды.
Сам великий, бесстрашье прославленный Ирод
Убоялся младенцев, рожденных под звездным лучом,
А она все летела над темным, встревоженным миром,
И волненья волхвов, и угрозы царей были ей нипочем.
Обливалась Земля непорочной младенческой кровью,
И в угрюмых пороках погряз беломраморный Рим.
А звезда была близко, и низкие, жалкие кровли
Озаряла уже торжествующим светом своим.
Может год, может, два, может, двадцать скользила она по спирали,
Облетая нелепый приплюснутый шар,
А на шаре сердца в ожиданье ее замирали,
И недобрых страстей разгорался тяжелый пожар.
Лишь у Мертвого моря, в песках Аравийской пустыни
Одиноким безумец, отшельник, гонимый везде,
Помраченный рассудком, на миг прикоснулся к святыне
И поверил.
И вышел навстречу звезде.

* * *

Вино и хлеб –
Вот плоть и кровь Христова.
Ты, атеист,
Покамест помолчи.
Пускай звучит
Божественное слово -
Вино и хлеб.
Как колокол в ночи.
Неверующим

Остается мясо,
Безбожникам
Достанется вода.
Еще костры язычников
Дымятся,
Еще спешат
К закланию стада,
Но восстает уже
Над миром новым,
Да пусть увидит каждый,
Кто не слеп,
Торжественная
Плоть и кровь Христова –
Вино и хлеб.
И вновь –
Вино и хлеб!

* * *

О высшей правоте
Судачить не решусь -
На сказочном кресте
Распят живой Исус.

Для высшей правоты
И правда не нужна -
Спасая животы,
Теряем имена.

У высшей из правот
Особый глазомер -
В ее шкале отсчет
Идет от высших мер.

СЧАСТЬЕ

Бесхитростно счастье людское,
Недорог его матерьял -
Не знает, что это такое,
Лишь тот, кто его не терял.

Однажды лишу себя сада,
Прохлады осенней лишу,
И станет мне высшей наградой,
Что снова всем этим дышу.

Лишусь на минуту свободы,
Чтоб снова ее обрести,
И счастье вернется под своды,
Где я тосковал взаперти.

Ни сила, ни слава, ни гений
Для счастья не надобны мне -
Лишь не было б лишних лишений
В моей и чужой стороне.

ПРАВДА О ЛЖИ

Мысль изреченная есть ложь.

Ф. Тютчев.

На этом свете сотни правд –
Твоя, моя, ее,
И если даже кто-то прав,
То все равно вранье.

Не надо лжи, мой человек!
А человек не лжет.
Он просто в желтом видит всех,
Поскольку сам он желт.

А правда, желтая лицом,
Для иноцветных – ложь,
Но назови его лжецом,
И сам тогда солжешь.

И согласиться с ним нельзя,
Поскольку сам ты сиз,
А правда сизая твоя
Отравит ему жизнь.

Я опущусь на дно кощунств,
Воскликну: «Правды нет!»,
Но большей лжи из этих уст
Еще не слышал свет.

СЕГОДНЯ

С веками все минет,
Все канет –
И гунны, и канны,
Но память
Останется в слове и камне.
Останется отзвук степного копыта
В дроби барабана.
Никто не забыт и ничто не забыто.

Рубцами на ранах
Былые дороги.

На них мы киваем и ропщем,
Но даже и боги
Не властны над прошлым,
И маленький мальчик
Большого мужчины сильнее оказался:
Потерянный в детстве мужчиною мячик
Так там и остался.
Девчонка, которой в любви не успел объясниться,
Куда-то уехала, чтобы пожизненно сниться.
... Второй половины двадцатого века титаны,
Колумбы космических экспедиций
Не в силах распутать веревки Джордано
И вырвать его из погасших костров инквизиций.
И там, в двадцать первом,
Как боги, всеильные люди,
Но им не под силу с тобою, ровесник мой,
Справиться будет,
Заставить умолкнуть меня –
Не под силу.
Не погасить им огня
Хиросимы.
И то, что сегодня сработано подло и плохо,
Не может исправить пришедшая завтра эпоха.
Сегодня – подвластно нам только сегодня,
И только сегодня мы в выборе нашем свободны.
А завтра все минет, все канет –
И гунны, и канны,
Лишь память останется в слове и камне.

* * *

«Гитлеры приходят и уходят,
А народы мира остаются».
Значит,
Так вот по земле и бродят –
То уйдут,
А то назад вернуться?
А народы –
Словно так и надобно,
Словно им уроков было мало?
... И восходит на Востоке Мао,
Чтоб дойти до Запада
Фон Тадденем.

Я – САМ

* * *

Я!
А кто я?
Я – техник человеческих душ,
Фельдшер философии,
Взводный мирового прогресса.

ДРЕМУЧИЕ СТИХИ

Ощущаю себя лесником,
Возникаю дремучим лесничим,
Со звериным знаком языком
И маленько умею на птичьем.

И на «ты» с вековой сосной,
Я за лапку здороваюсь с елью,
Я, лесного царя крепостной,
Заправляю лесной каруселью.

Ходят лешие в гости ко мне,
Обо мне интригуют наяды,
Я в замшелом безвылазном сне,
Просыпаться откуда не надо.

Лес дремуч, и дремуча душа,
Неподвластна распаду дремучесть,
Не взыскую себе барыша,
Принимаю дремучую участь.

Словно дикий, глухой материк,
Я зарос бороною, как лесом, -
Потому что крутиться отвык
Мелким и образованным бесом.

* * *

Последний снег сошел с полян,
Стреляют почками деревья,
И я с утра до ночи пьян
Набухшим запахом деревни.
Хожу по лесу, жгу костры,
Огнем овраги очищая,
И мысли у меня просты,
Я их почти не ощущаю.
Стихов мудреных не пишу.
Позабываю время, даты,
Я просто воздухом дышу,

Лесной истомою объятый.
И первобытно надо мной
Стволы раскачивают сосны,
И первозданен шар земной,
Что сбросил снежные заносы.
На мне не тот надет наряд,
Не те манеры и привычки,
Уйду, как только догорят
В кострах оставшиеся спички.
Еще умею опьянеть,
Еще не весь я ометаллен,
Но не могу уразуметь
Язык проснувшихся проталин.
Мне никогда не прорасти
Рябиною у огорода.
Природе говорю: прости,
Не поминай меня, природа!

В БИБЛИОТЕКЕ

Я вхожу без доклада
И сажусь в уголок –
Мне распутывать надо
Вековечный клубок.
Размотаю по нитке,
Узелки раскручу,
На рогатой улитке
По земле проскачу.
Буду ехать и ехать
От огня до огня,
Будет звонкое эхо
Впереди у меня.
Я пряду свою пряжу,
Завтра дочка придет,
Все концы ее свяжет
И полотна соткет.

* * *

Я предрекаю новый культ.
Он существует испокон.
Его апостолы рекут,
Мы все в кругу его икон.

Мы все сроднились с божеством,
И, от него неотделим,
Я совмещаю рождество
Его с рождением своим.

Я предрекаю новый культ.

Вот образ Божий на стене.
Вглядись - черты его не лгут
Ни другу, ни врагу, ни мне.

Я знаю имя божества.
Я назову его сейчас,
Пришла минута торжества:
Бог - это время. Видят нас

Иконы времени - часы,
Магичен маятника стук,
И стрелок тонкие усы
Над нами совершают круг.

Нисходит Бог на Землю сам
Дождем стремительных секунд.
И, исповедуясь часам,
Я предвещаю новый культ.

* * *

Природа приходит за мной,
Как старая бабка ко внуку.
«Пора, - говорит, - уж большой,
Пора подаваться в науку.

Довольно младенческих игр
В солдатиков, в куклы, в машины,
Метания всяческих икр,
Возни этой самой мышиной!».

Ведет меня за руку в класс
Осенним торжественным утром
И свой начинает рассказ
Спокойный и, кажется, мудрый.

Гляжу, как слетают с дерев
Нарядные яркие листья,
И вижу в щербатой коре
Следы обнажившихся истин.

А листья летят и летят,
От осени некуда деться,
Как будто деревья хотят
Скорее разделаться с детством.

* * *

Уйду под крышу собственного черепа

И там сады и рощи разведу,
Из сердца, словно из колодца, черпая,
Первопричину сущего найду.

И если я частица человечества,
То и оно во мне отражено,
И от себя отнекиваться нечего,
Поскольку нам иного не дано.

МОЙ КУРС СЕГОДНЯ ХОДИТ В ПОДПОЛКОВНИКАХ

Мой курс сегодня ходит в подполковниках.
Я вижу вас – ровесников моих.
Вы обо мне, наверное, не помните
Средь бесконечных буден строевых.
По-разному слагались биографии,
Но что бы мы ни делали потом,
Мы бережно хранили фотографии
С курсантским приснопамятным кантом.
И, парясь где-нибудь в современной сауне,
Я вдруг пронжусь гражданской тоской:
Мой замкомвзвода, где ты, Валька Саунов?
Курсант Якуба? Старшина Смецкой?
Я против войн. Серьезно и решительно.
Но с полной откровенностью своей
Я все-таки советую родителям
Определять в курсанты сыновей.
Когда бы вся убийственная силища
Была сдана на свалку и в архив,
Я и тогда гвардейские училища
Оставил бы для правнуков своих.
Ведь эта благородная традиция
Еще от наших прадедов пошла
Затем, чтобы не розовой водицею
По жилам кровь у юношей текла.

СТАРШЕМУ ДРУГУ

На первый взгляд, в годах, наверно,
Большая разница у нас:
Ты кончил школу в сорок первом.
А я окончил первый класс.

Ты воевал, а я в тревогу
Играл с ватагой пацанов.
Но шли года, и понемногу
Стиралась разница годов.

Когда одиннадцатилетним
Я встал на пост МПВО,
Наверно, стало незаметней
Твое бывшее старшинство.

Когда же в госпитале доктор
С моей руки бинты срывал,
Быть может, ты за переборкой
К нему же в очередь стоял.

Перед тобой моя поэма,
И вспоминаешь ты свою,
Как будто зародилась тема
В одном строю, в одном бою.

Ты – мой читатель. А давно ли
Я был читателем твоим...
Очередную тонну соли
Давай как сверстники съедим!

1947 год.

* * *

Уходит мой поезд, уходит.
Я слышу слепые гудки.
А я и не собранный вроде,
И руки уже коротки.

Какие-то, значит, минуты
Проспал, просидел, простоял.
Хоть с места срывайся -- разутый,
Раздетый беги на вокзал.

В пиджачном кармане билеты.
Но где там повешен пиджак?
Вдали, под колесами где-то
Напрасные рельсы дрожат.

Напрасно колышутся реки,
Напрасно снижаются "ТУ",
Напрасно живут человеки,
Деревья напрасно растут.

Напрасно. И все потому-то,
Что я опоздал на вокзал,
Что лишнюю в жизни минуту
Проспал, просидел, простоял.

* * *

Я в роте был правофланговым,

Был направляющим в строю.
С тех пор в любом обличье новом
На том стоял, на том стою.

Не потому, что слишком лестно
Перед колонною идти, -
Мне просто первому известны
Все ямы на любом пути.

Моя обязанность прямая
За вслед идущих отвечать
И, ноги в рытвине ломая,
Колонне "Под ноги!" кричать.

* * *

Лица не вижу своего,
Не знаю жестов и улыбок,
И для себя же самого
Я сам не выяснен и зыбок.
Боюсь поверить зеркалам,
Портретам и воображенью –
Я распадаюсь пополам
Между собой и отраженьем.
А вам я виден целиком
В походке, облике и жесте,
А вам я полностью знаком
И до подробностей известен.
Вот так на свете и живем
По жутковатому закону –
Друг друга в лица узнаем,
С собою лично не знакомы.

ДЕМОКРАТИЯ

Веду с собою сложную игру,
Расплывчато мелькаю на экране.
Но самого себя я соберу
Однажды на отчетное собранье.
Я посмотрю себе глаза в глаза
И все свои увижу отраженья
И, прочитав все "против" и все "за",
Демократично вынесу решение.
Я, подчиняясь воле большинства,
Закрою рот строптивым единицам
И предоставлю полные права
Голосовавшим монолитно лицам.
Сведу их всех в единое кольцо,
Перечеркну неясные вопросы
И обнаружу, что мое лицо

Вдруг почему-то сделалось безносо.
Что вкось куда-то повело щеку,
Что шея вдруг утратила вращенье...
Но ничего исправить не смогу,
Поскольку было принято решение.

* * *

Я не люблю стихов на пять минут,
Которые случайно прочитают,
Все до конца и сразу же поймут
И мыслей к ним уже не обращают.

* * *

По-простому рассказать намерен
Все, что надо б высказать давно...
Стих мой был среди других затерян,
Как в песок попавшее зерно.

Так вот я и пел, ломая голос,
То с другим, то с третьим заодно.
До сих пор не выметнуло колос
Многолетней давности зерно.

Жег, царапал, сек песок горящий,
Много лет царапал, жег и сек!
И казался чем-то настоящим
Мне вот этот высохший песок.

Нет дождя – так хоть бы слез потоки
Разразились, что ли, надо мной!
Строки, словно тяжкие упреки,
Тучами сошлись над головой.

* * *

Утомленные ноги
В Волгу я опущу,
О минувшей дороге
Босиком погрущу.
Пароход осторожный
Развернулся кормой,
Ох, ты Бог мой дорожный,
Бог измученный мой,
Не могу я без Волги,
И на ней не могу.
От Казани до Толги
Бурлаком пробегу,
Потяну бечевою -

За избитой спиной
Все житье кочевое,
Не забытое мной.
Волга льется вечерне,
Волны, словно чугуны,
Я забытый кочевник,
Недорезанный гунн.
Волга смотрит туманно,
Все на свете сокрыв,
Я встаю из кургана,
Нераскаянный скиф.

В ДОМЕ НАД ВОЛГОЙ

Дом помещался в темноте ночной,
Здесь потолки смыкались с небосводом.
А где-то рядом, за моей спиной,
Кричали, словно дети, пароходы.
Их громкий плач будил во мне тоску,
Похожую на жажду материнства,
И, вспоминая дальнюю Москву,
Я нараспев, по-волжски матерился.
Ну что Москва!
Среди других сирот,
Среди бродяг без племени и рода
Я проходил промеж ее ворот
Нелепым сухопутным пароходом.
Я где-то даже пробовал гудеть,
На мостовых обламывая плиты.
Но что моя надтреснутая медь
Среди железных скрежетов столицы!
Что там мои протяжные гудки!
Москва слезам по-прежнему не верит.
Смешно быть пароходом без реки,
Смешно кормой карабкаться на берег.
Не принимают душу берега,
Не понимает суша мой характер...
... Позволь ходить меж бакенов, река,
Пусти меня обратно в свой фарватер!

МИЛОСТЬ

Предстал я нищим перед Богом,
И он, от божеских щедрот,
Послал мне долгую дорогу
В просторах северных широт.

И что потом ни подавали

Мне на обочинах дорог,
Ни разу люди не бывали
Такими щедрыми, как Бог.

Не утону в дареной рюмке,
Чужим куском не подавлюсь –
В изношенной сердечной сумке
Лежит, как милостыня, Русь.

* * *

Я знаю и магию слова,
И черную магию слав,
И много я знаю такого,
В котором и сам я не прав.

Но все и поняв, и приемля,
К концу одному прихожу –
Не знаю я старую землю,
Хоть пятый десяток брожу.

Не знаю ближайшего друга,
Не знаю родную жену.
По кругу, по кругу, по кругу
Иду по вершинам ко дну.

АЗ ЕСЬМ

Мне не досталось крыл,
Положенных поэтам.
Я сам себя скроил
По собственным макетам.

Я выбрал этот путь
Сознательно и просто.
Пусть скажет кто-нибудь
Мне про издержки роста.

Стою, как на посту,
Под собственным штандартом
И сам себе расту
По собственным стандартам.

* * *

Стихи о технологии металлов.
О чем, о чем?
Помилуйте, Щеглов,
Плюс ко всему, еще нам не хватало

От вас технологических стихов!
Наверно, так.
А, может быть, иначе.
Но только знаю я наверняка,
Что обо мне редакторы судачат,
Что я опять валяю дурака.
А между тем, металл стихов достоин,
Любой рабочий, хлебороб и воин
Стихи о нем без критики поймет.
Ему не надо будет объяснений,
Лишь только мне бы как-нибудь суметь
Пересказать без недоразумений,
Как варят медь.
Горящий штерн в конверторное горло
Швыряет отражательная печь,
А у меня дыхание в горле сперло -
Ни встать, ни лечь.

* * *

На получение членского билета СП СССР.

Мне подписал билет поэт Луконин,
Прозаик Марков мне не подписал,
Ох, эти кони, кони, кони, кони,
Пришедшие по рельсам на вокзал!

Пока в ночной тиши ракетодрома
Анализатор пробует волну,
Средь бела дня я в кассе ипподрома
В тотализатор ставлю на «Волну».

Пока прозаик где-то между нами
Осуществляет правильный расчет,
Мы между тем еще не знаем сами,
Когда и кто в конце концов придет.

Ох, эти кони, эти звери-кони,
Ушедшие по рельсам на вокзал,
Мне подписал билет поэт Луконин,
Прозаик Марков мне не подписал.

* * *

Знаю горную гордость
Горбоносых джигитов
И карельскую твердость,
Что взята у гранита,
Ширь казацких размахов,
Украинскую нежность,
Своенравье казахов

И эстонскую сдержанность.
Башковитость башкиров
И бурятскую силу...
... Я изъездил полмира –
Я изъездил Россию.
И куда б ни ступала
По державе нога,
Никогда не встречала
На дороге врага.
Нету взгляда косоного,
Хоть монголист разрез.
Нету места чужого
Среди исхоженных мест.
Я обласкан Кавказом
И степной целиной,
Вся страна моя разом –
Дом родительский мой.
Всюду братья и сестры,
Каждый с детства знаком.
Каждый – маленький остров
На пути маяком.
Ассалай ысыс!
Здравствуй!
Здоровеньки буллы!
Выбачай, кали ласка -
Все наречья милы.
Все наречья известны
На полсвета вокруг,
На планете не тесно
Среди дружеских рук.
... Я мечтаю, мечтаю,
Чтоб когда-нибудь смог
Проходить по Китаю,
Не считая дорог,
Пролететь над Аляской,
Шлюзоваться в Суэц,
Свято веруя в ласку
Незнакомых сердец.

* * *

Не помогает мастерство,
Натренированность и скрытность,
И проступает естество,
Души и тела первобытность.
Своей утробы
Трубный глас
Не всюду спрячешь под сурдину --
Всегда приходит судный час
И обнажает сердцевину.
Ты, сам свой высший судия,

Перед самим собою каясь,
Вдруг закричишь:
"Не я! Не я!",
Сам от себя же отрекаясь.
Ты испугаешься числа
С самим собою первой встречи
И будешь рушить зеркала,
Свой отраженный лик калеча.
Не приведи с собой самим
На узкой улице столкнуться --
Внезапно узнанным
Двоим
Добром уже не разминуться.
Смертельный ужас затая,
Ты бегством от себя спасайся,
Вопи во тьме:
"Не я! Не я!"
И впредь себе не попадайся.

* * *

А ведь когда-нибудь дойдет до дела
Все, что в словах копилось не спеша,
И в глубине бесчувственного тела
Взбунтует возмущенная душа.

В груди взовьется яростная кобра
И замяется молнии, слепя,
Я обопрюсь о собственные ребра
И выскочу из самого себя.

* * *

Поэты, природу восславьте -
Полей и закатов игру!
А я родился на асфальте
И я на асфальте умру.
Я духом дышу пробензинным,
Кричу голосами сирен,
И нет мне ни места, ни имени
Без этих прокуренных стен.
Мне дворники утром стирают
Усталость с затоптанных щек,
Во мне громяют трамваи,
Терзая бетонный мешок.
Привычными гаммами гама
Меня перекрестки дарят,
И старые белые храмы
Во мне, словно свечи, горят.
Притихли в душе переулки -

Наивен, как детский обман.
- Куда же, куда же ты, старче?
Дедуля, постой, погоди!
И путь новогодний не начат,
И старый не весь позади!
Уходит Мороз от окошка,
Гостинец забыв положить...
Смешно в мои годы немножко
С открытыми окнами жить.

ЕДИНОБОРСТВО

Единоборство. Миллионный
Выходишь на смертельный бой.
Но тот, из вражеской колонны,
Единоборствует с тобой.

Все тот же вечный поединок -
Сошлись единожды враги,
И секундант от середины
Считает в стороны шаги.

Да сохранит тебя упорство!
Миры поставлены в ружье.
Иди вершить единоборство.
Незаменимое. Твое.

* * *

Мне говорят: пишите басни.
Не спорю, басни безопасней.
Не каждый сразу разберет –
Который Лев, который – Кот.
Но только я не раб Эзоп,
Чтобы бояться правды в лоб.
Еще отцам вошло в умы:
Мы – не рабы, рабы – не мы.

РАЙОННЫЕ БУДНИ

О, захолустье, захолустье!
В мирах затерянный мирок.
Река, текущая без устья,
Дожди, идущие в песок.
Народоволочка с Бесстужевских,
Влекума жаждой малых дел,

Скончалась в горенке постуженной
В борьбе за Черный передел.
Потом матрос в бушлате кожаном
Сюда принес иной закон,
Но века своего не дожил он –
Сгубил матроса самогон.
Два корифея русской мысли,
Краса и гордость всей земли
Из этих мест когда-то вышли...
Им повезло, что не вошли.
Меня со станции на тракторе
Сюда везут, как новый плуг.
Мы с трактористом малость трахнули,
И он открыл мне, что я глуп.
С тех пор сомненьями не мучаюсь
По этим самым поводам.
Со всех задворок псы дремучие
За мною ходят по пятам.
Я чем-то их объединяю,
Со мной им как-то веселей,
Наверно, тем, что я не лаю
И не кидаюсь на людей.

ВЕСЕННЯЯ КЛЮКВА

Весенней клюквы взять кулек.

А. Твардовский.

Вы видали,
Когда отстает пассажир от поезда,
Как бежит по перрону,
Столбы и носильщиков сокрушая,
Как стоит на краю,
Словно перед внезапной подлостью,
В невозвратность вагона
Поверить никак не решаясь,
Как швыряет кулек с тою самой весеннею клюквою,
Что поэтом воспета
И стала прискорбной причиной,
Вы слышали, как лихо
Свистком паровоз улюлюкает
Над смешным
Полосато-пижамным мужчиной?
Так вот это был я.
Мой состав,
 мой экспресс,
 моя молодость,
Где законное место,
Согласно билету, осталось,
Укатил без меня
На какие-то дальние полюсы,

Опоздавшего бросив
На жесткую милость вокзала.
Я, конечно, погнался вослед,
Безбагажный, бесполочный,
Контролеры чужие
Смотрели в лицо подозрительно.
В чьих-то тамбурах грязных
Мотался беспомощно,
На товарных платформах
Тащился медлительно.
Все никак до сих пор
Не доеду до цели конечной,
По раскисшим проселкам
С сумой переметною хлюпаю...
Ну, а кто виноват?
Вот поэт этот самый, конечно,
Со своею весеннею клюквою.

ДОМ

Дома свои имеют голоса,
Своеязычна каждая квартира,
И голос дома, где я родился,
Я различу в разноголосье мира.
Там по-иному пол в прихожей пел,
Там по-иному клекотали двери.
Мой дом ночами вздрагивать умел,
Как вздрагивают заспанные звери.
О, сколько их, домов, прошло потом!
Как будто я в квартирной галерее.
И дом за домом, как за томом том,
Читал я все быстрее и быстрее.
Переплетались звуки голосов,
Полы гремели, словно мостовая,
И комнатное тиканье часов
Уже казалось грохотом трамвая.
Как иногда я сам теряю крик
На площадях в многоголосом оре,
Мои дома теряли свой язык
Во всесоюзном, всеквартирном хоре.
Дома свои имеют голоса,
Своеязычна каждая квартира,
Но нету дома, где я родился,
Как нет полка в бою у дезертира.

* * *

Когда меня не ждут,
Случаюсь тут как тут.
Минуту улучив,

Отдам, не получив.
Возьму, где не лежит, -
Пусть кто-то сторожит
Свою же пустоту.
На ней произрасту.

СИЛА ДРАКОНА

Есть в Китае сказанье умное:
Шел герой воевать с драконом,
Убивал дракона он, думая,
Что дракон теперь побежденный.

Но ошибся герой немудрый,
Сам драконьим духом влекомый,
Он проснулся однажды утром
С головой и хвостом дракона...

... У меня был приятель Гена,
Откровенный, хороший парень,
На какие мы только темы
С ним когда-то ни толковали.

«Эх бы, нам бы, да эх бы, там бы
Рукава бы мы засучили!»...
Перепутый мосты и дамбы
Нас с приятелем разлучили.

А когда мы опять столкнулись,
Он как раз находился там,
Там, куда позволяет юность
Уноситься своим мечтам.

Там, где можно и там, где сложно,
Там, где руки лишь приложи.
Мелкой дрожью и крупной ложью
Где захламлены этажи.

«Ну, кому же, как не ему-то,
Он же светлая голова!».
Только Гена мой почему-то
Не засучивал рукава...

Я ходил по кварталам юности,
Как потерянный, до зари,
Надо мною с китайской мудростью
Желто жмурились фонари.

КОВЧЕГ

Не спеша отхожу от тщеты суетной,
От текучки текущего дня.
И в ковчеге своем появляется Ной,
Чтоб спасти от потопа меня.

Кем приду на ковчег? Ах, не все ли равно!
Хоть нечистым, хоть чистым возьми.
Здесь и кошкам, и мышкам спастись суждено
От потопа мышшиной возни.

Целомудрен и мудр ясновидящий Ной,
И порядки на судне просты -
Собираются дружно к кормушке одной
Человеки, зверье и скоты.

И по здешним законам несчастье не в том,
Если хвост у кого-то растет,
Но когда ты соседа считаешь скотом,
Значит, сам ты порядочный скот.

С экипажем своим командир корабля
Равноправен и веротерпим -
Друг за другом мы вахту несем у руля,
Под одну рогожею спим.

Над всемирным потопом несется ковчег,
Араты пока не видны,
На ковчеге барану баран - человек,
Под ковчегом барашки волны.

* * *

Со мною дружбы не искали,
И я знакомства не искал,
Лишь в отдалении мелькали
Его улыбка, твой оскал.
Я бесполезен был для дружбы,
Со мной не стоило дружить –
Я не имел полезной службы,
Не мог десятку одолжить.
И даже не было квартиры,
Куда бы друга привести,
И все друзья, как дезертиры,
Поразбежались по пути.
Я не кричал вдогонку: «Стойте!»
И на суровый трибунал
К какой-нибудь буфетной стойке
Сбежавшего не вызывал.

Летите, голуби, летите
В свои полезные круги –
Я вижу, как вы там едите
С двойной начинкой пироги.
Меня вы не зовете в гости,
К столу я этому не вхож –
Быть может, жалко бросить кости,
Быть может, стыдно сытых рож.
Не огорчайтесь, ешьте, пейте
За пятерых, за семерых,
А я пойду тихонько к Пете,
К тому, который малость псих.
Мы с ним спаяемся на пиво,
На кильку сбросим пятаки
И рисуем перспективу,
Пока вы жрете, дураки.
Пока вы думаете, как бы
Дополучить, пока дают,
К нам переходят ваши бабы
И ваши дети к нам идут,
Чтоб вы под старость не охрипли
От всевозможных «Почему?» -
Откуда, мол, берутся хиппи
В благоустроенном дому.

ЭВМ

Известна мне давно
Машины этой суть,
Мне издавна дано
В нутро ее взглянуть.
Наследственно в крови
Лежит кибернетичность -
Я сам себя скроил
И осознал как личность.
Как в кибера, в меня
Заложены программы -
Сегодняшнего дня
Статьи и телеграммы.
Понятна и проста
Мне суть условных знаков,
Читаю их с листа,
Толкую, как оракул.
Суют в меня семь бед
И откровений ждут,
И есть один ответ
На каждую беду.
Больные и врачи
Несут в меня симптомы,

Спешат разоблачить
Кого-то пинкертоны.
Лежит в сырой земле
Неразличимый клад,
Но щелкнуло реле
На дырах перфокарт.
По комплексу улик,
По перечню примет
Логичен и безлик,
Рождается ответ.
Без голоса страстей,
Без примеси эмоций
На головы людей
Бесстрастно, словно стронций.
Исключены обман,
Предвзятость и двуличность.
И бьет, как барабан,
В сердца кибернетичность.

ДЕТСКИЕ ШАЛОСТИ

С последним выкриком "ура!"
Ты упадешь на поле боя,
И без тебя, и над тобою
Пойдет дальнейшая игра.
Дойдет отважная пехота
До безымянной высоты,
Но это не увидишь ты,
Там не твоя уже забота.
И будет развеяться флаг
Над высотой водруженный,
И покорится пораженный,
Тобою не убитый враг.
И будут праздновать победу
Твои военные друзья,
Но к ним уже тебе нельзя -
Тебя на этом свете нету.
Тебя на этом свете нет.
А что там есть на этом свете?
Ты не увидишь на рассвете
Ни поражений, ни побед.
Твоя закончилась пора,
Ты выбываешь из колонны,
Из списка лиц одушевленных
С последним выкриком "ура!"...
Смотрю в окошко, потрясенный,
Одним сознанием спасенный,
Что это - детская игра.

* * *

Отлетают души от тел,
Отползают тела от душ...
Но не ведает минотдел,
На приемах играя туш,
Но не ведает МГБ,
На кордоны свои спеша,
Как приходится мне к тебе
Пробираться, моя душа!
Никакой еще диверсант,
Никакой там пропагандист
Не пускался в такой десант,
На такой не пускался риск.
В тридесятом царстве твоём
Без меня тебе тяжело,
Но ведь были же мы вдвоем!
И куда тебя понесло?
А, быть может, я сам был дух -
Тело в сторону уползло?
Знаю только одно из двух -
Либо ты, либо я был зло.
А теперь вот хочу добра.
Только где его добывать?
Затянулась моя игра -
Не в угрозыск же подавать!

* * *

А с человеком гибнет мир.
Пахнет однажды сырьё тленной,
И распадется древний миф
О бесконечности Вселенной.
На землю рухнув головой,
Он в бесконечность эту канет,
И рану свежую травой
На старом кладбище затянет.
Свою беду, свою любовь
Свои обеды и обиды
Он унесет от нас с собой,
Как тайну страшную не выдав.
Когда на голову мою
Моя Земля однажды рухнет,
Замолкнут всюду, где поют,
И все, что светится, потухнет,
Не будет больше ничего -
Ни остановок, ни движенья,
Ни даже гроба моего,
Ни даже смертного гниенья.
Живые выдумают миф,

Что на Земле меня не стало.
Живые выдумают мир,
А мира как и не бывало.

* * *

И. Грудеву.

Приковала болезнь к кровати,
Приковалась ко мне кровать.
Я сказал себе: "Фраер, хватит
На кровати своей хворать".
И, хромя, ушел из дома -
Мне хромать, а другим хворать.
Но чужая зовет знакомо,
Так похоже зовет кровать.

СЕНТИМЕНТАЛЬНЫЙ ТРИПТИХ

1.

О том и об этом сказать
Давно и надежно умею
И в узел любой завязать
Могу я любую идею.

Но стало хотеться и мне
Молчком поблудить в полумраке,
Уже не хватает вполне
Простой и доверчивой драки.

Но в искусствах не искушен,
Не зная законов потемок,
Я только травмирую жен,
Которых забудет потомок.

2.

И вдруг начинаешь ценить
Такие простые печали,
Которых тончайшую нить
Мы в юности не замечали.

И вдруг начинаешь любить
Такие простые заботы,
Которые можно забыть
И позже не ставить в отчеты.

И вдруг подступает комок

К такому внезапному горлу.
Что ты и представить не мог –
Зачем тут дыхание сперло.

3.

На тыльной моей стороне,
Как это у всякой медали,
Написано, что и во мне
Не многое вы увидали.

А я ли уж был не открыт,
А я ли уж был не распахнут?
Но, стоя у ваших корыт,
Вы знали, что деньги не пахнут.

Я вашей разменной деньгой
Ходил в обращеньи незримо –
Откуда вам знать, кто такой
Пятак, прокатившийся мимо!

ПОЗДНЯЯ ДОРОГА

Опять начинаются козни
Косматых кустов у дорог,
На небе топорщится козий,
Изогнутый месяцем рог.

Дорога глуха и горбата,
Асфальт зацелован взасос
Губами спешивших когда-то
Горячих и грубых колес.

И путник, запутанный будто,
Куда-то пошел не туда,
Вдали, как блестящие путы,
Попадали с ног города.

Село проплывает калошей
Средь лунных смеющихся луж,
Заря, как усталая лошадь,
Ушла в поднебесную глушь.

Слияние тела с дорогой,
Слияние ночи с душой,
Со звезд бородищею Бога
Мерцанье свисает лапшой.

И так продолжалось годами,
Годами копилось во мне,
И это лежало в гаданье
Тревожной шестеркой виней.

ЯСНОЕ ПОЛЕ

С гербом ярославским на кепке,
С холщовым мешком за горбом
Я шел по цветущей сурепке,
Себя ощутив не рабом.

И бабочки раскрепощенья
Порхали вокруг башмаков.
Настало грехов отпущенье,
Настало крушенье оков.

Оставшееся за спиною
Былое житье и бытие -
Все было уже не со мною,
Все было уже не мое.

Я вышел из темного леса.
А что там осталось, в лесу?
Ни мяса, ни веса, ни беса
С собой из него не несусь.

Я выкинул вон из котомки
Мучительной памяти груз.
Тупых подсознаний потемки,
Пучки всевозможных обуз.

И старости ясное поле
Теперь окружало меня,
И воля, бескрайняя воля
У ног расстилалась, маня.

Все дальше, все дальше, все дальше -
Во весь распрямившийся рост
От спешки, от слезки, от фальши
Туда, где светлеет погост.

* * *

Возьмет меня Бог за запястье
И ласково скажет: "Проси!".
- Спаси меня, Боже, от власти,
От силы и воли спаси!

Пусть буду пожизненно ссыльным,
Пусть буду смертельно больным,
Не делай кулак мой всеильным,
Не делай характер стальным.

Слабы на земле человеки,
И я на земле человек.
Сойдутся под солнцем калеки
Со всех океанов и рек

И скажут - возвысься и здравствуй,
И скажут - бери и веди,
И скажут - начальствуй и властвуй,
И скажут - цари и суди!

Слабы на земле человеки,
И я на земле человек.
Вгоню в океаны и реки
Я этих несчастных калек.

Построю мосты и плотины,
Воздвигну дворцы и дома,
Согну в три погибели спины,
Сведу полоумных с ума.

Высокою властью и силой
Посею меж ними вражду
И гордо по свежим могилам
Таких же калек поведу.

И радостно будут калеки
Меня славословить вовек.
Слабы на земле человеки,
И я на земле человек...

... Спаси меня, Боже, от власти,
От силы и воли спаси,
Закуй кандалами запястья
И разум скорей погаси!

* * *

Родники устанут,
Захотят покою,
Ежели не станут
Где-нибудь рекою.
Я их понимаю –
И кому охота
Без конца и краю
Пополнять болото.

Я и сам когда-то
Знался с родниками
И считался братом
Лилий с тростниками.
По ручьям веселым
Убежал далече
И бегу по селам
И впадаю в речку.

* * *

Хочу быть старым и мудрым,
Всезнающим и ученым,
Ходить, говоря:
 - С добрым утром!
Проснувшимся молодоженам,
Желать счастливой дороги
Путникам на рассвете,
Хочу отменять тревоги
И улыбаться детям,
Вдыхать тепло человечье,
Полей и асфальта запах,
Любить и лелеять вечно
Юг, Север, Восток и Запад.

СОНЕТ ПАМЯТИ

Дана нам память в дар и в наказанье,
Мы помним слухом, зрением и кожей
Соленый пот и тонкий трепет дрожи
И чьих-то рук неясное касанье.

Мы помним лица, хари, морды, рожи,
Мы помним сложных формул написанье,
Погибших царств заумные названья
И даже схожесть уличных прохожих.

Но пред иным я преклоняюсь даром.
Не будь его, не захотела б мать
Второй иль третий раз детей рожать,

И до сих пор мы мстили бы татарам.
Вот потому и стал я воспевать
Великое уменье – забывать.

* * *

Я крал не миллионы,
Любил не королев.

Смотрю я изумленно –
Я Лев или не Лев?
Подумал я сурово
О собственном былом –
Смешно быть Львом Щегловым
И страшно просто львом.

ГОСТЕПРИИМСТВО

Ко мне приходит гость,
Мой лучший из гостей.
Он вешает на гвоздь
Фуражку у дверей.
Потом проходит в дом,
Садится на диван
И говорит о том,
Что на дворе туман,
Что тонут корабли,
Что стонут поезда,
Что от Земли вдали
Качается звезда,
Что слезы муравьих
Опасней, чем иприт...
Но о делах своих
Мой гость не говорит.
И про мои дела
Не рассуждаем с ним,
Однако у стола
До полночи сидим.
Я ничего о нем
Не знаю до сих пор.
Быть может, астроном,
Быть может, прокурор,
Быть может, детский врач
А, может быть, кассир,
А может, так, трепач,
А, может, просто псих,
А, может, я к нему
Под вечер прихожу
И у него в дому
До полночи сажу.

* * *

Премудрая древняя сказка,
Где мачехой сын неродной
Задобрен, занежен, заласкан,
Как будто душевнобольной.

А сына родного работой

Растила она не спроста...
Не ведают наши сироты,
В чем сказок простых правота.

Мы любим лукавящих мачех,
Не любим придирчивых мам.
Ленивый, беспомощный мальчик
За мною идет по пятам.

Вы слышите, мальчик канючит
О том, как в дороге устал.
Не взять ли бедняжку на ручки,
Чтоб надоедать перестал?

Ах, я лучше вашего знаю
Черты и повадки его,
Такая манера родная –
Себя узнаю самого.

И если торжественно оду
Слагаю сегодня труду,
То я не кому-то в угоду,
Скорее, себе на беду.

Меня же досужий читатель
Ткнет носом в мою же строку:
А что же мой этот писатель
Не встанет однажды к станку?

Не выйдет на тракторе в поле,
Не влезет в шахтерский забой?
И так вот – чем дале, тем боле,
Хоть бей поначалу отбой.

Ну что ж, принимая упреки,
Я все же пред ним согрешу
И о трудолюбии строки
Ему вопреки напишу.

* * *

А люди уходят...
В болезни,
В заботы,
В горя,
В квартиры,
В работу,
В морковные грядки,
В семью.
На каменном дне похоронно звонят якоря.

ПОПЫТКА НЕ ПИСАТЬ СТИХОВ

1.

Прощайте, ямбы и хорей,
Прощай, певучая строка,
Я, ни о чем не сожалея,
Ушел работать в ОТК.
Автомобильного завода
Цеха открылись предо мной.
Стихи, как прожитые годы,
Остались там – за проходной.

2.

Последний стих – пустая шалость.
Кто не писал стихов таких!
Но отчего-то сердце сжалось:
Последний стих, последний стих!
Он не написан кровью венной,
Ночей бессонных раб и страж,
Последний раз обыкновенный
Рифмует строчки карандаш.
Друзей и недругов прощаю,
Себе пощады не моля...

... Прими стихи мои, родная,
Асфальтом крытая земля!

* * *

Моих проблем суды не разрешат.
Еще не родились такие судьи,
Которые влияли бы на судьбы
Пусть не людей, хотя бы лягушат.

Моих проблем суды не разрешат.
Жизнь не засунешь в переплет закона.
Жизнь состоит из шороха и звона
Среди колючих мстительных ежат.

Моих проблем суды не разрешат.

* * *

Я часто делаю аборт,
Прости, господь, грехи!
И нерожденными за борт
Летят мои стихи.

Казалось, стих уже зачат,
Проклюнулся едва,

И где-то там, внутри, звучат
Готовые слова.

Но призадумаясь – зачем
Мне нужен лишний рот?
Не счесть написанных поэм,
Стихам потерян счет.

Они замучились в столе,
И я о них грущу,
Но как пущу их по земле?
Как по миру пущу?..

Я часто делаю аборт,
Прости, господь, грехи,
Но посуди – на кой мне черт
Голодные стихи?

* * *

Давно разбиты зеркала,
Давно утрачены надежды,
Хожу, в чем мама родила,
И не страдаю без одежды.
Конечно, ежели мороз,
Не плохо б валенки и шубу,
Но я до шубы не дорос,
Спасибо мне, что не дал дубу.
Давно смирился организм
С невозмутимой душой –
Так ходит маленький горнист
С трубой блестящей и большою.
Себя несущая, как сосуд,
Но нет вина уже в посуде,
Давно готов на Страшный суд,
Но задержались где-то судьбы.

* * *

Неблизкий путь за мной пролег,
Но это все еще пролог.
Ушли и силы, и здоровье,
Но это только предисловье.
И говорят еще, что рано
Мне добираться до романа.
Не возражаю.
Слава Богу,
Не доживу до эпилога.

* * *

Может быть, на магазинных полках
Встану я, угрюм и запылен,
И за то, что не раскуплен долго
Буду раз пятнадцать уценен,
А потом сойду в макулатуру,
И меня распродадут на вес...
Может, я в литературу сдуру,
По неразумению полез?
Если так, то нечего мне стену
Лбом своим пытаться прошибить:
Шубу я да валенки надену
И уйду амбары сторожить.
Обрасту колючею щетиной,
Волосами с горя зарасту
И, не спевши песни лебединой,
Где-нибудь замерзну на посту.

1948 г.

* * *

Когда обрыдли все слова
Пустопорожних разговоров
И стала пухнуть голова
У полусонных светофоров,
Когда избитое такси
Свернуло в тихий переулок
И где-то в суздальской Руси
Спросонок чудище икнуло,
Вдруг разразились небеса
Такой неистойвой зарею,
Как будто вспыхнули леса
Над необжитою землею.
И понял я, что въехал в день,
Как в неизвестную державу.
И было тягостно и лень
Объехать слева или справа.
У пограничного столба
Под разноцветными глазами
Я молча сдал свои права
Без запоздалых притязаний.
Я – перебежчик из ночи,
Я – из соседнего пространства,
Возьмите все мои ключи,
Подайте корочку гражданства!

ЛОШАДИНЫЕ МЫСЛИ

«Куда тебя, батя, несет?», -
Мой грамотный сын говорит.

Меня он немножко пасет,
Стараясь укрыть от обид.
Меня он немножко умней
(Зачем бы иначе рожать!),
Но старых упрямых коней
Нельзя в поводу удержать.
Мы знаем, куда нам пора,
И знаем своих ездоков,
Как знают давно повара
Причуды своих едоков.
Пусть думает кучер-дурак,
Что я без него бы пропал,
Что я без него бы в овраг
Со всею поклажей попал.
Не спорить же мне со скотом,
Я все понуканья снесу,
Но если ударит кнутом –
Тогда-то уж я понесу!

* * *

Человеческой жизни положен предел,
А желанья его беспредельны,
И каких не успел бы наделать он дел,
Жизнь идет от желаний отдельно.

О, как много и жадно я страстно хочу!
О, как жадно и страстно, и много!
Я когда-нибудь шею себе сворочу,
Повернув на большую дорогу.

И достанется тело земле как залог
С чепухой похоронных квитанций,
А желанья уйдут за земной потолок
Экипажем космических станций.

ВЕЧНЫЙ ГРУЗ

Вечный груз невыполненных планов
По своей или чьей другой вине
Тяжестью преступного обмана
Непрестанно душу давит мне.

Собирался по одной дороге,
А потом внезапно повернул.
Очевидно, бесконечно многих
Я на той дороге обманул.

Собирался выехать на лыжах –

Кто-то ждал, наверно, на лыжне.
С запоздалым откровеньем вижу
Возмущенье верившего мне.

Ох, не верьте мне, родные люди!
Я как сумасшедший паровоз –
Только перерезанные судьбы
Позади раскрученных колес.

* * *

Люблю стрелять из вражьего оружия -
Оно точней в своих хозяев бьет.
Есть наслажденье выпороть хорунжего
И палача ввести на эшафот.
Есть наслажденье распахать распутицу
И плакальщика вслух перерыдать,
Украсть у вора, совратить распутницу,
Наврать лжецу, предателя предать.
Есть наслажденье взять взаймы у скряги
И анонимку автору прочесть.
И каплю выжать из иссякшей фляги...
... Есть наслажденье в этом, братцы!
Есть!

* * *

Я боюсь двадцать первого века,
Даже если не будет войны,
Я двадцатого века калека,
А калеки там не нужны.
Там хотят здоровых и трезвых,
Не набивших себе синяков.
Там потребуют мальчиков резвых,
А не наших больных стариков.
Там сумеют забыть Освенцим,
Не припомнят про Колыму,
Все, что вынесли мы под сердцем,
Веку новому ни к чему.
С нашим гневом и нашей болью
Не окажется он знаком.
Даже противоалкогольный
До него не дойдет закон.
Новый век у дверей стучится,
Чтобы счеты с листа стереть.
... Оpozдал я на свет родиться,
Хорошо бы успеть умереть.

КРУГ

"Сбегу к другой!", "Уйду к другому!",
"Теперь я турок - не козак!"
Но не бывает по-другому,
Все повторится точно так.

Мне страшно жить от повторений
Одних и тех же голосов,
Одних и тех же озарений
И даже слов, и даже снов.

Влюблюсь с неистовою силой,
Возненавижу подлеца -
Но все это когда-то было,
И нету бывшему конца.

Во мне самом сосредоточен
Неисцеляемый недуг.
Мой круг внутри меня порочен
И прочен, как порочный круг.

* * *

Вот и я нынче в камер-юнкеры
Наконец-то произведен:
Два журнала лениво буркнули,
Что природой я одарен,
Что надеждой, юнцов питающей,
Получаю возможность жить
И что с публикою читающей,
Вероятно, могу дружить.
От меня ожидают многого,
Я чего-то там подаю...
Под прищурами ока строгого
Словно голенький я стою.
Разминаю в руках фуражечку,
От восторга кричу: «Ура!».
Ах, спасибо, что вы бедняжечку
Допускаете до двора!
Стала пресса у нас придирчивей,
И, наверно, она права,
Только коротки у мундирчика
Почему-то мне рукава!
Молодым хорошо быть смолоду,
Что ко времени – то в цене...
... Не под бороду,
Не под бороду,
Не под бороду
Это мне!

СЛЕДЫ ВЕТРА

Памяти А. Твардовского.

Так вот что мучает меня,
Вот что меня томит,
Как будто прячу у огня
Гремучий динамит:
Я болен, что по городам
Бесследно прохожу.
Своих следов не вижу там,
Следов не нахожу!
Повсюду отпечатки ног,
Копыт, подков, колес.
Следы от кованых сапог
И от девичьих слез.
Следы правителей видны,
И полководцев след,
Следы строительства и войны,
А шел ли там поэт?
Материален мир и груб,
Практичен и суров –
Не отыскать следов от губ,
Тем более, от слов.
Хоть и читают чудаки
Тебя друг другу вслух,
Ты плетью узенькой строки
Не расшибешь обух.
Закрой, как крышку, переплет,
Рассыпь, как прах, петит –
Давно потерян книгам счет,
Как счет могильных плит...
Но понял я, что горя нет
У моря в полчаса –
Не оставляет ветер след,
Он дует в паруса!
Плывут под парусом суда,
Таится в трюмах груз –
Столетий страшного суда
Я больше не страшусь.
Когда глупцам или врагам
Взбредет дразнить ветра,
Тогда бывает ураган –
Опасная игра!

ГОРЕЧЬ ПРЕДТЕЧИ

Я быть хотел предтечей,
Я думал, что за мной
Волной могучей речи
Накатится иной.

А я, большой и гордый,
Как праздничный вокзал,
Скажу народам твердо:
"Я это предсказал!".

Но незаметно Бога,
Но не слышать Христа,
И позади дорога
Торжественно пуста.

Лишь птички-невелички
Стрекочут: "Чик-чирик!".
Забавен с непривычки
Щебечущий язык.

И проползают гады,
Таинственно шипя,
Им тоже что-то надо,
Дорога, от тебя.

Но что же он, Мессия?
Зачем я столько лет
Обманывал Россию,
Что брезжится поэт?

Смотрю в глаза прохожим,
Обиду затая, -
Так кто же? Боже, кто же?
А, может, это я?

* * *

Я дезертир, ведущий бой,
Я в обороне круговой.
Из Леонардо Догова.

Как выжил я, как выдержал?
Не сдал, не убежал?
Как сам себя навытяжку
Все время продержал?
Друзья мои повесились,
Уехали, спились...
Как это все невесело,
Какая это жизнь!

За них и ем, и водку пью,
И песенки пою,
За них теперь я морды бью,
За павших не в бою.

СТАРОСТЬ ПРОРОКА

Мне надоело говорить с друзьями –
Про что они толкуют за столом,
Я рассказал стихами и статьями
Давным-давно в бесчисленном былом.

Мне ни к чему отыскивать ответы
На все вопросы и запросы их:
Давным-давно я написал про это –
Такой-то стих, смотри от сих до сих.

* * *

И вот от отчего порога
До всех глубин и всех высот
Который год меня дорога
Безостановочно ведет.

В прямом и переносном смысле
По неизведанным местам,
По ощущениям и мыслям,
По перевалам и мостам.

По Казахстану и безверью,
По Енисею и любви,
Меж заблуждений и деревьев,
В дорожной пыли и крови

Менялись встречные картины,
Менялись профили путей,
Свивались петли серпантина
В клубки желаний и страстей.

И, разрываемый на части,
В вокзальной суете сует
Я только тем бывал и счастлив,
Что есть куда купить билет.

Земли движение извечно,
В упругий круг замкнулся путь,
И суть не в станции конечной,
В самой дороге эта суть.

Шли люди к раю, умирая,
По христианскому пути,
И суть была уже не в рае,
А в том, чтобы туда дойти.

И красный флаг на баррикады
Свои бригады выводил,
Шли Робеспьеры и Мараты
Солдаты, бабы и вожди.

* * *

Я в Европах бывал и в Азиях,
Были праздники и бои,
На семи ветрах повылазили
Кудри бешеные мои.

И когда ковыляю по лесу
Золотых осенних потерь,
Патиной белесою волосы
Меж деревьев висят теперь.

* * *

Всюду первыми лезем
Куда след и не след,
Только я бесполезен,
Потому что поэт.

Всюду первые в силе,
Третьих - продыху нет.
Хорошо, что в России
Я последний поэт!

* * *

По уши я в долгу,
Долг и дремуч, и долог,
Словно бы волоку
Струги свои на волок.
То не вселенский долг,
Все несравненно проще –
Рыскаешь, словно волк,
Чтобы разжиться трешкой.

* * *

Я не прошу, чтоб прославляли,
Не надо Вечного огня.
Хочу, чтоб просто уравнили

Со мне подобными меня.

Мне надоело быть верблюдом,
Я, извините, без горба...

ВОЛГА

А у души имеется прописка
Или приписка,
Как к военкомату,
И невозможно без большого риска
Переезжать откуда-то куда-то.

Я уезжаю часто и надолго,
Я потерял своим дорогам счет,
Но неотступно вслед за мною Волга,
Забыв о русле собственном, течет.

Вот так живешь, живешь на свете наспех,
И вдруг нисходит, словно благодать,
Что ты уже не Лев Щеглов,
А Каспий,
И Волге кроме некуда впадать.

МЫ

* * *

Когда настал
Земли железный век
И перестали боги
Править миром,
Обыкновенный смертный
Человек
Объявлен был
Владыкой и кумиром.
И новый бог
Сложить к своим ногам
Потребовал
Такие приношенья,
Каких вчерашним
Свергнутым богам
Не увидеть
И после воскресенья!

* * *

Отрочество как на ладони.
Прозрачны насквозь родники,
Потом эта ясность утонет
На дне судоходной реки.
Возникнут теченья, стеченья,
Плотины, фарватеры, и
Утратят бывшее значение
Начальные струи твои.

Возникнут протоки, притоки,
Всплывет на поверхность мазут,
И мысли, темны и глубоки,
В далекое море сползут.

А молодость там, у истока,
Ручьи и тропинки торит,
Себе пробивает дорогу
И Волгу тем самым творит.

* * *

На вопросы, что в детстве заданы,
Отвечаем потом всю жизнь.
Почемучка, чего тебе надобно?
Хоть когда-нибудь отвяжись!
То трусливая жизнь, то дерзкая,
Словом, «Бой в Крыму, как в дыму»,
Но хватает за душу детское
Неподкупное «почему?».
Почему?
А дьяволу ведомо!
Хоть в холеру кинь, хоть в чуму.
Я одно лишь знаю заведомо,
Что не знаю я – почему?
Никакими себе причинами
Объяснить не сумеешь тут –
Мы живем и умрем мужчинами,
А ответа мальчишки ждут.
И когда случайно окажется,
Что нашли хоть один ответ,
Мы тогда от восторга, кажется,
Молодеем на десять лет.
И, наверно, когда сумели бы
Все ответы на свете дать,
Позабытыми колыбелями
Заскрипели бы мы опять.

ПЕРЕД СОБОЮ КАЖДЫЙ НАГ

Крамолы крик и боя боль,
И злая оторопь спросонок -
Как неразгаданный пароль
Давно умерших франкмасонов.

И каждый замкнут на замки
Неразличимых побуждений.
Лежат в колодцах душ людских
Ключи побед и поражений.

Во тьме бездонной глубины
Бои глухи и невидимы,
А Хиросимы и Цусимы -
Лишь отголоски той войны.

Перед собою каждый наг.
Разоружен и беззащитен...
Придите, мой заклятый враг,
И от меня меня спасите!

С самим собой неравный бой
Способен вынести не каждый,
И кто-то пред самим собой
Капитулирует однажды.

Тогда повиснет, невесом,
На стропах атомного взрыва
Клубок бездомных хромосом,
Как голубая перспектива.

* * *

Маме.

Зажаты меж плюсом и минусом,
Меж Богом и чертом вклинены,
Мы все на себе вынесли,
Мы все на себя приняли.

Нас бьют саркомы и атомы
С дистанций ближних и дальних,
Не раз мы были впечатаны
Меж молотом и наковальней.

Но где вымирают зубры
И выгорают леса,
Мы только сжимаем зубы
И стягиваем пояса.

* * *

Одетые в слова, как в тоги,
Легко обутые в слова,
О, как патрициански строги
Мы к проявлению естества!

В ответ на искренние вздохи,
Что нас в молчании зовут,
Мы только прыгаем, как блохи,
Словесный оставляя зуд.

И только чешем языками
Свои любимые места,
Когда давно под колпаками
Башка набитая пуста.

* * *

Я графоман, а ты художник,
Я нищеврод, а ты богач,
Я суевер, а ты безбожник,
Ты парабеллум, я – пугач.

Мы двух страниц с тобой не склеим,
Но как ни прячемся хитро,
На лбах одни и те же клейма,
Одно на задницах тавро.

Ты со слезами – я со смехом,
Но мы на вираже любом
Столкнемся вдруг со встречным веком,
Как мотоциклы со столбом.

Когда кого-нибудь в потемках
Смутит далекая судьба,
Он обнаружит на обломках
Печать единого столба.

* * *

Как это опасно в начале
Поэзии или весны –
Однажды столкнуться с лучами,
Что слишком щедры и ясны.
Распустятся строчки и почки
В наивном доверии, но
Не знают юнцы-одиночки,
Назавтра что им суждено.
А завтра нагрянут морозы,

Метелей пойдет круговерть,
И вместо поэзии – проза,
И вместо цветения – смерть.

СЫН ВРАГА НАРОДА

Нам тобою детства не додано,
В наши чистенькие постели
Низвергающимися бомбами
Неребячьи беды летели.
Приходилось нам просыпаться
От уютных плюшевых снов -
Приходили мужчины в штатском,
Уводили с собой отцов.
А бессонные мессершмитты
Не давали доспать потом,
И вливались мы беззащитно
В бестолковый людской поток.
Оттого-то, собравшись вместе,
Мы спешим досматривать сны -
Дети голода и репрессий,
Недоверия и войны.

КРАПИВНОЕ СЕМЯ

Без допусков и виз,
Наследником пожара
Приходит убиквизм*
На полушарья шара.
Подобием герба
Возникла молчаливо
Священная трава -
Бессмертная крапива.
Круши ее, она
И так, и сяк пробьется -
Все так же зелена,
Все так же люто жжется.
Придет в голодный год
Спасительными щами.
Она как будто ждет
У выхода с вещами.
Крапивой зарастет
Спаленное во взрывах.
... Мы дуем на компот,
Обжегшись на крапивах.

**Убиквизм -- способность сохранять
собственные свойства в любых условиях.**

* * *

На Урале, на Лене ли,
В Братске ли, в Казахстане ли,
Все мое поколение
У штурвалов поставлено.
У штурвалов комбайнов,
Кораблей и эпохи.
Мы – певцы и хозяева,
Работяги и боги.
Мы мальчишками были,
Мы на фронт не попали,
Как больших, нас бомбили,
Как во взрослых, стреляли.
На недобрых широтах,
Среди долгой зимы
Возмужали сироты
Бреста и Колымы.
У штурвалов комбайнов,
Кораблей и эпохи
Мы – певцы и хозяева,
Работяги и боги.

СОИЗМЕРИМОСТЬ

Гвоздь у меня в сапоге
Кошмарней, чем фантазия Гете.
В. В. Маяковский.

Меня тревожит соразмерность,
Точней сказать, соизмеримость
Простой чахоточной каверны
И язв упадочного Рима.

Так что же все-таки страшнее:
Когда на вас идут войною
Или когда с петлей на шее
Вы обнаружены женою?

Когда пришли неурожай
И пухнут с голоду народы
Или когда вам рак сужает
Последний проблеск пищевода?

Когда взрывают Хиросиму
И жгут селения в Непале
Или когда вы вдруг в трясину,
Сорвавшись с насыпи, упали?

Какой критерий категорий,
Что за параграфы и графы
У человеческих историй
И человеческих биографий?

Как совместить и соразмерить
Судьбу трубы и трубочиста?
Какою мерою проверить?
Какою мерою исчислить?

МЕЧТАТЕЛЬ

Еще, наверно, в каменной пещере
Веселый вождь в двойной медвежьей шкуре,
Наевшись мяса, сыто потешался
Над непонятым голым чудаком.

А тот ходил голодный и холодный,
Один ни с чем вернувшийся с охоты,
И странными заумными речами
Своих одноплеменцев поражал.

Он населял окрестные овраги
Неведомыми миру существами,
Диковинные возводил постройки
И насаждал чудесные сады.

И в этом мире, сотканном из неба,
Не оставалось места для пещер.
А на земле, утопанной и трезвой,
Не оставалось места для скитальца.

И умирал в изгнании и презрении,
И умирал в агонии прозренья
Чудак под хохот братьев и сестер.
Но, как зерно, легло то слово в землю

И проросло сквозь время, льды и лбы.
Преобразились жители оврагов,
Взросли ряды диковинных построек
И дали тень чудесные сады.

И новый родился среди них скиталец,
И сыпал в землю щедрыми горстями
Тугие зерна непонятных слов.

МОНОЛОГ ДИАЛЕКТИКА

О, я умею,
Я сумею
Все, что угодно доказать,
В чертах угрюмого злодея
Крупницы гения сыскать.
Я объективен и спокоен,
И мне со стороны видней,
Я летописец и историк
Давным-давно минувших дней.
А вы живите на здоровье,
Сердца пускайте под откос,
Ломайте зубы, плюйте кровью
Или хихикайте до слез.
Когда весов судейских чашу
Уравновешивать начну,
Я вашу боль и радость вашу,
Как черновик, перечеркну.
И даже тени декабристов
Из глубины сибирских руд
Лет через двести или триста
Жандармам руку подадут.
Диалектическое чудо,
А голь на выдумки хитра:
В добре всегда найдется худо,
И нету худа без добра.
Я, от учености лысея,
Все по порядку объясню
И с хладнокровьем фарисея
Добро и зло соединю.

ТАРАКАНЬИ БЕГА

Казалось, волен ты пока,
Но приглядеться со вниманием –
По сути дела, тараканьи
С тобой проводятся бега.

Избытком или недостатком
Тебя связали по рукам,
И ты, как будто таракан,
Бежишь, привязанный за пятку.

* * *

Скомканы в маленьком теле
Радость, беда и любовь,
Словно рубашку недели
Прямо на жаркую кровь.

Смятою этой рубашкой
Нас не прикрыть никогда,
Если стоят нараспашку
Радость, любовь и беда.

Старые скверные мифы
Мы повторяем опять,
Только последнею рифмой
Радости не устоять.

* * *

Мы повторяем молитвы
Там, где поллитры нужны.
Мы выпиваем поллитра
Там, где молиться должны.

Путаем грех со спасЕньем
И со спасением грех,
Ибо теперь воскресенье
Равно приходит для всех.

МИКРОРАЙОН

Давным-давно поделен мир
На отгороженные зоны,
В глухие блиндажи квартир
Свои засели гарнизоны.

Перед глобальной войной
В озноб хозяина не бросит –
Его пугает спор с женой,
Домой вернувшейся с авоськой.

Круговращение земель
Не расплеснет супов горячих,
Куда важнее карусель,
Где детки собственные скачут.

У каждого своя земля,
У каждого своя округа,
Как через минные поля
Мы наблюдаем друг за другом.

И даже боевой сапер,
Мой стародавнишний приятель,
С давным-давно прошедших пор
Забросил свой миноискатель.

* * *

Мы, жители огромных городов,
О наших младших братьях забываем,
И, вспомняв, всерьез не принимаем
Ни их забот районных, ни трудов.

Они на нас глядят в своих кино,
Перенимают почерки и моды.
И там для них расходуются годы,
Где нам дано мгновение одно.

И им бывает жалко нас до слез,
Они следят, помочь нам не умея,
Так сострадают добрые пигмеи,
Когда сквозь джунгли ломится колосс.

Так и плывем, поглядывая странно,
Так и живем, страшась чужой воды.
Китов пугают пресные пруды,
И караси страшатся океана.

* * *

Березовую кашей
Кормили нас деды,
Крикливые мамыши
Спасали от беды.
Нашептывали бабки
Дремучие слова,
Но Сенькам лишь для шапки
Годилась голова.
Разъехались по свету,
Подались за Москву.
Эй, те, которых нету,
Откликнитесь, ау!

БЕДНОСТЬ

У нас тогда не было мнений,
Как не было их никогда,
В години великих волнений
За нами ходила беда.
Беда ожидания чуда,
Беда совершенья чудес,
Беда непрерывного блуда
С названием блуда и без.
Бедна голова и бедова.
Семь бед – но откуда ответ?
Быть может, и нет такового
Среди небывалых побед.

За воздух хватаясь руками,
Доходы сгребая в мешки,
Считали себя бедняками
И были всегда бедняки.

НАЧАЛА И КОНЦЫ

Волнуются, заводятся,
Взрываются юнцы –
Никак у них не сходятся
Начала и концы.

То лбами расшибаются,
То руки коротки –
Мальчишки ошибаются,
Смеются старики.

Но мудрость как обязанность
Под старость приобрела –
И жизнь взаимосвязанность
Тотчас приобрела.

Сошлись, в кольцо закручены,
Начала и концы –
Над мудростью дремучею
Хихикают юнцы.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ЕСЕНИНА

Долг поэта ласкать и карябать.

С. Есенин.

Писатели всея Руси
Меня на всей Руси содержат,
И каждый, Боже упаси,
И обходителен, и вежлив.
И каждый крутит отворот
На пиджачке моем потертом
И после третьей рюмки врет,
Как перед богом или чертом,
Что долг карябать и ласкать
Он высшим долгом почитает,
Что роковую чтит печать
И розу с жабою венчает.
Разволновавшись под хмельком,
За целый мир прощенья просит,
А, протрезвев, бежит в обком
И на меня тайком доносит –
Пришел, мол, Черный человек

И неразумного попутал.
И снова я ищу ночлег
В каком-то городе попутном.

СТАРЧЕСКОЕ

Все приходит,
Все проходит –
Слава, деньги и любовь...
Допотопный пароходик
Просвистел – и был таков!
Смотрят старцы умудренно,
Как торопятся юнцы...
Все тут противозаконно,
И не сходятся концы.
У любой мудреной речи
Немудрящий колорит –
Там зудит больная печень,
Там скрипит радикулит.
У того ума палата,
Да потеряны ключи,
Мать-природа глуповата,
Не обучены врачи.
Словно мошки-однодневки:
Эмбрионы, сосунки,
Пионеры, парни, девки –
Все в итоге старики.
Угрожаем, поражаем,
Лезем ворох ворошить,
Черт-те что воображаем,
Чтоб до старости дожить.
Самоцель, самозадача –
Персональный пенсион.
Каждый, так или иначе,
А для пенсии рожден.

СЕСТРА МИЛОСЕРДИЯ

Дай, сестрица, водицы,
И не надо огня.
Дорогая сестрица,
Посиди у меня.

Слышишь, койки соседние
От бессонниц скрипят?
Ты сестра милосердия,
Я твой названный брат.

Сквозь смятение нервное
Понимаю порой:
Нелегко быть, наверное,
Всем на свете сестрой.

Проявили усердие
Надо мной доктора,
Я прошу милосердия,
Дорогая сестра.

Ординатора сонного
Не зови сгоряча,
Мало сердцу спасенному
Указаний врача.

Под рукой из предсердия
Боль уходит, остра...
Ой, сестра милосердия,
Дорогая сестра!

* * *

Жить, беспредельно жить!..

П. Антокольский.

Жить, беспредельно жить.
Жить даже за пределом.
За рубежом. За красною чертой.
И не считать житейской суетой
То, что вчера считал серьезным делом.

Жить по пути на ближний эшафот,
На корабле с развороченным днищем,
Жить незаметным, маленьким и нищим
И не вести оставшемуся счет.

И станет мрак души обычной ночью,
И Судный день - простым ненастным днем.
"Жить, беспредельно жить!" - и мы живем.
Чего еще от нас ты, старче, хочешь?

ПОЛЕ СЧАСТЬЯ

Есть ложные понятия, поверьте!
Ну, скажем, вроде личного бессмертья.
Ах, вы уже бессмертны стали? Здрасьте!
А как у вас дела по части счастья?
Я видел вас - вы радостными были,

В удаче были. Были даже в силе.
Вас на руках единойды носили.
А, может, не единойды, а дважды.
Но разве было утоление жажды?
Вы приложили тысячу стараний
Для удовлетворения желаний.
Ну, наступило удовлетворение -
А счастье?
Все еще не в поле зренья.

* * *

Вам на свете жилось легко.
Среди всяческих околесиц
Вы не ждали чужих шагов
По безмолвным пролетам лестниц.
Не искали в дверях письма,
Как потерянных денег ищут,
Не сходили во сне с ума
От приснившегося кладбища.
Это вас самих, как на грех,
Целый век почему-то ждали,
Это вас на собачий брех
Безнадежно встречать бежали.
А вы так вот и не пришли –
Никуда, ни к кому, ни разу,
Почтальоны не принесли
Долгожданную вашу фразу.
А случилось все оттого,
Что, скитаясь по дальним весям,
Вы не ждали ничьих шагов
По безмолвным пролетам лестниц.

ВЕСОВЩИКИ ДЫМА

Б. Раухваргеру.

О, это был великий род!
Неисчислим числом.
Дивился исстари народ
Их странным ремеслом.
Не раз могучие умы
Адресовались к ним:
Зачем вам взвешивать дымы?
И сколько стоит дым?
Но, ремеслом своим горды,
Как трубы, высоки,
Молчали, в рот набрав воды,

Века весовщики.
Не раз имели интерес
К их прошлому цари,
Но охраняли в тайне вес
Немые дымари.
А дым вздымался из трубы
Под солнцем золотым,
Свивался в сложные клубы...
Но сколько весил дым?
О том молчали мастера,
Традицию храня...
Но знала даже детвора -
Нет дыма без огня.

ШАХМАТЫ

С е-2 на е-4
Ползем едва-едва.
Я знаю, в этом мире
У всех свои права.
И будет мешкать пешка,
Слоняться будет слон –
Всегда приводит спешка
К падению корон.
Заставит обстановка –
И, так сказать, адью!
Выводим рокировкой
На линию ладью.
Мы все воображаем,
Что кони нас пасут,
Пока изображаем
Классический этюд.

* * *

Мы живы только в памяти людей,
Лишь чья-то память век наш продлевает,
И только настоящий чародей
Забвенью сам прео-одолевает.
Остаться должен некий знак и звук,
Чтоб жить потом от автора отдельно,
Чтоб стать основой слов или наук
И впредь распространяться самоцельно.
Но потерялся автор колеса,
Но позабыл изобретатель спички,
И все их мировые чудеса –
Не более, чем старые привычки,
Всеобщая история изводит!
... Мы живы только в памяти людской.

А память, как всегда, людей подводит.

НАРОД ВЕТЕРАНОВ

1.

Мы – страна ветеранов,
На каленых ветрах
Были ведомы раны
И неведомым страх.

Наши битвы бессчетны,
Сбит у подвигов счет.
Это очень почетно,
Даже страшен почет.

2.

Мы – народ ветеранов,
Что нам Наполеон!
Там под гром барабанов
Встал один легион.

А у нас миллионы
И четыре войны,
Наши Наполеоны
На полях сожжены.

Сыновья вырастали
Средь разрушенных стен
Под гудение стали
И под пенье сирен.

И нам даже не странно
Стало думать про них,
Что растим ветеранов
В колыбелях своих.

* * *

Мы щадим наши уши.
Мы не любим кликуш.
Но одни лишь кликуши
Докричались до душ.

Нужен ор оголтелый,
Чтоб добраться в глуши
Через смертное тело
До бессмертной души.

Страх, рожденный любовью,
Не дает промолчать -
Криком над изголовьем
Можно смерть откричать.

Если сникну и струшу,
Сам себя хороня,
Позовите кликушу -
Откричите меня!

* * *

Каждое утро тоскливый зов
Старых стенных часов,
Старого ложа придушенный всхлип,
Старого кашля натруженный скрип.
Старая шляпа, старый порог,
Грузная поступь стареющих ног.
Он одинок.

Одинок одиночеством.
Страшным, в которое верить не хочется.
Тем, о котором сегодня скажи,
И побоишься до завтра дожить.
Тем, что уже ни забыть, ни согреть,
Тем, из которого выходом – смерть.
Столько в избытке пришлось на веку
Всяких смертей повидать старику.
Сыт он смертями, и новых смертей
Видеть не хочет до смерти своей.
Знать не желает.

Утром напоминают про жизнь
Стоны и звоны и скрипы пружин.
И беспристрастный часов механизм
Будет бесстрастно отстукивать жизнь.
Старый хозяин из старых ворот
Старой дорогой пойдет на завод.

* * *

Конечная цель - исполнение желаний,
Последняя станция в трудном пути,
Где каждый достигнет,
Где каждый достанет,
И каждому некуда станет идти.

А сердце не верит, а разум не хочет,
Душа изнывает в последней тоске:
Последняя строчка -

Последняя точка.
Как дырка от пули в виске.

СУМЕРКИ

На переулки опустились сумерки
Настолько несерьезны и легки,
Как будто это беззаботно умерли
Прозрачные дневные мотыльки.

И грусть их так далёка от отчаянья,
Так непохожа даже на печаль,
Что не нужны ни траур, ни молчание,
И никому умершего не жаль.

Заклочено умение высокое
Погаснуть так, как угасает день.
Чтоб никого не опечалить около,
Переходя в расплывчатую тень.

О, ГОСПОДИ!

ПЕРВОСВЯЩЕНСТВО

Но был первосвященник строг,
Не допускал в молены строгом,
Чтоб этот рядовой пророк
Считал себя явленным Богом.

Он кое-как признать бы смог
Его пророком даже главным,
Но видит Бог - какой он бог,
Когда он заурядный ангел!

Первосвященники строги,
Им рассуждать дано о многом.
И будь ты сам хоть трижды богом,
Но зваться Богом
Не моги!

* * *

Бог изменил несчастному народу,
Бог отступился. Бог ушел к другим.
И все молитвы, словно камни в воду,
Без отклика летели вслед за ним.
Другое племя приняло пришельца.
И поселило меж своих богов.
А в старом доме бронзовое тельце
Еще висело возле косяков.
Жрецы молчали, пагубную тайну
Прочней, чем бога прежнего, храня.
Хотя вокруг жертв, идущих на закланье,
Уже кружилась туча воронья.
Бог их не пас, не охранял от скверны,
И овцы шли, как на простой убой.
И отдавало в храме духом скверным
От фимиама. Тесною толпой
Валил народ на праздник преклоненья,
Жрецы моления начали с утра,
Но где был бог, зияла с омерзеньем
В небесном своде черная дыра.
Молись дыре! Свали в нее надежды!
Хоть кинься сам - не отыскать концы.
Внизу лежали смертные невежды
Вверху дрожали смертные жрецы.
А бог ушел. Бог изменил народу.
Сирот средь поля побросал отец.
И все молитвы, словно камни в воду,
Осколками от каменных сердец.

ТАБАЧНЫЙ РАССВЕТ

Светла табачная зола,
Безгрешен пепел,
А на дворе орет со зла
Библейский петел.

Он видел много всяких зол –
Сгорали села.
С тех пор он, как собака, зол
На новоселов.

Вселились в чистые дома,
Дымят сигары,
А петуха свели с ума
Во сне кошмары.

Он вечен, словно Вечный жид,
И вязнет в пепле.
Давно от человечьей лжи

Глаза ослепли.

Сломало крылья петуху
Людское горе,
И даже ку-кука-реку
Застряло в горле.

Он не поет – орет со зла
Библейский петел...
Светла табачная зола,
Безгрешен пепел.

РАЗМЕННЫЙ БОГ

Иду к оракулам и йогам,
Спешу к шаманам и муллам,
Топчусь в церквах и синагогах
И на порогах далай-лам.
Прошу: «Не надо по частицам!»,
Молю: «Отдайте целиком!
... В любую веру обратиться,
Навек принять любой закон.
Но так, чтоб там и ставить точку
И данный дом считать святым!».
Но Бог растащен по кусочкам,
По строчкам, и по запятым.
И стали все немножко святы,
К своим приписаны богам,
Разменный бог пошел в уплату
По человеческим долгам.

* * *

**Ты ушла. И трепет твоих пальцев
навсегда остался в моих волосах.**

«Из воспоминаний лысого»

Кнут Скуениекс.

Шла несыгранною ролью
Жизнь в бесславиях и в славах,
И прошла. И только солью
Отложилась на суставах.
Завершился поиск истин.
Где вы, тайные вечера?
Облезает кожа с лысин,
Обнажая голый череп.
Впереди подземный дворик
Через несколько ступенек-с.
Где ты бродишь, бедный Йорик,

С псевдонимом Кнут Скуениекс?

* * *

Нет пророков в своем отечестве,
Ближний ближнего не понимает,
Как давно это человечество
Умозрительно понимает!

Изгоняли из древних полисов,
Из посадов, маркграфств и княжеств,
Может, даже с магнитных полюсов
И с экваторов, может, даже,

Чтоб потом под иными звездами,
Где-то в Пруссиях и в Россиях
Было этим пророкам воздано –
Ибо вечна нужда в мессиях.

Но все было это когда-то,
Не сегодня и не при нас,
Все уходит в былые даты,
Помещается на Парнас.

Но пророк, обиженный областью,
Из республики выбывает
И себе заражение подлостью,
Словно оспу, он прививает.

МОЛИТВА СТАРОГО БИТНИКА

Услышь меня, Боже правый,
Забочусь не о себе,
Молю, не чини расправу
Покорствующим судьбе.
Разумности осторожных
Слагаю негромкий гимн:
Не дай им путей острожных,
Этапы оставь другим.
Пуускай они мирно дремлют
И лапы во сне сосут,
Пуускай они все приемлют,
Что им ни преподнесут.
Не дай наделать ошибок,
Не дай оступиться им,
Укрой их от ран и ушибов –
Все это отдай другим.

Храни их, Господь Всевышний,
Не тронь из небытия,
А если кто третий лишний,
То пусть это буду я.
Издай им любые книги,
Не спрашивая зачем,
Раздай им листочки фиги,
Чтоб было прикрыться чем.
Они для тебя опора –
Паси, и стриги, и правь!
Меня же для приговора,
Для высшей меры оставь.

СТАТУС-КВО

Последний крюк забит в небесный купол.
Закреплена последняя стропа.
Над ней висит торжественно и глупо
Моя Земля – надежда и судьба.
Остановись, мгновенье, ты ужасно.
Но все равно, молю, остановись!
Секундной стрелке двигаться опасно,
Поберегись ее, поберегись!
И ты замри, неугомный шарик,
И не крутись внутри координат,
И не пытайся наугад нашарить
Теперь путей вперед или назад.
Виси и жди, покуда рак не свистнул.
Где день – там день,
Где ночь, там будет ночь.
Перекрутился греховодник лысый
И сам себе не знает, как помочь.

СМОТРЮ В ЧЕРТЫ ЛЮБИМОГО ЛИЦА

ЯРИЛО

Наш древний бог, сверкающий Ярило,
Мы до сих пор тебя боготворим.
Когда впервые Русь заговорила,
Мы речь связали с именем твоим.

И старый яр, и вековая ярость
Ведут начало от твоих корней.
Приди же к нам, яви, Ярило, яркость!
В твоих лучах все видится ясней.
Да, солнце на Руси издревле славится,
И, по уши в Ярилу влюблена,
Кругла, как солнце, русская красавица,
Как солнце, ядрена и румяна.
У наших изб на солнце окна рубятся,
И гнезда птиц к нему обращены.
И вслед за ним весь день подсолнух крутится,
И словно солнце, русские блины.
Мы до сих пор еще солнцепоклонники,
Не поменяли наше божество.
Ни черный смерч, ни черные полковники,
Ни черный ворон не затмят его.

РОССИЯ

Все медленней, все вдумчивей, все пристальней
Смотрю в черты любимого лица –
Стою у станций, пристаю у пристаней,
Не тороплюсь у каждого крыльца.
И вот уже из себежей и сызраней,
Как из непререкаемых улик,
Под золотыми солнечными ризами
Нерукотворно возникает лик.
Здесь боги пашут, пляшут, люто лаются,
И обжигают красные горшки,
И только смеху ради притворяются,
Что все они простые мужики.
И нынешние дети городские,
Наверно, тем на свете и сильны,
Что все они – сыны богов России,
Простых богов ученые сыны.

ТВОРЦЫ

Мостами гнулись тонкие лианы
Над топью, где тонул гиппопотам...
Бежали в человечность обезьяны
По первозданным трепетным мостам.
К пещере шел звероподобный ящер
И разрушал ножищами ее,
Но возвращался мой косматый пращур
И из обломков складывал жилье.
Сожги мой дом, сруби за домом груши
И ветки разбросай на шалаше.

Круши. Но стены рушатся снаружи,
А шалаши построены в душе.
Еще не зная, как построить город,
Еще в своем младенчестве Земля
На пустырях выстраивала горы
Прообразом зубчатого кремля.

ЛУБОК

Висит на дощатом простенке
Цветастый старинный лубок,
На кринках румянятся пенки,
Старушка мотает клубок.

Картинка какого-то детства.
Наверное, не моего,
Но нету у времени средства
Избавить меня от него.

Я помню ночные заборы
И темные тени машин,
И чьи-то поспешные сборы
В присутствии строгих мужчин.

Я помню пожары ночные,
Провалы обугленных стен,
В ушах до сих пор сволочные
Рыданья воздушных сирен.

Все это меня обступает,
Зазубрено мной на зубок,
Но словно сквозь сон проступает
Простенок, лубок и клубок.

ФОЛЬКЛОР

Трещали дымные лучины,
Тянулся вечер долг и пуст,
Неся в себе первопричины
Возникновения искусств.

С печей поглядывали хмуро
Деда – ревнители основ,
Сурово требуя культуры
От молодых смысленных снох.

Давно невестки постарели,
Давно повымерли деда,

Но только песни их доселе
Неистребимо молоды.

БЕРЕНДЕЕВО

Что-то из лесу зыркало,
Словно око совы
Или лешее зеркало
Из осоки-травы.
Мы ходили по струночке
Между бдительных пней,
И скрипели постромочки,
Как у старых коней.
Паутину авоськами
Наплели пауки,
И плевал возле мостика
Водяной из реки.
Кислой яблочной завязью
Кособочило рты,
И смотрели мы с завистью
На родные черты
Моховой берендятины,
Бередящей нам грудь, -
Вековечной бредятины
Под названием Чудь.

СИНЕЕ МОРЕ

Е. Солодниковой.

Три моря было у России:
На белом полох снеговой,
Рыбачий лов на море синем,
На черном – дым пороховой.
На белом плавали поморы,
На черном плавали стрельцы,
На синемплыли зимогоры
И в воду прятали концы.
Они там быстро вынимали
Кривые сабли из ножон,
Друг друга просто понимали,
Топя возлюбленных княжон.
Здесь в Бога веровали слабо,
Но сказки до сих пор зовут
Туда, где снова дед и баба
У моря синего живут.
Пусть у корыта зачастую
Судьба у них проходит вся,
Но все же рыбку золотую

Здесь отличат от карася.
На синем море правит чудо,
На синем море не беда,
Что нету выхода оттуда,
Раз вход имеется туда.

* * *

Ольгу сватают замуж,
Словно кличут чуму,
Ольгин батюшка сам уж
Не поймет, что к чему:
Образа ли не святы,
Образины ль кривы,
Остролицы сваты,
Словно из татарвы.
Сватам только бы, только
Улестить, умыкнуть,
Глазом, дурочка Ольга,
Не успеешь моргнуть.
На подарки-товары
Кинет око отец:
«Все мы малость татары!» –
И пошлет под венец!

МОЯ МОСКВА

Я люблю столицу разную,
Все концы ее хвалю,
Я люблю в столице праздновать
И работать в ней люблю.

Чту бензина дух кондитерский,
Лимузинов давку чту,
По Ямской-Тверской, по Питерской
Магазины перечту.

Но, пижонами охаянная,
Говорлива и жива,
Где-то есть Москва окраинная,
Поселковая Москва.

Там под старыми деревьями
Щеки девичьи цветут,
Гармонисты, как деревнею,
Вдоль по улицам бредут.

Я, до судорог измаянный,
Не убьюсь, не застрелюсь –
Я в каком-нибудь Измайлове

Среди липок поселюсь.

Буду нюхать воздух липовый
В переулочной глуши,
Мне чего-нибудь спиликают
Гармонисты для души.

А вокруг, гремя трамваями,
Первозданностью права,
Будет жить Москва окраинная,
Поселковая Москва.

ЛЕТО В МОСКВЕ

Нахлынуло лето в Москву.
В Москве торжествует природа –
Прекрасна, как сон наяву,
Пышна, как природная ода.
Цветы на бульварном кольце,
Цветы на руках у старушек,
И словно в цветочной пыльце,
Пестреют носы от веснушек.
И ловит разбуженный слух
Под утро каскад соловьиный,
И плавает призрачный пух –
Нетающий снег тополиный.
И как на обрыве лесном,
И как на ручье у запруды,
Фонтаны шумят на Страстном
И плещет вода в Чистопрудном.
Ах, летние ночи Москвы!
Короткие летние ночи!
Трепещущий шелест листвы
Вдоль теплых дорожных обочин,
Зубцы над стеною Кремля
Ритмичны, как стихотворенье,
Когда во дворе – тополя,
Когда над асфальтом – сирени.
Наверное, в том правота,
Наверное, истина в этом,
Когда над Москвой провода
Поют со скворцами дуэтом,
Когда на асфальте роса,
Когда полчаса до рассвета...
... Какая же это краса –
Москва и безбрежное лето!

ПЕТРОВО-ДАЛЬНЕЕ

А здесь течет река Москва,
Еще не став Москвой-рекою,
Играет в заводи плотва
Средь ивнякового покоя.
Еще не вдавлены бока
В жестокость каменного ложа,
Москва-река

еще пока

На реки всей земли похожа.
Но подступают рубежи,
Не избежать уже которых,
И за которыми лежит,
Как западня, огромный город.
Реку поймают, и она
Смущенно в улицах стеснится,
Потом отмоет ото сна
В ней все сто лиц своих столица.
Потом за долгий, долгий день
В нее заглянут миллионы,
И наслоятся тень на тень,
И тихо загустеют волны.
Потом чернильным киселем
Она прольется под мостами,
Огни мостов запляшут в нем
Своими жирными хвостами.
Потом вода в канал уйдет,
Огни столичные оставит,
Потом огромный пароход
Следы черничные раздавит.
И лишь неведомо плотве
Средь ивнякового покоя,
Что суждено реке Москве
Когда-то стать Москва-рекою.

СЕВЕРНЫЕ ГОРОДА

Благослови меня, история
Нелегандарных городов,
Не поминал еще которые
Большой ученый Геродот.
Где не бывала со скрижалями
Преуспевающая Клио,
Где каланчи торчат пожарные
И переулки бродят криво.
Подуй в лицо мне, дым отечества,
Уразуми меня, Россия,
Где молодое человечество
Сверкает пятками босыми,

Где та же пыль лежит на улицах
И те же грядки в огороде,
Рябой метеоролог – курица
Все так же клохчет к непогоде.
Однако светом электрическим
Здесь освещают каждый дом,
Стирая грань промеж физическим
И между умственным трудом.
К тому же меж селом и городом
Здесь ликвидированы грани –
Единым среднерусским говором
Базары ранние горланят.
Переяславли, Буи, Нерехты –
Не высоки, не велики –
Плывут, как будто после нереста
Неисчислимые мальки.
Плывут, воюя со стихиями,
В волне морской, в волне мирской,
Чтоб где-то всплыть однажды Киевом,
Чтоб где-то вынырнуть Москвой.

ДОМ-МУЗЕЙ

Мне тяжело ходить в музей,
Когда музеем дом жилой.
Ходить, в смущении не смея
Сломать торжественный покой,
Сорвать с бумаг стекло и рамы,
Зажечь все свечи и огни
И дом наполнить детским гамом
И суетой большой родни.

А тут!

Мне больно сводит губы,
Я жизни собственной не рад:
Здесь шуба только с виду шуба,
А на поверку – экспонат.
В слепые окна с укоризной
Дневной заглядывает свет –
Здесь вещи созданы для жизни,
Но вещи есть, а жизни нет.
Сюда приходит люд нездешний
Глядеть похвальные листы,
И даже старые скворешни
Здесь по-музейному пусты.
И снова горечи полынной
Я привкус чувствую во рту.
Снег закружился тополиный,
Летит, не тая на лету.
Кружит, кружит...
И даже дворик

По-человечьи поседел.
Но полно, что я?
Так ли горек
Наш человеческий удел?
Музеи, статуи – условны,
А там, за флигелем в саду,
Вновь наливается крыжовник,
Как в незапамятном году,
И дед-сосед с двухлетней внучкой
Идет, кудлат и величав,
И солнце вышло из-за тучи,
И внука щурится в лучах.
За эти истины простые,
Что бесконечны и вечны,
Не раз сгорало пол-России
И вымирало пол-страны.
... Пусть в тишине благоговейной
Заупокоенный покой.
Но рядом садик примузейный,
Где небо есть над головой!

С ПАЛУБЫ

А не знаю я, ранен я
Сладко и больно,
И нехожено тянет
Заволжское поле.
Тянет тайной своей
И твоим откровеньем,
Прямизною бровей
И изгибом коленей,
Молодою травой
Под спиною измятой,
Белизною грудей,
Из-под платья изъятой.
Обернуться бы вдруг
На печальные зовы,
На молчание мук,
Как мычанье коровы.
Но ударит плашмя
Пароходная плица,
Так ложится кошма,
Если трюм загорится.
И не вырваться вкось
Языку пламенному,
Лишь болтливая злость,
Как быку племенному.

УСМАНСКАЯ СВАДЬБА

Парни ходят по селам
С песней, с частушкой, с гармошкой,
Только бормочут «Спидолы»
По вечерам под окошком.
Парни не водят кадрили,
Девки не вьют хороводы,
Даже «Елецкий» забыли
С послевоенного года.
Словно аптечный провизор,
Жизнь отпуская по граммам,
В избы залез телевизор
С еженедельной программой.
Может, и были, да сплыли
Песни живые по селам,
Как веселиться – забыли
Без примененья «Спидолы».
Вижу грядущее странным –
Голос все глуше и суше,
Только глаза в пол-экрана
И в полдинамика уши.
Но, как хвощи миоцена,
Словно проросшие споры,
«Усманской свадьбой» на сцену
Вышли крестьянские хоры.
И после первой запевки
Девки в паневах посконных
Радостно ахнули девки
В нейро-капро-поролонках.
Пели горластые сваты,
Пел голосистый девичник,
Было потешно и свято,
Чисто, тепло и привычно.
Рот изумленно разинув,
Парни толкают друг дружку,
И замолкает транзистор
Брошенной детской игрушкой.

ДАР ВАЛДАЯ

ОтрОчество, как на ладони.
Прозрачны насквозь родники.
Потом эта ясность утонет
На дне судоходной реки.

Возникнут стеченья, теченья,
Плотины, фарватеры, и
Утратят былое значенье

Начальные струи твои.

Возникнут протоки, притоки,
Всплывет на поверхность мазут,
И мысли, быстры и глубоки
В далекое море уйдут.

А молодость там, на Валдае,
Ручьями дорогу торит,
Себя на земле утверждает
И Волгу тем самым творит.

* * *

Тополя Кокчетава
Знают стройность свою
И равнение направо
Держат, словно в строю.
И, листвою минуя,
Словно струны домбры,
Небывалые кюи
Льют на наши двory.
Что мне ветры густые.
Что мне стужа и зной,
Раз стоят часовые
День и ночь надо мной!

Тополя Кокчетава –
Нет роднее родства...
Словно птицы, слетала
С тонких веток листва.
Ветры выли, как будто
Сломанный граммофон,
Я бы ветки укутал
Снятым с шеи шарфом.
Но у тополя, верно,
Вера в корни своя,
Если голые ветки
Тянет он воробьям,
Людям слово такое
Не скажу, не спою,
У которых покоя
Нет и воробью.

ДОБРЫЙ ГОРОД

От разлива полей,
От зубчатости горной,
Где леса и снега,
Где пески и трава,

Все потоки, как в море,
Стекаются в город,
И дома возвышаются,
Как острова.
Бьют упругие волны
Людского потока,
На углах закипая
В крутые клубки.
Человечий разлив,
Как во время потопа,
Захлестнув магазины,
Вздымает ларьки.
Голубые троллейбусы,
Словно ковчеги,
Над толпою плывут,
Снизошедши с небес,
И на всех остановках
Ревут печенеги,
Словно вышли сюда
Штурмовать Херсонес.
Загородит нас город
От злобного ветра,
Здесь уютно, как дома,
Устроился век.
Обогретый дыханием
Людного центра,
И в мороз под ногами
Не держится снег.
Я люблю этот город
Из гама и грома,
Мне тепло от его
Паровых батарей,
Город –
Это огромное, доброе
«Дома» -
От вокзальных дверей
До ночных фонарей.

ПЕРЕД СНОМ

Крохотная клетка мегаполиса –
Гаснет одиночное окно,
От дыханья Северного полюса
Тысячами лет ограждено.
От пустынь шипящих и разгневанных,
От лесов дремучих – напролом...
Маленькою спящею царевною
Комната притихла за окном.
Не войдут ни дети, ни грабители,

Не внесут вещей, не унесут,
В этой застрахованной обители
Замерли ристалища и суд.
Но под оболочкой летаргической,
Словно ДНК и РНК,
Совершает некий взмах магический
Некая незримая рука.
И приходят перевоплощения
Постоянных мер, весов и лет,
Раздвигая это помещение
До смещения в ультрафиолет.
И миры в застенчивой огромности
Проятся смиренно на ночлег.
Потому что в этой тихой комнате
Тихо засыпает человек.

ТОПОЛЯ

За окошком моим
Не сады, не поля,
За окошком моим
Тополя, тополя...
Эта горькая зелень
Соседских дворов.
Тополя, тополя,
Ни плодов, ни цветов.
Днем и ночью машины
Под ними пылят,
Стали цвета мышинового
Тополя, тополя.
В тополином пуху
Переулки лежат.
Тополя, тополя,
Городской снегопад.
Не взойдут семена
На асфальтах седых –
Тополя. Тополя.
Не грустите о них.
Под асфальтом земля,
На асфальте дома –
Тополя, тополя,
Не сходите с ума.

ОСЕННИЙ БОР

В суставах мозолистых ветвей,
В заломленных к небу суках
Слепые дремучие ведьмы
Танцуют на черных руках.

Отсутствуют листья и кроны –
Два корня
 вверху и внизу.
И путают в страхе вороны
Конец и начало в лесу.

БРАТСТВО

Знают Высоки Татры
И Полабский затон,
Знает малый и старый
Об обычае том.
В час, когда наступает
На земле Рождество
И под вечер бывает
По домам торжество,
И хозяйки стараются
Развернуться вовсю –
Всей семье полагается
По большому гусю.
Но какой бы достаток
Ни случился в дому,
Есть старинный порядок.
Не перечат ему.
Тут и нравы и вкусы
Воедино слились:
«Една гуса – для руса».
Так придумала жизнь.
И простые крестьяне
Отпираю дворы –
Может, русский заглянет
Средь вечерней поры!
В дни ненастий и казней
Приходил выручать –
Пусть заглянет на праздник,
Есть чем гостя встречать.
«Една гуса для руса» -
Нет закона верней
Со времен Яна Гуса
До сегодняшних дней.
Нет для дружбы преграды
И в российском дому:
Едно сердце – для брата,
Една крыша - ему.

РАЗНОЕ

ИСПОРЧЕННАЯ ПОГОДА

Сучки деревьев щекотали ветер,
Когда он между листьев пролетал,
И пожилой, невозмутимый вечер
Не удержался и захохотал.
Со смехом птицы наискось летели,
Со смеху кошки лезли на забор,
Но где-то в страхе запирали двери
И закрывали окна на запор.
Но где-то этот смех казался бурей
И хохот сада чудился грозой...
Вот почему дождя литые пули
И застучали вдруг по мостовой.

ВЕТЕР

Когда налетает с размаху
Упругого ветра стена
И парусом горбит рубаху
И мачтою гнется спина,
Я вдруг понимаю, откуда
Берется мальчишечья прыть,
И хочется прямо отсюда
В открытое море уплыть,
Промчаться большими прыжками
В азарте забытой игры,
Чтоб люди казались жуками
С вершины гигантской горы,
Чтоб вдруг отозвался ответно
Какой-нибудь вымерший тур...
... Я знаю, что это от ветра,
Ревущего в дебрях натур.

ВАГОННЫЙ ЗАКАТ

Стремительно солнце бежало
Сквозь скрюченность сучьев сухих,
Как будто багровый пожарный,
Отставший в пути от своих.
Я видел мелькание ножек
Под круглым его животом,
Его глуповатую рожу
С его запыхавшимся ртом.

Полвечера солнце бежало
С вагоном наперегонки,
Пока наконец не упало
С крутого обрыва реки.
Осталась косая полоска
Пожарною краской вдали,
И стало заметно, как жестко
Вагонные полки трясли.

* * *

Смотрят окна птичьим оком.
На асфальте сто сорок.
Что там видится сорокам,
Нам до срока невдомек.

Взгляды падают косые
На соседний тротуар,
Ходят дождики босые
Мимо окон на базар.

Что там будет на прилавках –
Посмотреть бы из окна.
Как большая бородавка,
Свекла красная крупна.

Ах, зачем ее продали,
И куда ее несут?
Окна все это видали
У соседки на носу.

* * *

Глядят глаза печальные,
Как звезды, высоки,
И за семью печатями
Закрыты языки.

* * *

Все мысли, мысли, мысли,
Дела, дела, дела.
Над пропастью повисли
Два трепетных крыла.

ПИЛИГРИМ

Сложив натужный кашель
В пустующий кошель,

Ушел от скудных пашен
За тридевять земель.
С тех пор куда бы дальше
Уйти он ни сумел,
Был все при том же кашле,
При этой же суме.
Ворона да сорока
Вились над головой.
Зачем ходить далеко,
Свое нося с собой?

СЛЕЗЫ

Нам слезы застилают белый свет,
Солено-горько море, словно слезы,
Слезят глаза свирепые морозы,
Среди дождя сухого места нет.
Но ты тогда лирический поэт,
Когда из бед и вод сухим выходишь,
Глазами сухо суще обводишь,
Готовя нам логический ответ,
Что слезы застилают белый свет.

НЕ ОГЛЯДЫВАЙСЯ, МЕГИЛЛА!

*... Я узнал, что именно поразило на финише
Мегиллу до такой степени, что он сбился с шага:
это было мое лицо.*

Станислав Лем.

Не оглядывайся, Мегилла,
Только прямо вперед гляди!
А не то увидишь могилы
Черным веером позади.

Пятна наших лиц искаженных
Злостью, завистью и стыдом,
Словно выброшенные жены
Покидают постылый дом.

Не оглядывайся, Мегилла,
Обгоняя, скорей гони!
А у нас иссякают силы,
А у нас иссякают дни.

За Мегиллою не угнаться,
Все мы выдохлись до конца,
На бегу уже разрываться
Начинают у нас сердца.

Скоро, скоро ему венцами
Разукрасят уже чело,
Состязание с мертвецами
Недостаточно тяжело.

Только надо не оглянуться,
Не увидеть в последний миг,
Как умеем мы улыбнуться,
Заглушая предсмертный крик.

С непосредственностью дебила
Просто надо все гнать и гнать...
Не оглядывайся, Мегилла,
Если хочешь нас доконать!

ЗЕМЛЯ И ЛОПАТА

*«Та земля, что в зените,
Та земля, что в закате,
Не земля, извините,
А земля на лопате».*
Так меня поучали
Ежегодно, наверно,
И я где-то вначале
В эту правду поверил.
Но тревожила общность
Разнородных явлений -
Огородная овощь
И сонливость тюленей,
Успокоенность финнов
И пугливость джейранов,
Даровитость дельфинов
И цветистость тюльпанов.
Все вплеталось, сплеталось
С берегами, с богами,
В пирамиды слагалось
И пеклось пирогами.
Позывные с Кавказа
Шли на плато Ла-Платы...
И на все это сразу
Не хватало лопаты.

КЕНТАВРЫ

Мы кентавры,
Мы продираемся сквозь жизнь,
Оставляя на ее шипах и колючках

Куски наших ног и боков,
И только наши головы
Выше терновых хитросплетений.
Мы греемся у чужих огней,
И чужие женщины
Дарят нам чужие улыбки.
Жирные щедрые мужчины
Поят нас крепким вином,
Кормят сытной пищей,
Дают прочные одежды,
Но мы не становимся от этого
Ни богаче, ни толще.
Все их дары
Мы немедленно оставляем
На тех шипах и колючках,
Которые они вырастили вокруг себя...
... И только лучшие женщины
Дарят нам чужие улыбки.
Навсегда.

СОЛНЦЕ НАД ЗЕМЛЕЙ

Клокотала ночь. Ревело грозами
Небо над осинником густым,
Ветры, проносясь над буреломами,
Рвали беззащитные листья.

Ночь прошла. И сквозь туманы синие
Заиграло солнце над землей.
Но дрожит, как прежде, лист осиновый
И не может справиться с собой.

ЖИВУНЫ

*«Живун» - слово тундровое,
в словари не записанное.*

Из разговора.

Мороз кольчугою сжимал
Грудь полуострова Ямал,
И стыла в жилах берегов
Речная голубая кровь.
И надвигалась, как беда,
На рыбье царство толща льда.
И перед вечной мерзлотой
Вся жизнь казалась суетой.
Но где-то в ледяной ночи
Горят дремучие ключи.
Ключи клюют речное дно,

Им от рожденья не дано
В безмолвном холоде почить.
Они гремят – они ключи.
И средь промерзлой тишины
На свет родятся живуны.
Один живун, другой живун,
Они бурлят, они живут.
К ним рыба прет из-подо льда –
Туда, где талая вода.
И гусь с простреленным крылом
Сюда приходит за теплом.
И царь-олень, устав в бегах,
Сюда приходит греть рога.
Дыханием окружена
Живая чаша живуна.
И чем сильнее мороз кругом,
Тем выше пар над живуном.
Он как сигнал, он как призыв,
Что будет жизнь, покуда жив.

ЛОВЦЫ

На черной отчаянной Истре
В плакучем чаду ивняка
Коснулись нечаянных истин
Случайные два рыбака.
В разгар окуневого клева,
Крючки посадив на живца,
Распорились слово за слово
Они о натуре ловца.
О тонкостях рыбного лова,
О хитрых рыбацких снастях
Рассказывал снова и снова
Веселый губастый толстяк.
А рядом в очках элегантных,
Подтянут, корректен и мил,
Сосед говорил о приманках,
О спиннингах душу томил.
И сквозь незначительность факта,
И сквозь отвлеченность речей
На свет прорезался характер
Мерцанием круглых очей.
И я, лоботряс и бездельник,
Почти что гороховый шут,
Почувствовал, что в понедельник
Они не на речку пойдут.
Заменят носки и штиблеты,
И в свете их новых одежд
Вся ловля поднимется эта

На новый высокий рубеж.
Закинутся тонкие фразы,
Где грУзило тянет свинцом...
И я тут почувствовал сразу
Себя в этой ловле живцом.
Посажен на крюки улыбок,
Кому-то готовлю уху,
И лезут на удочки рыбы,
Пока я мелю чепуху.

РОБОТ

Роботу добавили питания
С щедростью плюс-минус бесконечность.
Робот уходил на испытания
Самого себя на человечность.
Уходил и весело подмигивал
Новеньким сияющим экраном,
Изнутри его куда-то двигало
Непередаваемо и странно.
Вдруг он понял, робот,
Что он – робот.
Понял потаенное устройство
Собственной протоновой утробы,
Все ее таинственные свойства.
Понял конструктивное решенье
Каждой незначительной детали,
И тогда-то, как предупрежденье,
Лампочки на пультах замигали.
Прорастал из робота мыслитель.
Человек из робота рождался!
Но перегорел предохранитель,
И преступный замысел распался.
Усмехнулся старенький конструктор
(Что-то крылось в смехе невеселом),
По обшивке робота постукал
И полез в карман за валидоллом.

УЧИТЕЛЬ

Художник воспитал ученика,
И сам того, по правде, не заметя:
Была однажды брошена строка,
И заиграли строчку чьи-то дети.
Художник воспитал ученика!
Ему бы тут как раз и возгордиться,
Но что-то беспокоит старика,
И на кого-то хочется сердиться.

Он помышлял, что он неповторим,
А вон его как ловко понимают!
Противно даже.
Словно древний Рим
На современной студии снимают.
И предстает он сам перед собой,
Каким ему предстать не помышлялось,
И он не знает, что это –
Разбой
Иль так себе, младенческая шалость.
Художник здоров, богат и знаменит,
Себе и людям точно цену знает,
Но отчего-то глазом семенит,
Когда тетрадь ученика листает.

ФАКИР

Разгадки секретов опасны.
Факиры, господь их прости,
Придумали ложные пасы,
Чтоб миру глаза отвести.

За быструю ловкость движенья,
В котором поди разберись,
Законную дань уваженья
Не зря получает артист.

Не надо банальных разгадок –
Любуется фокусом мир.
И этот священный порядок
Не смеет нарушить факир.

А если б факиры посмели,
Тогда, не прощая измен,
Их зрители б заживо съели,
Ворвавшись на круги арен.

Но сделаны нужные пасы,
И мышь обернулась горой.
И фокусник вовремя спасся,
И зритель доволен игрой.

ЖОР

Начался жереховый жор,
Жируют жереха.
Я снова прячусь за костер
Подальше от греха.

А на реке бушует жор,
Транзисторы – молчок,
Какой-то старый шелешпер
Попался на крючок.
А рыба прет, а рыба жрет,
Глотая поплавки.
Как судаки, разиня рот,
Балдеют рыбаки.
С лещом повязан на лесе,
Тягается слабак,
Как в сумасшедшем колесе –
Кто рыба? Кто рыбак?
Висит с катушек борода,
Как будто Черномор,
И тянет темная вода
В себя, в пучину, в жор.

КУКЛЫ

Я с детских лет боялся кукол,
И, что-то чуждое храня,
С неисчерпаемою скукой
Они глядели на меня.
Их было много - всяких, разных,
Они сидели по углам,
И мне казалось, куклы дразнят
И надо мной смеются там.
Под механические веки
Упрятав ложные глаза,
Сидели недочеловеки,
Своей похожестью грозя.
Их можно было бросить на пол
И руки-ноги оторвать,
Но начинали куклы плакать
И механически моргать.
Как плачут куклы, вы слышали?
У них почти ребячий плач.
И сразу делается жаль их,
Хоть самому садись и плачь.
И вы заплачете. Но кукла
И бровью вслед не поведет,
И жалость к вам на лобик утлый
Ни малой тенью не падет.
На механические веки
Не набежит из глаз слеза.
И смотрят недочеловеки,
Своей похожестью грозя.

КОМЕНДАНТЫ

Вне героических эпох
Не повезло Наполеонам -
Они уныло ловят блох
По захудалым гарнизонам.

Приходят, не снимая шпаг,
Не к герцогиням, а к консьержкам,
Доступны лаю всех собак
И лейтенантским пересмешкам.

А тенью мысли поутру
Им скроет лица, как забралом,
Так лишь о том, что на смотрю
Ужо достанется капралам.

Капралы ж их боготворят,
За ними - до Святой Елены.
Сердца отвагою горят,
Поскольку море по колено.

В своих походных сюртуках
Скрестили руки коменданты,
Как на раскрашенных мостках
Бродячие комедианты.

Я комендантам не судья,
Все их претензии законны,
Пока не выпала судьба
Им всем глядеть в Наполеоны.

Пусть каждый сам себе не плох
И молодец по женской части,
Спаси, Господь, нас от эпох,
Когда они приходят к власти!

* * *

О, какое несчастье
Для родной стороны,
Если сами мы властью
Будем облечены!
Куры сдохнут со смеху,
Мухи сдохнут со скуки:
Ни пройти, ни проехать –
Всюду башибузуки.
Попадемся мы тут же,
Как вороны в борщи.
Нас кому-нибудь нужно

Не пущать и тащить.

ЦЫГАНСКИЙ АНСАМБЛЬ

Не стало цыган у России.
Давно перевыполнен план,
Россия в расцвете и силе,
Но только не стало цыган.

От горя не броситься в пляску,
Со смертной тоски не запеть,
Из быта в забытую сказку
Ручной не поманит медведь.

Цыганка на раннем базаре
С три короба мне не наврет...
Веселье свое разбазарил
Бесхитростный русский народ.

Синицу из рук упустили,
На небе остался журавль.
И цыгану вместо России
Достался цыганский ансамбль.

ОЛЯ ЗВЕЗДИНА

- Оля Звездина? Была такая...

Из разговора.

Сколько там перешло, переездило
С паспортами и без паспортов...
Где сегодня вы, Олечка Звездина,
Королева балтийских портов?
Как живет, сестра бледноликая?
Покорились которой судьбе?
Вас пытались застукать полиция,
Дефензива и УКГБ.
Даже самые тонкие оперы
Не напали ни разу на след...
Сочинить бы об Олечке оперу,
Написать современный балет!
Говорят, в деревушке под Юрьевом
Ваш сынок у старушки живет
От влюбленного в вас штурмбанфюрера,
Получившего финку в живот.
Говорят, что в нейтральной Швейцарии
Ваши деньги лежат на счету...
Были биты вы в Риге швейцарами
И шпаной в ленинградском порту.

Но недавно под флагом Замбезии
Чей-то шлюп проходил Гибралтар,
И какой-то чудак

«Оля Звездина»

На бортах у него начертал.
Где живете вы, Олечка, Олечка?
На котором кладбище легли?
С вашей смертью убудет вот столечко
От растрепанной нашей земли.

ОДНОЛЮБУ

Я любил на земле троих,
Этот стих в полумгле про них
Сквозь стенание стен проник
На касание трех прямых.

На три точки садится ас,
Измерения три у нас –
Ширина, длина, высота –
Ни одна из них не взята.

Но не будь этих точек, не будь,
Я не умер бы как-нибудь,
Я бы так же, как ты, и жил,
Я бы каждый день не тужил.

Я не знал бы так же, как ты,
Ширины, длины, высоты,
Не увидел бы я объем
Этой плешки на лбу твоём.

ПРИЗНАНИЕ ЧЕРТУ

Алеше Норке.

Любит черта родной народ,
Черт веселый и жизнерадостный –
То возьмет тебя в оборот,
То ошпарит сорокаградусной,
То науськает на войну.
Раззадорит до страшной смелости,
То подсунет тебе жену,
От какой сам едва отделался.
Ох и весело им, бесам, -
То заохают, то заухают!
Черт – такой же он, как ты сам,
Особливо когда под мухою.
Любит черта родной народ,

Черт народу приятней Бога.
Черт – он вот сидит у ворот,
А до Бога – долга дорога.

* * *

Откуда слово «драка»
Взялося на Руси?
Про то толкуют всяко,
Кого ты ни спроси.

* * *

Выкидывали в форточки фортели
И убивали время из нагана,
Потом за словом лазили
В карманы,
Глаза стыдливо прятали
В портфели.
Очки втирали
В толщу переносиц
И освещали души
Фонарями,
Но не случайно мы не доверяли
Недостоверным
Смыслам переносным.
Была знакома нам еще по детству
Змеиная двусмысленность загадок,
И мы всегда кричали:
«Бейте гадов,
Ползущих из подвалов
И подтекстов!».

ОДА ЗНАЧКУ

Свобода – мой значок,
Приколотый на лацкан.
Повесил – и молчок,
И зубьями не клацай.
Увидит ясным днем
Стечение народа –
На лацкане моем
Приколота свобода.

НА т. МАНЬКО

Мы за полвека, глянь-ка,
Шагнули далеко –
Была когда-то Манька,
Теперь она Манько.

МОРСКОЙ ЗАКОН

"Равнение - на середину!"
Знакома команда давно.
Равняются фланги картинно
На среднее наше звено.

Закон золотой середины -
Ни кильки тебе, ни кита.
Всплывают сплошные сардины
Двенадцать вершков от хвоста.

И в этой шеренге, конечно,
Такие порядки, раз тут
Киты усыхают поспешно
И кильки поспешно растут.

РЕТРО

БУБЕНЦЫ

Колоколец в дуге на кольцах
И бубенцы на пристяжных...
Протяжно, весело и скользко
Мороз полозьями визжит.
И мчатся,
Мчатся,
Мчатся сани
Под завыванье
Вьюг и пург
Не то с Рязани до Казани,
Не то с Казани в Оренбург.
И пахнет псиной волчья полость,
И ямщика засыпал снег...
В какой уезд?
В какую волость?
Зачем?
К кому?
В который век?
Сейчас приедем, скоро вечер.
С обледенелого крыльца
Рванется кто-нибудь навстречу,

Заслыша голос бубенца.
Сейчас в сенях тулупы сбросим
На чьи-то старые лари,
Зажжем камин,
Свечей попросим
И будем греться до зари.
Нам пунш сварит седой хозяин,
Про Питер спросит, про Москву.
И мы ему покажем тайно
Из Чернышевского главу,
Войдем в союз «Земля и воля»,
Пойдем за «Черный передел»...
И снова сани,
Снова поле,
Иной удел,
Иной предел.
Дворовый пес нам вслед пролает,
И барышня махнет платком.

... Который час висит наш лайнер
Средь неподвижных облаков.
Как будто топчемся на месте,
Лишь за бортом турбинный гром,
Да если верить стюардессе,
Семь тысяч метров под крылом.

* * *

Большие пожары
В саду октяблями горят,
Играют гитары
Бредущих навстречу ребят.
Старинные клены
Музейных дворянских усадьб...
Поручик влюбленный
Стремится, крылат и усат.
Ревут танцовщицы
Его крепостного ревью,
А он застрелиться
Готов за улыбку твою.
И ты, улыбаясь,
Все так же спешишь на балкон
На страшную зависть
Сошедших со стен Джиоконд.
Иду по аллее,
Где нет и не будет внучат,
И ментик алеет,
Накинутый вкось на плеча.
Спасибо за счастье,
Красивая осень, тебе

За это причастье
К далекой и странной судьбе,
За эти пожары,
Что здесь октябрями горят,
За эти гитары
Бредущих навстречу ребят.

СТАРЫЙ АРБАТ

Дома назначены на снос,
В пустынных окнах тьма.
Почти без слов, почти без слез
Стоят и ждут дома.
Фонарь тоскует по огню,
Карниз по фонарю,
И я сквозь строй себя гоню
И в окна не смотрю.
Он не старинен - просто стар,
Не храм, а просто дом,
И потому не нужен стал
И обречен на слом.
Дома стояли тут века,
Но жребий пал таков,
Что не считают их пока
Сокровищем веков.
Схожу, как с рельсов паровоз,
Как будто бы с ума,
И вслед за мною под откос
Срываются дома.

ДА СБУДУТСЯ БЕЛЫЕ НОЧИ!

Не знаю, все это откуда -
Я был совершенно здоров.
Наверное, это простуда
От невских холодных ветров.

Но вот ничего мне не надо,
Но вот никуда не хочу,
Но вот заболел Ленинградом
И поздно являться к врачу.

Я невскими болен мостами,
Я брежу мостами, и там
Я вдруг ощущаю местами,
Что сам прирастаю к мостам.

Себя застаю на заставах,
И, словно меня уже нет,

Стою, где остаться оставил
Неведомый мой Фальконет.

Я всем своим телом причастен
К великому лику камней,
Земное несчастье и счастье
Веками приходит ко мне.

Я болен моим Ленинградом,
Дыханьем его заражен
И Летнего сада оградой
Безвыходно весь окружен.

Да будет незыблемо прочен
Булыжник моей мостовой,
Да сбудутся белые ночи
Над непостижимой Невой!

* * *

По мостовой шагала лошадь,
Кули какие-то везла,
Пересекла неспешно площадь
И тихо за угол ушла.
Она, как будто так и надо,
Была бесспорна и строга,
Вписалась в арки Ленинграда
Ее узорная дуга.
Я не о том, что стало мало
По городам скрипеть телег –
Другая очередь настала,
Другой тоннаж,
Другой разбег.
Но все же неправдоподобно,
Когда ажурные мостки,
Рыча моторами утробно,
Мнут под себя грузовики.
Когда у старого фронтона
Среди дорических колонн
Реклама крикнет удивленно
Неоном про одеколон.
И не том я,
Не про это –
Давно на улицах таких
Должны бы запретить декретом
Носить со скрипом башмаки.
Кто, пусть мне сразу честно скажет,
При всей бездомности своей
Поставит койку в Эрмитаже
Хотя бы даже у дверей?

Как ни пытаюсь – неизвестно,
Как ни гляжу – не может быть!
Как можно просто
Жить на Невском?
Как на Фонтанке водку пить?

ДЕЛИКАТНОСТЬ

Ах, что такое деликатность?
Уже почти деликатес,
Почти как устрицы.
Понятно,
Что обходиться можно без
Деликатесов.
Было б мясо,
А также прочие корма.
Деликатесов этих массам
Не надо даже задарма.
А деликатность?
Так, занятность.
Для стюардесс
И для принцесс.
Она почти невероятность,
Она почти деликатес.

АННОТАЦИЯ -1.

Этот сборник из двух книг включает в себя значительную часть того, что было написано поэтом Львом Щегловым (1932-1996 гг.). Здесь лирическая и ироническая поэзия, исторические циклы и остросюжетная тематика, стихотворные репортажи и посвященные творчеству разделы, сказочки для взрослых и детей. Перо поэта оригинально, своеобразно и своенравно.

АННОТАЦИЯ-2.

Лев Сергеевич Щеглов (1932-1996 гг.) - поэт, автор 11 стихотворных сборников, изданных в Москве и Алма-Ате. Переводчик. С 1971 по 1978 год работал в издательстве "Жазушы". Редактор 20 книг казахстанских поэтов. Мастер иронического стиха, печатался на 16 полосе "Литературной газеты", в журналах «Юность», «Москва», «Молодая гвардия», «Крокодил», «Сибирские огни», «Простор», «Нива».

Сведения для задней стороны обложки.

Поэт с большой буквы – так представляет автора этого сборника сайт «Московские писатели». Лев Сергеевич Щеглов родился 9 февраля 1932 года в Ярославле, умер 3 января 1996 года в Москве. Входил в литературу вместе с Евгением Евтушенко, Андреем Вознесенским, Робертом Рождественским. Первая публикация в коллективном общесоюзном сборнике 1957 года. С 1971 по 1978 год работал в казахстанском издательстве «Жазушы» («Писатель»). Его перу принадлежат 11 стихотворных сборников, вышедших в Москве и Алма-Ате. Редактор 20 книг казахстанских поэтов. Переводчик. Мастер иронического стиха, печатался на 16-й полосе «Литературной газеты», в журналах «Юность», «Москва», «Молодая гвардия», «Крокодил», «Сибирские огни», «Простор», «Нива».

Составление и корректура сборника – Людмила Енисеева-Варшавская, Алма-Ата, тел. 261-78-14, электронный адрес: eniseeva@mail.ru
Рисунки на обложках Владимира Безелюка.

Лев Щеглов

Стихи из чемодана

Книга вторая

Лев ЩЕГЛОВ
СТИХИ ИЗ ЧЕМОДАНА

КНИГА ВТОРАЯ

ЛЮБОВЬ И ЖЕНЩИНЫ

ЖЕНЩИНА

В тайны тайные проникая,
Повергала в слепую дрожь
Импотентов под клобуками,
Рукоблудствующих святош.

Укрепившись нечистой силою,
От рогов до хвоста чиста,
Ведай, ведьмища,
Ведай, милая!
Ни поста тебе, ни креста!

Недобитые, недожженные,
Ускользнувшие от оков,
Стали ведьмы однажды женами
Зазевавшихся мужиков.

Чтоб от вещего их всеведенья
Не устать нам и не отстать,
Мы давным-давно уже ведьмами
Перестали их называть.

Но, владея, как прежде, силою
Векового добра и зла,
Ведай ведьмища!
Ведай, милая!
Ни костра тебе, ни кола.

СЛЕДЫ

За окошком дремлет Ярославль,
За окошком древний Ярославль,
Ты со мной простилась, не сказав,
На которой улице росла.
Опущусь в уснувшие сады,
По ночному городу пройду,
Может быть, далекие следы
Где-нибудь нечаянно найду.

Лестница заполнила шаги,
Зеркало заполнило лицо,
И прикосновение руки
Бережет старинное кольцо.
Постоянна память у вещей,
Верен человеку матерьял.
Я как разорившийся Кощей,
Все свои богатства растерял.

Что-то я, наверно, говорил,
Почему-то, видимо, молчал,
Если бы мне кто-то повторил,
Если бы мне кто-то отвечал.
Но немые, как в рот набрав воды,
Улицы, заборы и дома,
Только молчаливые следы
Сводят потихонечку с ума.

ПРЕДГРОЗОВЫЕ ВЕЧЕРА

Какие солнечные дни
На нашей улице опять!
Семнадцать градусов в тени,
А на припеке двадцать пять.

Мальчишки ходят босиком,
Вминают пятками гудрон,
А где-то в облаке густом
Плывет прохлада над двором.

Наверно, к вечеру гроза
Пройдет серебряным дождем –
Не прячьте, девушки, глаза:
Грозу мы вместе переждем.

И будет светел и умыт
На этом свете каждый дом,
Уже за городом гремит
И к нам подкатывает гром.

Предгрозовые вечера,
Ионизирован озон,
А здесь бродил позавчера
Еще не вымерший бизон.

Летела пыль из-под копыт,
Стелилась дикая трава,
Но день вчерашний позабыт,
И наша улица права.

Не прячьте, девушки, глаза
От этих росчерков косых –
Пройдет над городом гроза,
Как будто не было грозы.

* * *

Наташка любила ворон -
Шалавое племя воронье,
Крылатую шайку воров,
Лохматое их поголовье.
Вот так, ни с того, ни с сего,
Кривым непродуманным летом
Свалиться на крышу Его
И громко прокаркать про что-то.
Потом, помахав невпопад
Крылом суматошным, вороньим,
Помчаться зачем-то назад,
Как будто бы следом погоня.
А Он поглядит свысока
И бросит: "Какая ворона!".
И снова уйдет в облака
Шальная воронья дорога.
Нескладный, растрепанный мир.
Закон для ворон не написан...

... Пусть падает на землю сыр
На радость прилизанным лисам!

ЯБЛОКИ

То ли ты?
Та ли ты?
Ты ли ты?
Спишь на моем плече.
В окна бездумно вылиты
Лавы лунных лучей.

Яблоки в мире кинуты -
Каждое пополам.
Знал свою половину
Только старик Адам.

Все остальные - в поиске.
Вечная маета,
Вечная тема повести:
Тот?
Та?

Нет знаков опознавания:
Свой - чужой.
На ощупь идет касание
Души душой.

Кто-то смирится с участью,
Надев чужое кольцо.
Кто-то решит, что, в сущности,
Все на одно лицо.

Яблоки в звездном ворохе,
Ты в безмятежном сне.
Ползают тени-шорохи
По голубой стене.

Ты ли ты?
Та ли ты?
То ли ты?

Я ли?
Тот ли?
Такой ли?

Муки ночного города
В окна текут рекою.

ПЕРЕД ГРОЗОЙ

Ложатся лиловые тени,
Мелькают далекие блики,
И облачные ступени
Разносят вороньи крики.
Ложатся лиловые тени,
Мелькают далекие блики.

И, словно отлогий парус,
Платок шелковистый плещет,
Ветрище, утроив ярость,
Лица нам болью хлещет.
И, словно отлогий парус,
Платок шелковистый плещет.

Хохлатки, разлапив крылья,
В курятниках крик открыли,
Клубя золотою пылью,
Промчались автомобили.
Хохлатки, разлапив крылья,
В курятниках крик открыли.

А нам с тобой мало дела,
Спокойно глядим на вещи.
Платок твой, как парус белый,
Над пыльным проселком плещет.

СНЕГИРИ

Не скупись на святое слово -
Говори его, говори!
Видишь, как расцвели багрово
Над сугробами снегири?

Им бы тоже лететь на розы
И вдали о зиме жалеть...
Надо очень любить морозы,
Чтобы так на снегу алеть!

* * *

Еще не горе, что уже стряслось.

Наталья Татур.

«Еще не горе, что уже стряслось».
Оно стряслось, Наталья, наше горе?
Иль еще только сотрясает взморье
И до материка не добралось?
Сознаться в горе, как сознаться в краже –
Душа горька, покорна и чиста,
Все позади, ты заключен под стражу,
Укрыт крылом конвойного поста.
И впереди – одно освобожденье.
Пройдет какой-то неизбежный срок,
И все исчезнет, словно наважденье,
Чтоб затеряться где-то между строк.
«Еще не горе, что уже стряслось»?
Оно трясет, Наталья, наше горе!
Еще термометр жарок, как при кори,
Еще не стихло, не оборвалось...

* * *

Меня просили: "Напиши
Про то, как любишь, Лев!".
Так обучают: "Не дыши!",
Противогаз надев.
Но я срывал противогаз
И топал без него -
Лишь слезы капали из глаз,

Беспечно вьются на ветру.

* * *

Л. Е.

Женщину усыпали веснушками.
Начинали, видимо, с макушки.
И веснушки ползают за ушками,
И подмышку прячутся веснушки.

Женщина - веснушкина планета,
А они - густое население,
И среди них, наверно, есть поэты,
А у них про нас стихотворенье.

* * *

Уехать - как немножко умереть.
Французская пословица.

«Уехать - как немножко умереть».
Я уезжал, а ты все оставалась.
Я уезжал на четверть и на треть,
Теперь уже совсем осталось малость.

Уменьшенный стою перед тобой,
Венками подорожника увенчанный.
Зачем тебе я маленький такой?
Ты не Всевышний, ты всего лишь женщина.

Ты на меня посмотришь свысока,
Тебе мои движения неловки.
И почему-то тянется рука
Погладить, как ребенка, по головке.

* * *

Люблю испорченных девчонок!
На том дрожащем рубеже,
Когда она - полуребенок
И полуженщина уже.

Когда девического страха
Остатки преодолены,
Но не пришло еще размаха
Всего изведавшей жены.

Пока бесхитростную тайну
Еще припрятала постель,

Пока она еще случайна,
Еще не средство и не цель.

Пока мужская половина
Не полной ясностью влечет,
И все, в чем женщина повинна,
Не учтено наперечет.

Быть может, и не прав я в чем-то,
Но умоляю - ты пока
Живи испорченной девчонкой
Хотя бы лет до сорока!

* * *

Я в командировке на Кубани.
Но, сминая все мои дела,
Женщина с преступными губами
По кубанской набережной шла.

Голубое платье облегалo,
Очевидно, голубую грудь.
Шла она и словно предлагала
В голубой Кубани утонуть.

Кинулся бы, плавать не умея,
Я за ней в кубанскую волну
И ушел бы, в радости немея,
В темно-голубую глубизну.

Но она уходит на автобус,
Он ее куда-то увезет...
Никакой теперь меня антабус
От "Кубанской водки" не спасет.

ДОН ЖУАН

Все на свете презренный тлен,
Кроме круглых твоих колен.
Я опять попадаю в плен
Далеко не святых Елен.

Не бывал я рабом властей,
Но всегда я в рабах страстей,
Не собрать мне своих костей,
И не ждите моих вестей.

Потому в философский чин
Возвожу естество мужчин,

И поймите – не без причин.
И поверьте – не без кручин.

Но когда я их целовал,
Все до капли им отдавал
И глазами их наповал
Самого себя убивал.

Не найти во мне подлеца –
Я люблю вас всех до конца,
А когда разбивал сердца,
Я в себе убивал отца.

Я всегда у ваших колен,
Остальное – презренный тлен.
Бесконечен нелегкий плен
Далеко не святых Елен.

* * *

Если нет тебя около,
Чтобы связь сохранить,
Из меня, как из кокона
Тонко тянется нить.
Может, этими нитями
Я тебя покорю,
Шелк сотку удивительный
И тебе подарю.

ОХРАНЕНИЕ ОСЕНИ

Л. Е.

Талантлива не очень,
Бездарна не совсем
Ко мне приходит осень,
Шатаюсь между стен.

Ах, старая подруга,
Слезливая коза!
Ах, рыжая пьянчуга,
Бесстыжие глаза!

Который раз мы снова,
Который раз опять...
Моя первооснова,
Куда тебя девать?

Пойдем опять по кочкам,
Вспоем и воспарим,
Пойдем, как черт, по бочкам --

Который раз горим!

Приди в мои ладони
Лохматой головой!
Никто тебя не тронет,
Покуда я живой.

* * *

Люблю я женщину одну,
Я женщину люблю!
Я не хую и не хваю.
Люблю, идя ко сну.
И, просыпаясь на заре,
Хотя не с нею сплю,
Люблю в холодном январе,
И в августе люблю.
И знает женщина о том.
Мы оба знаем с ней.
Своим проходит чередом
Поток часов и дней.
От табака желты усы,
Седеет борода...
Куда деваются, часы?
Куда же вы?
Куда?

* * *

На дворе опять холода,
Холодина лежит кругом,
Промерзает насквозь вода
Так, что кажется молоком.

Промерзает душа насквозь.
Холодильник в моей груди –
Хоть шампанское там морозь,
Хоть сосиски туда клади.

Но в холодной, как лед, крови,
Биологии вопреки,
Небывалых цветов любви
Распускаются лепестки.

Не увясть им и не опать –
Заморожены на корню.
... Все, что может в тепле пропасть,
В холодильнике сохраняю.

* * *

Желанье переделывать любимых
Для наших женщин так старо,
Как будто им вернуть необходимо
Адаму злополучное ребро.

* * *

Н. Т.

Львицею надо родиться.
Трудно водиться со львом.
Лев пред влюбленную львицей
Не запоет соловьем.

В отзвуках львиного рыка,
В ласке железных когтей
Со стороны разгляди-ка
Признаки нежных страстей.

Львицею тяжело родиться -
Гривы достанутся львам.
Желтыми кошками львицы
Тихо пройдут по следам.

Милостей царских не будет.
Львица получит права,
Если окажется пудель
Вместо могучего льва.

МАДАМ САН СУ СИ*

Бонжур, мадам сан су си!
Из французской песенки.

Привет, привет, мадам,
Веселая вдова!
Соврал старик Адам,
Что Ева не права.
Сорви запретный плод!
Сомнительный запрет
Над городом плывет
Дымком от сигарет.
Соломинку соси,
Заглатывай крюшон.
Красотка сан су си –
Гроза парижских жен.
Ах, верная жена,
Наивный человек –
Какая старина –

Четырнадцатый век!
Почтенный буржуа
Торопится к семье,
Меж тем его жена
Сбежала к шансонье.
Веселую мадам
Приветствует ажан.
Ступаю по следам
Царицы парижан.
Бульваром де Пари
Несу свое мерси –
Я выиграл пари
На ставку сан су си.

*) Легкомысленная женщина.

* * *

Всех бы баб облагодетелить,
Излюбить бы до одной,
Но помехой
То ли дети ли,
То ли хлопоты с женой.
А они живут - красивые,
То округлы, то стройны,
Только строчечки курсивные
Перед ними постланы.
И идут они по буквицам
Из абзаца на форзац.
Откликаюсь, как аукнется,
И смиряюсь всякий раз.

* * *

Есть на предательство права -
Бывает сила обстоятельств.
Но если преданы слова,
Куда деваться от предательств?

Все, одинаково любя,
Теряем вещи глаголы.
Мы говорим "Люблю тебя",
Как говорят "Люблю рассолы".

И я ведь даже не совру,
Когда вскричу нетерпеливо,
Что через пять минут помру
Без этой женщины и пива.

У вас, несчастные слова,

Я за людей прошу прощенья!
Растет жестокая трава -
Трава глагольного забвенья.

* * *

Ну, пока!
До відзення!
Не пиши, не звони,
Приходи в сновиденья,
Там побудем одни.
Позови меня в гости
В сновиденье к себе
Без печали и злости,
Без претензий к судьбе.
Я все неразличимей
Неконкретней живу,
И куда разлучимей
Мы с тобой наяву.

РОМАНС

Я перейду в воспоминанья,
Сотрутся в памяти черты,
И остроту переживанья
Своих утрат утратишь ты.

Я стану лучше и моложе
В воспоминаниях твоих,
И ничего уже не сможет
Переменить хоть что-то в них.

Я стану сказочной страной,
Я стану гением твоим,
Ты будешь плакать не со мною,
Ты будешь ссориться с другим.

А тот, другой, он будет хуже,
Не так умен, не так учен,
Но тот, другой, он будет мужем,
А я лишь солнечным лучом.

* * *

Это буйство красного цвета –
От тюльпанов и до халата!
Бессердечное буйство это
Нескончаемостью чревато.

Все в глазах моих будет рдеться,
На какую бы синь ни глянуть –
Только сердце,
Красное сердце
Норовит, как тюльпан, увянуть.

ЧТО ДЕЛАТЬ?

Любимая моя мне не верна.
Уйду от неверной любимой.
Но как мне уйти, раз она
Как раз мне и необходима?

Я ветреницу и змею
Другим накажу – изменю.
Но что прорастет из меня?
Как буду я жить, изменяя?

Другая найдется жена.
Зачем мне другая нужна?
Любимая необходима.
Но как же мне быть, раз она
Не раз и не два неверна?
Что делать с неверной любимой?

ОЦЕНИ!

Оцени, как тебя осенила
Распростертая сверху длань.
Оцени! С Голубого Нила
Фараоны приносят дань.

Одаряют щенками сфинксов -
Чистокровных дарят сфинксят!
Не держи ты их в стойлах свинских -
Отличай их от поросят!

А едва ушли фараоны,
Богдыханы к дверям спешат
И ведут молодых драконов -
Не дави ты их, как ужат.

И когда, разорив обитель,
Римский жрец от толпы тайком
Приведет за рога Юпитер,
Ты не путай его с быком.

Оцени! Не одни онучи
Можно выткать себе из льна.

Вон льняные взвились над тучей
И трепещут там знамена!

Но не ценишь ты. Нет, не ценишь!
Равнодушно твое лицо.
Ты Юпитеру в нос проденешь,
Как простому быку, кольцо.

А вокруг будут ржать драконы,
Будут сфинксы молчать в веках,
И взовьются стремглав знамена
У Юпитера на рогах.

ИЗМЕНА

И. В.

А все ж измена много легче смерти.
Ну, предала -
Так ведь не умерла!
Ее в котлах еще не варят черти,
И скорбь тебя за глотку не взяла.
Ты можешь пить без горестного плача.
Не со слезою водка пополам.
Ты можешь спать с другой,
А это значит,
Что мир еще поделен по полам.
Она сама в твоей беде повинна,
Ты пред собою чист, и свят, и прав,
И на любовь прекрасной половины
Ты не утратил первородных прав.
Никто тебя и упрекнуть не смеет,
Ты никому не должен ни шиша.
Она жива.
Но у тебя мертвеет
Бессмертная, казалось бы, душа.

ПРОДАВЩИЦА

Ты сегодня в платье самом ярком.
У прилавка в очередь стоят,
Выбирая женщинам подарки,
Праздничные, бритые мужья.

Нелегко приходится неловким –
Женский вкус мужского мудреней!
И гадают: будут ли обновки
По сердцу для жен и матерей?

Тут всего полшага до ошибки.
И, смущенья больше не тая,
Поверяют по твоей улыбке
Верность вкуса своего мужа.

От тебя зависело – отвергнуть
Иль одобрить выбранный наряд...
... А в поселке до сих пор, наверно,
Женщины мужчин благодарят.

ЖЕНСКАЯ ДОБРОТА

Больные звери заползают в норы
Спасать свои разбитые тела.
Больные звери забывают скоро,
Что их нора от гибели спасла.
А я сама, по сущности, нора,
В меня всегда неслышно заползают
И тихо до какого-то утра
Самих себя во мне они спасают.
Потом они уходят до поры,
Ползут другие вылезшим на смену,
А для меня не вырыто норы,
Я никуда сама себя не дену.
Забраться, что ли, всех перехитрив,
В саму себя?
Но мне давно известно,
Что и тогда окажется внутри
Норы в норе незанятое место.
Что и тогда найдется кто-нибудь,
Что пустоты в природе не бывает.
Всегда кому-то нужно отдохнуть,
И снова кто-то место занимает.

* * *

Н. Х.

В России найдется, быть может,
Хоть выбор как будто не мал,
Лишь пара хорошеньких ножек -
Нам классик однажды сказал.
Наверное, было труднее
Ему на придворном балу -
И платья там были длиннее,
И шлейфы вились на полу.
В стесненьи шелкового плена,
Запутано в юбки хитро,
Упруго томилось колено,
Стыдливо скрывалось бедро.

И не было даже в помине
У модниц минувших эпох
Короткого выстрела - мини
Для эмансипации ног.
Бесчинствуйте, голые ноги!
Сводите народы с ума!
Влеките, как новые боги,
К причастью ряды басурман!
От края высоких сапожек
До кромки коротких плащей
Вся жизнь помещается, может,
И главная сущность вещей.

Е. С.

ОСТРОВНЫЕ СТИХИ

Я на остров Святой Елены
Сам сослался и больно рад.
Из пивной возникаю пены,
Как несбывшийся Бонапарт.
Пропускаю свои моменты,
Сто, и двести, и триста дней,
Распускаю свои Конвенты –
На Елене Святой видней.
Подо мною скрипит Елена
Мокрой галькой у берегов,
Здесь и море мне по колено –
Ни друзей вокруг, ни врагов.

* * *

Крала женщина вниманье –
Крошки со стола чужого.
Это просто клептомания
С эротической основой.
Как сорока побрякушечку,
Блеск глазной в гнездо утащит –
И засунет под подушечку
Иль положит в дальний ящик.

СЕМЬЯНИН

Спешил. И о бабу временем,
На жизнь отведенным,
Хлоп!
Как неприкрытым теменем
С мотоциклета - в столб.

Потом запоздалою каскою
Осколки мозгов прикрыл
И с внуками глупой сказкою
До самой смерти хитрил.

* * *

*Заслоняю вход
Не пускаю в рай,
Будь он проклят, сей
Голубой сарай!
Хоть воткни меня
Задом в трещину –
Не отдам тебе
Эту женщину.
Ю. Мориц.*

Будь ты бог-разбог,
все равно изыдь!
Травяной мешок,
сам ты волчья сыть.
Загоню тебя
в голубой сарай –
Об меня ты рук
лучше не марай,
А не то воткну
гада в трещину,
Будешь знать, что я
есть за женщина.

БАРЬЕР

Мне рассказывал знакомый инженер:
Выступала перед ним артистка,
И лежала рампа, как барьер –
Не хватало смелости и риска.

Подойти бы, за кулисы заглянуть,
Словно платье, разорвать бы там портьеру,
И тогда б открылся б новый путь
В одинокой жизни инженеру.

Бедный, бедный! Он тогда не знал,
Что, взойдя на краешек эстрады,
Оглядев безмолвствующий зал,
Лишь его она достигла взглядом.

И запела песню для него.
Зала просто не существовало.
Мастерство свое и естество

РАЗМЫШЛЕНИЯ

* * *

Близорукий не видит дали -
Даль за дымкою голубой,
Но проникнет во все детали
Близлежащего пред собой.

Дальнозоркому виден берег
В непомерной такой дали,
Что не сразу ему поверят
Капитаны и корабли.

Недоступно простому зренью
То, что ведомо им двоим,
И простое зренье с презреньем
Потому относилось к ним.

А меж тем на любой пригорок
Всех ремесел и всех наук
Подымался, кто дальнозорок,
Подымался, кто близорук.

Удивлялось простое зренье,
На умельцев косилось зло,
Говорило, что - самомненье,
Говорило, что повезло.

... Так глядят они и скучают
И не могут постичь секрет,
Что лишь крайности выручают --
В середине секретов нет.

* * *

Выпить, что ли?
Одна живем!
Хлеб без соли?
Одна жуем!

НОЧЛЕГ В ГОРАХ

Над горою струйки дыма -

Крепкий, видимо, табак.
Облака хромают мимо,
Словно пьяницы в кабаке.

Может, бьется над кострами
Накипевшая вода,
Может, свисла над горами
Черномора борода...

Может, может... Все там может!
Отчего бы там не мочь?
Вот уже вершины гложет
Голодающая ночь.

А в теснинах, а в теснинах –
Темнота и чернота,
Постоял я, рот разинув,
Не увидел ни черта.

Почему пришел я в горы
И остался ночевать?
Почему не еду в город
На удобную кровать?

Почему нас кто-то тащит
По оврагам и лесам?
Человек, как черный ящик –
Что внутри, не знает сам.

Не изведаны процессы,
Не известен результат –
Все считается прогрессом,
Даже пятиться назад.

ВЕРЛИБР КАРАТЭ

Каждый человек
может обучиться каратэ.
Каратист протыкает пальцем доску
и разрубает ребром ладони кирпич.
Почему же тогда запрещено
ношение шпаг и мечей?
И почему бы человечеству
не отрастить рога и клыки?
Это при современной генетике,
говорят, достижимо.
Во всяком случае,
каждый человек
может обучиться каратэ,

что, собственно, - одно и то же.

СВИСТ

Змей завораживает свист,
Как завораживает твист,
Как завораживает марш
Шагающих пехотных рот,
Как завораживает фарш,
Когда ты, как голодный кот.

Змей замораживает свист,
Как замораживает лист
Случайно выпавший мороз,
Когда не сброшены листья,
Как замораживает хвост,
Когда не спрятаны хвосты.

Змей затормаживает свист,
Как тормозит мотоциклист,
Когда свистит ему во след
Сотрудник грозного ГАИ,
Как затормаживают свет
Тумана сизые слои.

Но почему свистят на змей
Со всех ступенек и скамей?
И почему из всех семей
Свистки воздействуют на змей?
И тело длинное змеи
Похоже на застывший свист,
И рассуждения мои
Имеют свой подспудный смысл.

* * *

Живут поэты и пророки
Среди обыденных людей.
У них ужаснее пороки
И добродетели святых.
Где человек едва споткнется
О незначительный порог,
Там упадет и разобьется,
И ляжет там костью пророк.
Где человек приоткрывает,
Чтоб вынуть мелочь, кошелек,
Там душу под ноги бросает
И сердце достает пророк.
Иные помыслы и нужды,

Иных костров неверный дым.
Они - пророки.
Но не чуждо
Все человеческое им.
Их леденят морозы злые,
Их глушит громами гроза,
И смотрят женщины земные
В их запредельные глаза.

АВТОПОРТРЕТ

И вдруг различаем сквозь тину
Бесцветных, казалось бы, лет
В безжалостных красках картину,
Контрастный и ясный портрет.
И выводы, выводы, выводы
Из мыслей, поступков и дел,
Как будто встревоженный выводок
Над тихим болотом взлетел.
То словом, то смехом, то дрожью
Являем свое естество,
И каждый, как тайный художник,
Рисует себя самого.

* * *

Ходило время по путям земным
И души у живущих холодило –
Зачем оно сегодня приходило?
И что назавтра вслед придет за ним?

Но всякий раз под новым псевдонимом
Встречаем мы все тех же дураков,
Все тех же хитрецов и знатоков
При том же их занятии любимом:

Из замков их и из-под их замков
Они глаза нам застилают дымом
И лысины свои топорщат дыбом,
Чтоб не узнали мы, кто есть каков.

Наивное, доверчивое племя –
Как будто можно объегорить время!

* * *

Великое таинство мира,
Великое чудо земли –
Гляжу изумленно, как мимо

В коляске его повезли.
Как все непростительно плоско,
Как непостижимо легко!
Как просто сквозь красную соску
Сосет он свое молоко!
Владелец земель и заводов,
Властитель орудий и бомб,
Венок всемогущей природы
С бессмысленно сморщенным лбом.
... Какого огромного роста
Младенцев коляски везут!
Какие огромные соски
Они непрерывно сосут!
Как много им надо игрушек!
Какие вздувают шары!
С какой беззаботностью рушат
В младенческих играх миры!

ЗАЧЕМ?

На свет рождается дитя,
Ложится в гроб старик,
Мы начинаем спор шутя,
А переходим в крик.
Мы начинаем жить светло,
А переходим в мрак,
Разумно наше ремесло,
Как принцип "Сам дурак!".
Природу пробуют обнять
Великие умы.
Но одного нельзя понять --
Зачем природе мы?
Что мы внесли в круговорот
Естественных веществ?
Зачем понадобился род
Таких, как мы, существ?
Нам нужен гений и пророк,
Лопата и ковчег,
Но а Земле какой в том прок?
Планете мы зачем?
Мы проползаем по Земле,
Как вши по голове.
Зачем мы птице и змее?
Граниту и траве?
Так неужели все затем,
Чтоб нас похоронить,
И тем химических систем
Стабильность сохранить?

* * *

Чего мы боимся – проказы?
Холеры? Бубонной чумы?
Какой небывалой заразы
Страшимся панически мы?

Каким непристойным безверьем
В себя мы должны поражать,
Чтоб, сидя за запертой дверью,
Куриною дрожью дрожать!

Выходит, что ветер оттуда,
Из окон соседних Европ
Несет нам такую простуду,
Что надо заказывать гроб?

Дурного пугаемся глаза -
Не испортили б нам молодца!
Как будто у молодца разум
Остался в котомке отца.

Как будто помянут Ивана –
И собственный дом нипочем,
И он побежит, окаянный,
Бегом за чужим калачом.

Умаявшись в тягостных тяжбах,
Схватились однажды за лоб:
Так что же, по-вашему, каждый
В душе своей беглый холоп?

Россия не красна девица,
Не сманишь ее леденцом,
Пусть лучше дрожит заграница
Над собственным желтым птенцом!

ШЛЮПКИ ПРОВЕРЯЮТСЯ МОРЕМ

Мы с тобою оба, наверно,
Чутьочку друг другу не верны,
Если на словах доверяем,
А исподтишка проверяем.

Знаем мы с тобой без сомненья –
Мир бывает лучше движенья,
Так зачем же снова нам биться,
Чтоб того же мира добиться?

Нам с тобой известно заране,

Как нехорошо, если ранен.
Так зачем колоть беспрестанно,
Чтоб затем залечивать раны?

Что огонь не только лишь светит,
Знают даже малые дети.
Так зачем своими руками
Мы опять беремся за пламя?

Я пока тебя проверяю,
Может быть, себя потеряю,
А пока себя проверяю,
Может быть, тебя потеряю.

ПЕРЕХОД

Плывет зубчатый лист
По траурной воде –
Случайный нигилист
При рыжей бороде.

Случайные слова
Средь высохшей травы –
Печальные права
Соломенной вдовы.

Невытопанных клумб
Случайные ковры,
Нечаянный Колумб
Заходит во дворы.

Открытие окон
В случайную жару,
Неписанный закон –
Когда-нибудь умру,

И будет красный свет
Сигналить с тополей
Над сыростью газет
И серостью рублей.

* * *

**Вынули кита из океана,
Подали киту стакан воды.
И. Сельвинский.**

Согласен, заранее согласен
Пройти, испытать, претерпеть
На хлебе, на редьке, на квасе

Прикованным на цепь сидеть.
Умыться и потом, и кровью,
Ходить с запечатанным ртом,
Расстаться с последней любовью,
Но что совершится потом?
Великие боли и слезы,
Пролитые в лоно земли,
Каким драгоценным навозом
На грядки какие легли?
Какие такие бананы
В каких огородах взрастут?
Какие такие стаканы
На пасхах каких поднесут?
В которых прудах-водоемах
Придется плодиться китам?
В каких небывалых объемах
Объявится: "Аз те воздам!"?

* * *

Назвать – значит не быть.
Из философии.

А безымянный мир прекрасен.
Какая разница – кто он?
Который дуб, который ясень,
А кто, быть может, даже клен?
Деревья, люди, человеки,
Народы, континенты, лес...
Как в разбазаренной аптеке,
Где свод лекарственный исчез.
Где перепутаны пилюли,
Микстуры, свечи, порошки,
Глотай подряд, соси любую
От носа до прямой кишки.
Не надо наименований,
Годится всякая жратва.
Хрустят в чудовищном комбайне
Колосья, клубни и ботва.
Мир без названий, без отметин,
Без биографий и примет.
За одного мы все в ответе.
Но вот кому давать ответ?

А НА ПОСЛЕДОК...

ДОЛГИ

Пред Родиной в вечном долгу. Из песни.

Передо мною Родина в долгу.
За все мои напрасные тревоги,
За все мои несчастные дороги,
За то, что руку подаю врагу,
Передо мною Родина в долгу.

Передо мною Родина в долгу
За то, что так живу на этом свете,
За то, что я в беде и я в ответе,
За то, что лицедействую и лгу.
Передо мною Родина в долгу.

* * *

Придите,
возьмите,
спасите –
Раскроюсь,
отдамся,
рожу.
Узнайте,
взгляните,
спросите –
Приду,
помогу,
расскажу.
Но где там!
Но нету
ответа,
И сами
с усами
вокруг.
Ну, ладно.
Ну, что же.
С приветом!
Прощайте,
товарищ
и друг.

* * *

Оставайся, город мой. На плаху,
На костер пойду – не утрашусь,
Изношу последнюю рубаху,
Но к тебе обратно не вернусь.

Город и неумный, и жестокий,
Площадные грязные бои,
Город, избивающий пророков,
Храмы разрушающий свои.

Город мракобесья и запретов,
На века застывший холуем,
Город, умертвляющий поэтов
В чреве загнивающим своем.

Женщина продажная и злая
Для меня теперь в твоём гербе,
А медведь с герба собакой лает,
Позабыв секиру на горбе.

* * *

Вот и пора нам с подножки слезать.
Жизнь быстротечна.
Что же о ней нам друг другу сказать?
Правду, конечно.
Но перепуталась тысяча правд
В старой карете,
Как корневища не выросших трав,
Вымыслы эти.
Разве однажды догадка блеснет
Быстрым кинжалом,
Словно пчела для себя же несет
Смертное жало.
Жизнь протекает, как чайник течет,
С дыркой на днище,
Вот затаился последний отчет
За голенищем.
Вы говорите, что жизнь прожита?
Лжете, конечно,
Нет на планете вечнее Жида,
Чем быстротечность.

* * *

Конечная цель – исполнение желаний,
Последняя станция в трудном пути,
Где каждый достигнет,
Где каждый достанет,
И каждому некуда станет идти.
А сердце не верит, а разум не хочет,
Душа изнывает в последней тоске –
Последняя строчка.
Последняя точка,

Как дырка от пули в виске.

ВТОРОЕ ЗРЕНИЕ

Однажды раскрываются глаза,
Однажды свет врезается иначе,
И невозможно толком рассказать,
Я зрячим раньше был
Или незрячим.
И если раньше видел белый свет,
То что сейчас передо мной такое?
А если нет,
То как же столько лет
Я не был слепотой обеспокоен?
Второе зрение -
Как оно нужно!
Как бегуну дыхание второе!
Казалось, вот уже совсем темно,
Уже и солнце скрылось за горою,
И ты влезаеть на гору, спеша,
Цепляясь за последние полоски,
И больше нечем видеть и дышать,
Вокруг одни сплошные отголоски,
Но вот оно!
Представьте, за горой
Второе солнце в небе показалось.
... Теперь еще бы век прожить второй,
А то уж мало первого осталось!

Юрию Герту.

Из дружеских теплых рук
Магический создан круг.

Когда умирает друг,
Тесней ставится круг.

Со страхом гляжу вокруг -
За другом уходит друг.

За другом уходит друг -
Петлей сжимается круг.

* * *

Так вот что мучает меня,
Вот что меня томит,
Как будто прячу у огня

Гремучий динамит –
Я болен, что по городам
Бесследно прохожу.
Своих следов не вижу там,
Следов не нахожу!
Повсюду отпечатки ног,
Копыт, подков, колес,
Следы от кованых сапог
И от девичьих слез.
Следы правителей видны,
И полководцев след,
Следы строительства и войны.
А шел ли ты, поэт?
Материален мир и груб,
Практичен и суров –
Не отыскать следов от губ,
Тем более, от слов.
Хоть и читают чудаки
Тебя друг другу вслух,
Ты плетью узенькой строки
Не перешиб обух.
Давно потерял книгам счет,
Как счет могильных плит ...
Закрой, как крышку, переплет,
Рассыпь, как прах, петит!

* * *

Обмани меня, обмани,
Обманите меня, пожалуйста!
Чтоб над омутом огни
Зазывали меня без жалости.

Чтоб от праведников тайком
Поманила меня улыбка,
Чтоб считалась она потом
Роковой моей ошибкой.

Надоела суровость правд –
Пусть наврут с три короба листья:
Луговая путанность трав
Непреложней ученых истин.

Надоела правда искусств,
Мизансцен, партитур, полотен,
Безоглядная лживость чувств
Справедливей реальной плоти.

Обмани меня, обмани!
Лги безжалостно, лги безбожно,

Прямо в душу мне загляни,
Отрави меня сладкой ложью,

Чтоб, основываясь на лжи,
Чтоб, основываясь на сказке,
Я сто лет собирался жить,
Может быть, за час до развязки.

* * *

Человек не доживает.
Жил вот жил и не дожил.
И о том переживает,
Даже если старожил.

Тот до правнуков не дожил,
Тот до пенсии не смог,
Тот итог не подытожил,
Тот не вышел за порог.

Обязательно не хватит
Малой толики пути,
Хоть скончайся на кровати,
Хоть под поезд угоди.

Удивляюсь осторожно,
Не могу никак решить,
Как же это? Разве можно
До всего дожить?

ПРИЗРАКИ

Мне нравятся белые призраки
В тяжелых старинных домах,
Они как последние признаки
Исчезнувших ценных бумаг.
Они как последние истины
Каких-то пропавших наук,
Они как давнишние выстрелы,
В которых утратился звук.
Когда заболею и при смерти
Пойму, что надвинулась тьма,
Уйду потихонечку в призраки,
Наймусь караулить дома.

* * *

Теперь могу и умереть.
Не потому, что славно пожил,

Не потому, что стала смерть
Приятней жизни и дороже,
Не потому, что мой удел
Плачевен и неинтересен –
Я просто-напросто успел
Сложить два-три десятка песен.
Я просто-напросто могу
Предать бумаге и огласке
Две-три главы из вечной сказки,
Перед которой мы в долгу.
Уж слово сказано – считай,
Что я за этим и приехал.
С приветом! Я прокукарекал,
А дальше хоть не рассветай.

* * *

Воды катятся книзу,
Вверх ползут облака.
Мне б транзитную визу
Получить на века.
И вдогонку за тучей,
За водой напролом
Где-то гадом ползучим,
Где-то вольным орлом,
Где перекаати-полем,
Где как трубочный дым...
Как я, Господи, болен
Белым светом твоим!

АЗИЯ

* * *

Стало быть, крути, завязывай
Все узлы дорог и рек -
Меж Европою и Азией
Ходит-бродит человек.
И не то, чтобы могущество
Непомерное дано,
Но, однако, преимущество
Тут имеется одно:
Он Европу мерит Азией
И потом наоборот,
Красоту и безобразие

Видит прямо от ворот.
Взгляд прохожего, заезжего
Испокон веков острей,
Доставалась глазу свежему
Почесть даже от царей.
И точнее, чем учебники
И ученые мужи,
Знают истину кочевники,
Пилигримы и ходжи.

ДРОМАДЕР

Предо мною стоит верблюд.
О верблюде что знает люд?
Что плюет он на все с губы,
Что растут у него горбы?
У верблюда в глазах укор.
Дромадер ты мой, дромадер!
В лес тебе бы ходить по грибы,
Ну, а мне бы твои горбы,
Чтобы класть туда про запас
Все, что есть у меня сейчас,
Чтобы в черный, голодный час
Тот запас
От бездумья спас.

ЖАН И МАЛ

В приветствиях древних -
Народов судьба.
Звучало над степью
«Мал, жан аман ба?».

«Цел ли скот,
Здоровы ли люди?» -
Вот как по-русски
Приветствие будет.

Возглас этот,
Как степи, стар:
Шел человек
Позади отар.

Пуще жизни
Хранил овец,
А без овец
Самому конец.

Вот и звучало
Судьбой раба:
«Мал, жан аман ба?»,
«Мал, жан аман ба?».

Не возражаю я
Против стад –
Сам изобилью
Степному рад.

Сам с удовольствием
Съем беспармак,
Только приветствовать
Стану не так:

«Аман ба жан, мал?»
«Аман ба жан, мал?».
Простите, лингвисты,
Если наврал.

Выверну фразу
Наоборот:
«Здоровы ли люди?
Цел ли скот?».

СТРАУС

Он прячет голову под крыло
В наивности голубой.
Какие бури когда несло
Над глупою головой?

Забавен издали силуэт -
Стоит двуногий живот...
... А он четвертую сотню лет
Под этим крылом живет.

СУРА

Точно знаю, что восточная,
Но не помню только, точно чья,
Была мудрость, была праведность,
Всем она как будто нравилась.
Занесли тогда в закон её.
Где закон – там беззаконие!
Ото зла пошли любить козла...
И тогда-то дурость выползла.
Точно помню, что восточная,
Но не помню только, точно чья?

* * *

Я учусь у Востока мудрости,
Я молчанью учусь и мужеству,
Я запомнил седую женщину
Над степною могилой –
Ни слезинки седая женщина
На могилу не проронила.
Лишь застыла каменной бабою,
Лишь лицом становилась жёлче...
Видно, в голос рыдают слабые,
Видно, сильные плачут молча.

Аксакалы айран глотали,
А под юрты вползала жуть:
На джайляу,
Там, на джайляу,
Джут.
Но не дрогнуло ни морщины
По кирпичным щекам –
Так встречают беду мужчины,
Дрожь оставив щенкам.

Мы с тобой по степи проехали
Столько верст,
Что считать их нужно парсеками,
Как до звезд.
Мы тащились в песках по месяцу,
Дохли кони,
Но кому суждено повеситься –
Не утонет.

И пока чьи-то нити дергают
За кулисами,
Мы сидим в кошме потертой
За кумысом.
Краток век у кошмы иль долог –
Я не знаю,
Только змеи на этот войлок
Не вползают.

Здесь барханы, как лбы мыслителей,
В складках строгих,
А верблюды важны, медлительны,
Как пророки.
И на все отрешенно, издали
Смотрят скалы,
Как постигшие мудрость истины
Аксакалы.

ТВОРЧЕСТВО

* * *

Предо мною машинка -
Загадочный пульт управления.
Сюрреально мерцанье
Холодных и трепетных клавиш.
Я сажусь за нее,
И включаются все измерения,
Замыкаясь на мне,
Лишь на клавиши пальцем надавишь.
Я один на один
С первозданностью чистой бумаги,
Как Всевышний Господь,
Отделяющий свет ото тьмы,
Создаю мирозданье
И старым, бездомным бродягой
Прохожу по нему,
Изумляя сердца и умы.

АКВАРИУМ

Слова, как рыбки золотые,
По морю синему плывут,
И ловят их на запятыя,
В стихи, как в неводы, берут.
Потом в аквариумы книжек
Их запирают под стекло,
И на столе от рыбок рыжих
Неиссякаемо светло.

ЛЕС

Добротные, дремучие слова:
И зарево,
И урево,
И марево,
И ухаает в урочище сова,
И плюхает в котле густое варево,

И бродит лысый леший по лесам,
По зареву,
По мареву,
По уреву,
И по пятам за ним
Хожу я сам,

Тоскуя по истраченному куреву.

И негде папиросу попросить
Ни в уреве,
Ни в мареве,
Ни в зареве,
И жаль слова из лесу выносить,
И жалко ими дома разговаривать.

* * *

Художник духом воспарит
Над просинью осок
И семицветие палитр
Расплещет на песок.

А музыкант услышит даль.
И колыханье трав
Падет однажды на рояль
Гербарием октав.

А на меня по морю ржи
Накатятся меж тем
Приливы правд,
Отливы лжи,
Валы проблем и тем.

Внезапной истиной кольнет
Падучая звезда,
И тайной трусостью вильнет
Дорога у пруда.

Я буду долго сторожить
Двуличие реки
И мыслей быстрые стрижи
Пускать из-под руки.

Закину спутанную сеть
Логических задач,
Диалектически висеть
В ней будет сбитый грач.

Увижу бороды царей
В державности дерев
И когти вымерших зверей
На треснувшей коре.

Узнаю, как зовут иуд
У стареньких осин –
И это будет мой этюд,

Скупая проба сил.

ЗНАКИ

Я вижу природные знаки,
С небес прилетевшие вниз,
Я слышу старинные враки
Про якобы символизм.

Туман опускается сивый,
Собою сокрыв буерак.
И это не будет ли символ?
И это не станет ли знак?

Меж тучами молния брызнет,
И громом заклинит виски –
И снова – не нашей ли жизни
Осколки гремят куски?

Лежит не по собственной воле
Оброненный деревом лист,
А следом все боле и боле
Растет из меня символист.

СКУЛЬПТОР БАЛДАНО

Л. Е.

Была шершавая доска
Прибита к старому крыльцу.
Но в ней жила еще тоска
По человеку и резцу.

И в глубине иссохших жил
В ней изнывал, как арестант,
И никому не зримый жил
Корнями впитанный талант.

Бродили замысли земли
В останках старого ствола,
Вокруг в седеющей пыли
Природа бывшая жила.

Томилось толстое бревно,
Торчал, как зуб, угрюмый пень,
Но Суренжава Балдано
Пришел в один прекрасный день,

И от волнения обалдев,
Он услышал, как изнутри
На языке своих деревьев
Они кричали: посмотри!

Прорежь нам узкие глаза,
И рты гримасами скриви –
И образы, и образа
В плоти предстанут и крови.

... Произрастаем, как грибы,
Не знаем, что нам суждено,
Уходят доски на гробы,
А рядом ходит Балдано.

МЫСЛИ О МЫСЛЯХ

I.

Наивно, первобытно, по-младенчески,
Как в раннем детстве к первому цветку,
Бегу я к мысли, издали замеченной,
Сквозь чью-то непролазную строку.
Цветные мысли зелены и розовы,
Желты хлеба и поднебесна синь.
Белеют мысли ясными березами,
Пестреют мысли ситцами осин.
Я вью венки из мыслей и букетами
Слагаю их в высокие стога,
И мысли в небе мечутся кометами
И выпадают в сонные снега.
Мой мир извилин!
Со своими Альпами,
С песком пустынь
И влагой Сыр-Дарьи,
Расти цветы!
Цвета цветов накапливай
И с безрассудством юности
Дари!

2.

Мне в детстве наврали про мысли,
Про то, что они бестелесны,
Что мысли в сознании повисли
И контуры их неизвестны.
А мысли - такие же люди,
А мысли - такие же звери,
А мысли страдают и любят,

А мысли блуждают и верят.
Бывают наги и - одеты,
Бывают прямы и - горбаты,
Бывают бедны и бездетны,
Бывают жирны и женаты.
А я их по имени знаю,
Я пью с ними пиво в буфете,
Толкаюсь в набитом трамвае,
Портреты их вижу в газете,
Хожу к ним по праздникам в гости,
К себе приглашаю охотно...
И вы мне, пожалуйста, бросьте
Про то, что, мол, мысли бесплотны.

3.

Слова и мысли по родству - троюродны.
Не близкая, по сущности, родня.
Меж ними нет согласия обоюдного,
Как нет его у дыма и огня.
Чем жарче мысль,
Тем меньше дыма стелется -
Чадят сырые на костре дрова.
Пока огонь с водою канителится,
Столбом стоят белесые слова.
Но лишь огонь
Взметнется красным ворохом,
Дым исчезает, словно домовый.
Да будет мысль сухим бездомным порохом,
А не учебной шашкой дымовой!

* * *

Вчера я слушал графомана.
Был смутен стиль,
Нечеток слог.
Не мог связать он без изъяна
И четырех простейших строк.
Ползли дремучие длинноты,
Трещал словесный бурелом,
Но с неподдельною охотой
Ему внимали за столом.
Меня корбило от злости,
Я, словно чайник, закипал,
Но в такт ему кивали гости -
Куда я, господи, попал!
Я слушал. И по мере чтенья
Вскрывался радостный обман
Того вниманья и почтенья,
В котором плавал графоман.
Здесь каждый думал: "Я не хуже!"

Ей-ей, не вру,
Ей-ей, не лгу!
Когда немножко поднатужусь,
Получше вашего смогу!".
И это сразу покоряло
Неискушенные сердца,
И это сразу примиряло
Поэта с массой до конца.
И был он в праздничном застолье
Полезен и необходим,
И был он тою самой солью,
С которой варево едим.

ГОРШКИ

Обжигают нас не боги,
Мы обычные горшки –
Так не будьте слишком строги,
Не казните за грешки.

Где-то лопнем, где-то треснем,
Скособочась под огнем,
И неправильные песни
Под парами запоем.

Хоть кого судьба состарит
И поставит на полок,
Но у нас, однако, варит,
Недобитый котелок.

Наши трещины ощерят
Обожженные клыки –
Превратиться старый череп
В молодые черепки.

В подземельные потемки
Нам придется уходить,
Но со временем потомки
По горшкам начнут судить.

ХОД МЫСЛИ

В утрамбованном смысле
Пробирается крот,
Прорывает для мысли
Свой немислимый ход.
Полон темной отваги,
Повторяет во мгле

Светлых молний зигзаги
В беспросветной земле.

* * *

А музыка неистребима,
А музыка – как детский смех,
А музыка необходима
Для них, для нас, для вас, для всех.

Когда военного хорала
Концерт неслышанный звучал,
«Опять «Катюша» заиграла», -
Солдат солдату замечал.

И отступали канонерки,
И замолкал аэродром,
Но оставались Баядерки
И полковых оркестров гром.

Идут военные парады
И тянут пушки тягачи,
Но лязга гусениц не надо,
Пуускай играют трубачи.

ДЕНЬ ПОМПЕИ

И стал последний день Помпеи
Для русской кисти первым днем.
А. С. Пушкин.

1.

Все смертно:
И мысли, и чувства,
И боги сменяют богов.
И только творенья искусства
Не имут себе берегов.
Не имут ни тлена, ни срама,
Безгрешен и камень, и стих.
Позорны кровавые драмы,
Свято отражение их.
И все мировые свершенья
Погибли бы в вечной пыли,
Когда бы себе отраженья
В холстах и листах не нашли.
И мерой любою измерьте,
Как жил и что делал народ,
Но только художник бессмертье
Родному народу дает.
И только творенья искусства

Не имут себе берегов...
... Все смертно –
И мысли, и чувства,
И боги сменяют богов.

2.

Художники, мыслители, поэты!
На свете войны,
 праздники,
 чума –
Но это все
 лишь новые сюжеты,
Всего лишь темы
 будущих Дюма.

Роняем наши будничные фразы,
Свои делишки делаем хитро...
Не сознает грядущий Карамазов,
Что Достоевский взялся за перо.

Нам в наши лбы и не приходит даже,
Хоть проживи мы полтора года лет,
Что есть художники и персонажи –
Иных делений на планете нет.

А между тем из-под развалин Трои
Во всей реалистической красе
На землю возвращаются герои
Мифических доселе одиссей.

Ко мне наведни в затхлом городишке
В гостиницу явился Хлестаков.
Похвастал, перекинулся в картишки,
Разжился трешницей и был таков.

И я, строча сейчас стихотворенье,
Кто я такой, установить не смог -
Лирический герой произведения
Иль сочинитель этих самых строк?

3.

Не сознают волшебники и маги,
Что чародейства их и чудеса,
Не закрепи их строчкой на бумаге,
Как легкий дым, уйдут под небеса.

Богатыри ристалищей старинных,
Властители полей, лесов и гор
Остались только в сказках и былинах,
Родили только эпос и фольклор.

И вся земля в своем коловращеньи
Одним лишь тем, наверное, права,
Чтобы сумел художнический гений
От естества

дойти до мастерства.

ТРИ ЗАВЕТА

«Юноша бледный со взором горящим,
Ныне даю я тебе три завета» -
Если не нравятся, выбросишь в ящик,
Если понравятся, будешь поэтом.

1. Поэтом можешь ты не стать.

Ты гражданин.

А это значит,

Что если бросишь сочинять,

Никто б этом не заплачет.

2. При бедности пейзажа

Не выручает Фет –

Он не ломбард и даже

Пока что не буфет.

3. Не тема для пророчества

Свое же имя-отчество.

* * *

Алкоголизм – хоть имя дико,

Но мне волнует кровь оно.

Почти по классику.

Из пальца не высосать строчки,

Не взять ее с потолка,

Сосите ее из бочки,

Гоните из коньяка.

Взгляните на дно фужера –

Не там ли плывет строка

Ямбического размера

Классического стиха?

Налейте бокал сонета,

Добавьте стакан октав.

Непьющих поэтов нету.

Непьющий – домоуправ.

ПРАКТИКА ПЕРЕВОДА

Разбирается здание,
Остается кирпич -
Матерьял созидания,
Остальное – оприч.
Все обои – в обрывки,
Штукатурку – в труху,
Деревянной обшивки
Отыскать не могу.
Только голая схема,
Только старый кирпич,
Повторенья системы
Никому не достичь.
Будет заново сделан
Распатроненный дом.
Эти новые стены
Мы покрасим потом.
Глянет старый строитель
И от горя запьет,
Попадет в вытрезвитель
Иль жену изобьет.

* * *

Приходите, критик милый,
В воскресенье на чаек,
Повытягиваем жилы,
Потягаемся часок.

Подслащенную пилюлю
В вашу чашку подложу
И рассыпчатую дулю
На закуску предложу.

Приходите, милый, в гости,
Я давно у вас в долгу.
Перебьем друг другу кости -
Будет общее рагу.

* * *

*И настала эпоха сплошной электрификации –
Всем стало все до лампочки.*

Из анекдота.

Был гвоздь в моем сапоге
Кошмарней фантазий Гете.
Воспеть бы его в тоске,
Но чтой-то петь не охота.
Подумаешь тема – гвоздь!

Туда ли злости излиться?
Но что же такое злость?
Какая такая птица?
Опять не за то берусь.
А где это что-то надывать?
Рифмуется слово «грусть»
С поджаренным словом «рыба».
Заслуженный оптимизм –
Запасливый каптенармус,
По лесенке подымись,
Пока я внизу оправлюсь.
Над лесом горит заря,
Играют, как хвост, форели,
Заря нам до фонаря,
И так мы офонарели.
Писатель, войди в буфет,
Перцовкой на рубль утешься,
Пускай издается Фет,
Пускай продается Пешков.
Демьяны уже не бедны,
Максимы уже не горьки,
Скользим по хребту страны
На саночках с детской горки.
Да здравствует снежный наст,
Выдержавший полозья,
Кривая вывозит нас,
Куда-нибудь да вывозит.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АВТОБУС

Розовощеки и выбриты чисто,
Расположась на переднем сиденье,
Едут в бессмертие два очеркиста
С правом прохода во все помещенья.
Рядом трясется почтенный прозаик,
Что-то в блокнот заноса по привычке –
Всю свою жизнь сочинял он про заек,
Ныне задумал роман о лисичке.
В поручень носом уперся сатирик,
В хмуrom безмолвствии шутку рождает,
И отраженный на никеле мирик
Он, в свою очередь, сам отражает.
Ногу поэту прихлопнули дверью,
Скорбь у него оттого мировая,
И произносит он речь о доверье,
Всхлипами мысли свои прерывая.
Баба какая-то едет с авоськой
(Тоже, наверно, весьма даровита!),
Что-то давно и занудливо просит

* * *

Великие страсти планету,
Как спелую грушу, трясут,
И падают наземь сонеты,
Как будто повестки на суд.

Судите влюбленных и гневных!
Свидетель, активней кричи!
Следите при солнцах полдневных
За тем, что рождалось в ночи.

Я выверну душу наружу –
Пускай на позоре душа.
И силу ее обнаружу,
Кого-то в объятьях душа.

И ахнет встревоженный зритель,
Читатель печальный вздохнет,
И глубже в пиджак или китель
Себя самого запихнет.

* * *

Не ной в стихах, поэт,
Пусть только сердце ноет.
Страданье не сонет,
Оно совсем иное.

На боль размера нет,
Ни ямба, ни хорея,
Не ной в стихах, поэт,
Болея и старея.

Осталась тыща бед
От праведного Ноя.
Не ной в стихах поэт,
Нет праведного ноя.

БАСНИ

В подтекст, как в ящики, забиты,
Теряя звуки и права,
Как в казематах Моабита,
Томятся узники-слова.

Им надоели ухищренья,
Простым, бесхитростным словам.
И скажет Слово, что отмщенье
Я, то бишь Аз,

само воздам!

ОДА АНЕКДОТУ

О, авторы расхожих анекдотов -
Как безымянный автор колеса!
Нам все равно, откуда ты и кто ты
И под каким созвездьем родился.

Но до сих пор бегут-бегут колеса,
Но до сих пор хохочут за столом.
Умрут деревья, высохнут колосья,
Архитектура спишется на слом,

Погаснут звезды, бомбы устареют,
Сорвутся горы, высохнет вода,
Но анекдот про старого еврея
Неистребимей Вечного Жида.

Через века без имени и отчеств
И без отчеств по земле идет
Надежнейший из всех народных творчеств -
Затасканный расхожий анекдот.

Его создатель не получит льготы,
Не обрстет ни славой, ни рублем.
Писатели, пишите анекдоты -
Они одни не порастут былъем!

* * *

Когда поэт свой первый стих слагает,
В волненьи весь,
Он в этот миг и не подозревает,
Каков он есть.

Когда о нем в журналах и газетах
Пойдет молва,
Не скажут правды о стихах поэта
Ничьи слова.

Когда он сам в итоге всей дороги
Составит том,
Одни сомненья и одни тревоги
Сольются в нем.

И, наконец, незнанием терзаем,
Поэт умрет,
И для него слова: «Помрет – узнаем» -

Не анекдот.

* * *

Условный жаргон перевода
На русский язык и на тюркский,
Свою исказивший природу –
Не яркий себе и не тусклый.

В своей усредненной стихии
Он ходит в словарных калошах –
Бывают стихи неплохие,
Стихов не бывает хороших.

Стихов не бывает отвратных –
Вскормил словеса литератор
Там не молоком, а обратом
И гонит, как сепаратор.

РУБИЛЬНИК

Люблю надежные слова,
Но более всего
Такие, где в свои права
Вступает естество.
«Рубильник».
Взять и разрубить.
Бесспорность топора.
«Рубильник».
Больше не любить
Все, что любил
Вчера.
Безоговорочное
«Стоп!» -
Как для микроба –
«Йод».
Как будто черепом
Об столб.
Как «Не влезай – убьет!».

* * *

Снимите шляпу, господа!
Зажгите свечи!
Я приглашаю вас сюда
Почтить дар речи.
Благословенный дар небес
Недаром даден –
Цивилизация словес
На радость дядям.

Я отменяю голоса
Из кровной мести –
Пусть поместятся словеса
В коротком жесте!
Слова убьют однажды нас,
Когда не мы их.
Пускай приходят на Парнас
Глухонемые.
Пусть объяснят на кулаках
И суть, и дело,
Все человечество пока
Не обалдело.

* * *

Я, как девка на выданье,
Засиделся в невестах,
На сидении выдавлен
Слепок мягкого места.
Мне пора бы уж в прерии,
Мне пора бы в пампасы,
Но опять вместо премии
Получаю авансы.
Все авансы истрачены
В ожиданьи зарплаты,
На штанах обозначены,
Как медали, заплаты.
Дохожу я до точки,
Вероятно, досрочно,
И опять мне за строчки
Не доплатят построчно.

ПОТОЛОК

Мне нужно сонетов
Измыслить венки.
Сижусь до рассвета,
Гляжу в потолок.
И вижу я, как
Посреди потолка
Свиваются рыжие
Плети венка.
О, верный и преданный
Друг-потолок,
Мой первый стихами
Покрытый листок!
Грядущего сборника
Титульный лист,
Ты только для дворника

Явственно чист.
На самом же деле
Незримо туда
С полов и постелей
Слетались года,
Сердец и печей
Подымалось тепло...
А сколько речей
Под него занесло!
Не зря же,
Оценку давая строке,
Мы скажем опять
О ее потолке.

ТОСТ НА ТОЕ

Уеду в Азию заведовать поэзией
Назло различным разлинованным Европам.
Наверно, в Азии поэзия полезнее,
Пускай Европы пробавляются Эзопом.
Пускай растят они в своих карманах кукиши,
Поскольку их добро должно быть с кулаками,
Пускай гадают футурологи о будущем,
А будущее спуталось с песками.
А в будущем грядет археология,
А в будущем свирепствуют историки,
Остатки вашей трапезы убогие
Они поставят в будущем на столики
И, землю стетоскопами прослушая,
Уловят, как ристалища стихали...
... А мы меж тем еще барашка скушаем,
О чем вам и поведаем стихами.

* * *

Итак, задается нелегкий вопрос -
Застольный придется выдумывать тост.
Хорошие мысли рождаются сразу -
"Да здравствуют музы, да здравствует разум!".
Прекрасная фраза! Но жалко, что это
Я где-то читал у другого поэта.
«Так будьте здоровы, живите богато!» -
И это написано было когда-то.
Казалось, я что-то придумал уже,
Но это "уже" сочинил Беранже.
И даже простому: "Налей, брат, налей!"
Исполнился двухвековой юбилей.
Впервые спускаюсь я до плагиата:
- Так будьте!

Налейте!

Живите богато!

* * *

Сижу и акынствую у Балхаша -
Что вижу, о том и пишу.
Какая-то лодка плывет не спеша,
И я никуда не спешу.
Тихонько накатит на берег волна,
Откатит от берега прочь.
Туда и обратно гуляет она,
Весь день и, наверно, всю ночь.
Рыбешка беспечно клюет на крючок,
И, глазки сощутив хитро,
Таскает рыбешку смешной старичок
В свое золотое ведро.
А солнце играет на жести ведра
И стекла в домах золотит,
И мне возвращаться настала пора,
Поскольку разыграл аппетит.

ЕРЕТИКИ

Впадение в ересь. Боже правый!
Из глубины каких веков!
Но нет и не было управы
На дураков-еретиков.

Тот усумнясь, тот разуверясь,
Тот возмутясь, тот возгордясь...
И вот уже готова ересь:
И бог не бог, и князь - не князь.

Глаза расширены от страха -
У патриарха нервный тик:
Мысль осенила патриарха,
Что папа римский еретик.

А ведь, по сущности, крамола
Пошла, наверное, от школ:
В журнале двойку ставит школа -
И намечается раскол.

Ученика ответ неверен,
Но он уходит, нос задрав,
Поскольку лично не уверен,
Что был действительно неправ.

А я? Мне душу вынимает

Рожденье крохотной строки.
Все, кто меня не понимает,
Еретики. Еретики!

* * *

Большой, свободный и широкий
Идет неведомый поэт,
Еще его не видя строки,
О нем уже трубит рассвет.
Он снится по ночам планете,
Он – свет и тень,
Он – сон и быль,
Его дыхание, как ветер,
С лица земли сметает пыль.
И перед ним земля кружится,
Во всех нарядах предстает,
Как пред возлюбленным девица,
Свои секреты выдает.
Потом усталый день уронит
Густое солнышко в закат,
Потом поэта жизнь схоронит,
Как хоронили раньше клад.
Потом из тайника пробьется
Его души палящий жар,
И он взойдет, как всходит солнце,
Сразит, как солнечный удар.

* * *

Эдуардас Межелайтис
Как-то бросил на бегу:
- Вы, пожалста, реже лайтесь,
Просто слушать не могу!

НАБАТ

Мы душою и разумом
Сделались тише.
Пересела поэзия
С поезда на тарантас.
Старый Фет
Стал сегодняшним нашим
Фетишем.
Нас не тянет теперь
Ни на диспуты, ни на Парнас.
Мы притихли, примолкли,
Притерлись, прижались, пригрелись,

Проторили тропинки,
По-своему каждый горбат.
Полюбились слова:
«Задумчивость»,
«Задумчивость»,
«Прелесть»,
И забыли
Пожарное слово
«Набат!».
Позабыли, как боль
Обливается злостью,
Как слеза
На куске очерствелом
Горчит,
И как в горле врага
Наше слово
Застрявшею костью
Восхитительно
И задумчиво торчит.
Как кружит остроумие
Этаким чертом и фертотом,
И срывает сонливость
С припудренных перхотью лиц,
Как смеется Некрасов
Над милым задумчивым Фетом,
Как приходит Булгаков
С мешком сумасшедших яиц.
Похвала, как известно,
Любому приятна и лестна.
Если ты не ханжа,
Избегать похвалы не с руки.
Но когда о стихах мужиков
Говорят: «Ах, прелестно!»,
Сомневаюсь,
Что авторы их
Мужики.

* * *

Горек хлеб писательских дел.
Где критерии?
Где оценка?
Подавись куском в ЦДЛ,
Помирает поэт Дрофенко.
Погибает Паруйр Севак
Так, как гибнут автомобили
На потеху чужих зевак,
На несчастье тех, кто любили.
Смотрят зрители на манеж,
Восхищаются – это да!

Ну, а те, что вверху, допреж
Разбиваются иногда.

* * *

Поэтов собрали в лукошко,
Как позднюю осенью грузди,
И каждый немножко Антошкин,
И каждый тихонечко Грудев.

НА "ЩА"

Между нами затесался

Надсон,

Мы его попросим

куда-нибудь

на "Ща".

В. Маяковский.

Давайте Надсона на "Ща"!
Мы здесь со Щедриным
Его приветим сообща,
Как следует родным.
Степан Петрович Щипачев
Нас, видимо, поймет,
А загордится старичок -
Щипахина доймает.
... Трет алфавита решето
От тяжести треща...
Кому еще мешает кто?
Давайте всех на "Ща"!

ЭКЗЕРСИСЫ

АЖУРЕЛЛЫ*)

* * *

Мы все в своих дерзаниях несмелы.
Дерзанья наши –
В сущности, терзанья.
Мы и дерзим-то как-то неумело.
А уж ругаемся –

То непрофессионально.
И потому не наше это дело
Девичий локон
Доводить до склоки.
Неведомая миру ажурелла
Поэтому пришла ажуревать.

* * *

На солнце больше пятен не видать.
Они там где-то
Замечались летом,
Но в октябре ли пятна наблюдать!
Да будь Оно,
Как леопард, пятнисто,
В нем все равно сплошная благодать,
Землей изъята
Все его изъяны.
Когда мы начинаем голодать,
В тарелках дно вылизываем чисто.

* * *

Недетский страх таится в крючных сучьях.
На самом деле –
Догола раздели.
Укрыться нечем, жаловаться скучно.
Да и кому там
До скрипучих жалоб!
И сучья прячут вычурные крючья
В сырой туман.
А там еще страшнее –
Торчит там что-то лапкою паучьей,
А что торчит – поди пойми в тумане.

* * *

Мы осени не ждем, мы ждем весну.
Конечно, очень
Живописна осень,
Но мы боимся отходить ко сну,
Хотя с восторгом
Смотрим сновиденья.
Как ловят щук на яркую блесну,
Так нас весною
На сосульки ловят.
Отдай нам, осень, всю свою казну –
Мы отдадим ее за пряность почек.

* * *

Летит листва на шляпы горожан,
И стали шляпы
Шляпками грибными.

А ты, своим престижем дорожа,
Нашлепок рыжих
Не носи на шляпе –
Не то потом ночные сторожа
На чудо это
Метлами покажут,
И кроны, от прозрения дрожа,
Тебе такого в шляпу накидают!

* * *

Как на колу, на нем висит пиджак.
Так на балу
Престранно-иностранным
Внезапно появившийся кержак
Вниманье дам,
Пугая, привлекает
И кавалеров точит, как наждак.
Он от народа
Или с огорода?
Пророк явился или так, чудак?
А он и сам того не понимает.

* * *

Был на соседа пес его похож.
Жена же –
На соседскую наседку,
А он к соседям вообще не вхож.
Но даже детки,
Подрастя немного,
Каким-то боком плутоватых рож
На пса,
А не на папу ходили.
Про то твердили мы одно и то ж,
А он сам на себя похожим не был.

* * *

Учитесь писать ажуреллы.
Двустисья
И четверостишья
Доводят нас до ожиренья
Извилин
И сухости слуха.
Терцина уже устарела,
Забылось
Роскошное рондо.
Учитесь писать ажуреллы,
И все у вас будет в ажуре!

**) Ажурелла – разомкнутая 11-строчная строфа с одним-единственным*

канон: 1,4,7 и 10 строки созвучны. Рифмовка или отсутствие ее в остальных строках произвольна. Желательно, чтоб были созвучны 2 и 3 строки, а также 5 и 11. Но только желательно.

1) a
b
b (x)
4) a
c
d
7) a
e
f
10) a
g (c)

В совершенном исполнении ажурелла дает акварельную легкость, ажурность. Рекомендуется для пейзажной лирики и юмора.

В обращение введена мной в сентябре 1977 года. – Л. Щеглов.

ГЕРБАРИОН (тетралогия)

1.

Пространство на ковкость и вязкость
Испытано спутанным бытом,
Треногая старая сказка
Стоит на Земле Моабитом.
Забыта дорога обратно
Забыта дорога туда,
Облезлое солнышко пятна
Укрыло трусами стыда.
А трусы разводят турусы,
Как будто разводят мосты.
На крыше калужской Тарусы
Крапивные встали посты.
Постыла оскомины яблок,
Постыл беломраморный Блок,
Остыл неродившийся зяблик,
Как будто ошипанный бок.
Бокаччио – было когда-то –
Укачивал выгнутый бриг,
Легли календарные даты
Изысканной формой вериг.
И мордой на клин перекошен
Каких-то наук бакалавр
Явился раскос и роскошен,
Как вымытый до бела мавр.

2.

Уберите белу лошадь.
Конь Блед.
Мне кого-нибудь поплоше
Под плед.
И кого-нибудь получше
Под шарф,
Проплыву треской ползучей
Без жабр.
Опущу монетку в темя –
Пятак,
Будет с носа капать время
Тик-так.
Подставляйте руки, блюда
Под нос,
В результате революций
Понос.
Укрепляйте фталазолом
Живот,
Медный чайник под камзолом
Живет.
Белый страус, накрывайся
Крылом,
Все опалубки и вальсы
На слом.

3.

Ау! Ку-ку!
Ау! Ку-ку!
Теку,
Подобен молоку.
Подобен, преподобен
И потому удобен.
Подобие удода –
Такая нынче мода.
Народы и уроды.
Но затянулись роды.
Во саду ли,
В огороде,
Вроде Володи,
Похожи на тарантас
И немножечко на вас.
Да-с!
Квас.
А к вам?
Не дам,
Я дама –

Чуть что,
И – тама!
Лишь академик Тамм
Опять не там.
Там-там?

4.

Ты меня не понял, Ваня,
Ты меня не полюбил –
Амбразура на диване,
Из нее торчит дебил.
Покупайте политуру,
Наливайте в рукава,
Кенгуру в литературу
Запустила удава!
Удивил удав удавку,
Умыкнул мурлыка Мур,
Ексель-воксель
Брось под лавку
На верхах колоратур.
Караул!

СКАЗОЧКА-НЕОТВЯЗОЧКА

Разбитые мечты,
Разбитые стаканы,
Разинутые рты,
Разрушенные планы,
Разорванные сны,
Размазанные слезы,
Размашистой весны
Распутные березы,
Разменная деньга
Разбросана в квартире,
Разбойная серьга -
Раз, два,
Три, четыре,
И пять.
Окончен счет.
Очами не очнуться.
Очкастый звездочет
Отсчитывает блюдца,
Отчаливает челн
От чахлого причала,
Отчаяние пчел,
Очнувшихся сначала,
Очарованье крыс,

Очерченных потом.
Ось?
Ась?
Брысь!
Суп с котом.
Бом!
Загорелся кошкин дом,
Кошка выбежала,
Глаза выпучила.
Трататушки,
Тритаты,
Где вы, серые
Коты?
Ты?
Разбитые мечты,
Разбитые стаканы,
Разинутые рты,
Разрушенные планы,
Разорванные сны,
Размазанные слезы,
Размашистой весны
Распутные березы,
Разменная деньга
Разбросана в квартире,
Разбойная серьга -
Раз, два,
Три, четыре,
И пять.
Окончен счет.
Очами не очнуться.
Очкастый звездочет
Отсчитывает блюда,
Отчаливает челн
От чахлого причала,
Отчаяние пчел,
Очнувшихся сначала,
Очарованье крыс,
Очерченных потом.
Ось?
Ась?
Брысь!
Суп с котом.
Бом!
Загорелся кошкин дом,
Кошка выбежала,
Глаза выпучила.
Трататушки,
Тритаты,
Где вы, серые
Коты?

Ты?
Разбитые мечты,
Разбитые стаканы – и т.д. до бесконечности.

* * *

Осторожно – листопад!
Ветрогон
И казнокрад,
Крадозвон
И круговерт,
Казнопуст
И пустоферт.
Листопадлая стезя:
Листьям можно –
Нам нельзя.
Облети с меня листва,
Доведи до естества,
До истоков,
До сучков,
Был листок,
Да был таков.
Был таков,
Да был листом.
Дураков нашли потом.
Каждый крикнул невпопад:
- Осторожно – листопад!

* * *

Абракадабра - добра,
Глокая куздра - красива.
Взбрендилось брюху копра
Слямзить манерность курсива.

Рысьим огрызком в зубах
Брынза, как старая гримза,
Запах запретных забав
Крыса красиво изгрызла.

Йорничай, докерный йог!
Йети в Йоркшире и Йорке.
Монстров канистрами в морг
Дети приносят в восторге.

* * *

Белая магия слов,
Черная магия слав.
Кончился барсовый лов

Средь вулканических лав.
Каждый текущий момент
Только течением спасен -
Головы на постамент,
Словно на плаху, снесем.
Лежище старых моржей,
Битвы клыкастых юнцов...
Нет ли чего посвежей,
Кроме детей и отцов?
Кончился круговорот,
Стала землею трава,
Влезли оратору в рот
Бронзовые слова.
Кончился барсовый лов
Средь вулканических лав -
Белая магия слов,
Черная магия слав.

ПОРТРЕТЫ

САЛЬЕРИ

Николаю Бабошину.

Как при чуме,
Как при холере,
Тысячелетний карантин
Введен на музыку Сальери.
Ее я слушаю один.

Закрыты окна все
И двери,
Рояль разгневанно молчит,
Но грозно музыка Сальери
Над головой моей звучит.

Зовут торжественно и мощно
Кантаты Страшного суда,
И из бессмертья входит Моцарт
На эту музыку сюда.

БЕТХОВЕН

Не мог не стать глухим Бетховен –
Несовершенно естество!

Был слишком грозен и духовен
Мир, переполнивший его.

Так шар земной,
Насытись в меру
Всем,
Что создатель отпустил,
Ушел в глухую атмосферу
От страшной щедрости светил.

От разрушенья застрахован
На свете всяк своей бедой.
Не мог иначе Ван Бетховен,
Не мог иначе шар земной.

БЛОК

По символическим подмосткам
Прошел, красив как юный бог,
В воротничке крахмально-жестком
Беспечно-безупречный Блок.
Без парика и желтой блузы
Он эпатировал толпу.
Всплывали странные медузы
В его чеканную стопу.
И грозный отсвет Крокотау
Кружился в призрачных верхах,
И что-то тайно грохотало
В его изысканных стихах.
Он неземные видел силы
В привычной слабости земной...
И сам он был как некий символ,
Обозначавший смысл иной.

БАЛЬМОНТ

«Он русский, он русый, он рыжий...».
А кто, извините, не рыж?
Опять проживает в Париже,
Опять прожигает Париж.

Настурций среди и акаций
Опять замыкается круг.
Летят лепестки эмиграций
На модный московский сюртук.

Акаций среди и настурций,
Бредя по горам и долам,

Вдали от Иранов и Турций
Христос принимает ислам.

Россию сожрали химеры,
Приелся парижский бомонд,
И в веру уходит из веры,
Как в двери из двери Бальмонт.

Ни зюйда, ни веста по курсу,
И норд перепутан, и ост.
Пускай ухмыляется Брюсов,
Блестящий, как Аничков мост.

Обруган Ромэном Ролланом,
Напуган собою самим,
Он по изумленным Балканам
Идет безъязыким, как мим.

Ходячая бродит нелепость,
Усталый, хромой анекдот,
Угрюмый, как старая крепость,
Зачитанный, как Геродот.

Явившийся всюду не кстати,
Ступивший не с этой ноги,
Спустившийся в воду спасатель,
Когда там остались круги.

Под листья тропической пальмы
Бежит одичалый Бальмонт...
... Пропал из Московии Бальмонт,
Утек в Атлантический понт.

Чтоб где-то на острове дальнем,
В портовом ночном кабаке
Послышалось: «Здравствуйте, Бальмонт!»
На слишком родном языке.

ДАНТЕС

И задан был вопрос Дантесу:
- Вам не тревожно ли, Дантес?
Когда вы слушаете мессу,
Вас не страшит ли гнев небес?

- Нет, - отвечал он равнодушно, -
Вины своей не вижу здесь.
Была дуэль.
- Но он был Пушкин!

- А я Дантес, -
Сказал Дантес.

Когда на Страшный суд однажды
Иуда будет приведен,
- Он был Иисус! -
Иуде скажут.
- А я Иуда, -
Скажет он.

ИСЦЕЛЕНИЕ ПУШКИНА

Я выжил Дантесу назло,
И с темной, заплаканной Мойки
Меня на Кавказ понесло
В казенной оплаченной тройке.
Указ объявил государь:
"Забрать дуэлянта в солдаты!".
Навстречу помчались, как встарь,
Лишь версты одне полосаты.
Друзья пошептались тайком
О новых бичах самовластья
И выпили тесным кружком
За правду, свободу и счастье.
Какой-то безвестный корнет
Стал за ночь известным поэтом,
Послав мне посмертный привет
И власти проклятья при этом.
Хранил меня праведный рок,
Спасали кунакские сакли,
Осекся черкесский курок,
Сломалась чеченская сабля,
И выжил я вновь до поры
И вновь заслужил эполеты.
Но стало течение Куры
Теченьем беспамятной Леты.
Проказы мои и грехи
Мне даже жандармы забыли,
Крамольные прежде стихи
Теперь правоверными были.
А чтоб различать мы смогли
У жизни и смерти гримасы,
Ушла от меня Натали
С моим секундантом Данзасом.

ТАРХАНЫ

Погиб поэт. Невольник чести.

Все с той же жаждой
Той же мести.
Погиб.
Но среди Кавказских скал
Или в ином каком-то месте
Никто в трагическом известье
Таких же строк не отыскал.
Лишь добросовестный фискал
Усердно,
Срочно и подробно,
Не отходя от крышки гробной,
Вышепоставленным особам
Письмо казенное писал.
И, панихидою охаян,
Был тут же наскоро запаян
В тоскливый цинк
«Бретер» и «циник».
Загрохотали шарабаны –
В Гарханы.

Утрите бабушкины слезы,
Мятежный внучек.
Назад, под отчие березы!
Назад, поручик!
Назад!
В малиновое детство,
Отцов объемля.
Назад!
В беспамятное бегство –
В пеленки,
В землю.
Назад!
Впадение в истоки!
Поток обратен.
С Казбека каменные строки
Рядами вмятин,
Оставив высохшее русло
Посмертной славы,
Где над заклеванною Русью
Орлы двуглавы.

Спуститесь по святым ступеням,
Уймите речи,
Склоните пыльные колени,
Согните плечи,
Ложитесь рядом – просветленны
И бездыханны.
Мятежных духов миллионы
Хранят Гарханы.

* * *

Памяти Н. С. Гумилева

Поэты уходили в контрразведчики.
Потом у стенок падали, тихи.
И оставались вместо них ответчики -
В изменах неповинные стихи.

Их запирали на запоры прочные,
Не выпускали их из-под замка,
Хотя они-то ни единой строчкою
Не предали родного языка.

ПАТРИАРХ

Поэзии советской патриарх,
Верховный жрец вседремлющего бога
Стоял передо мною в трех шагах
У простенького дачного порога
И улыбался.

Улыбался мне

По-стариковски мягко и степенно.
Наверно, полагалось онеметь
И преклонить в почтении колена.
Но я заговорил.

Заговорил

О том, что долго волновало душу,
Что про себя до времени таил
И не хотел, чтоб кто-нибудь подслушал.
Он был уже не патриарх, а бог –
С такой свободой необыкновенной,
Он разрешить мои сомненья смог
Спокойно, потрясающе, мгновенно.
«Нам было легче, - молвил патриарх, -
Делили мы на «с нами» и «не с нами»,
Кто в наших, кто во вражеских рядах –
По цвету мы определяли знамя.
Теперь знамен не принято в боях,
Не по цветам различье, а по звуку.
Учитесь слышать». –

Молча патриарх

Пожал мою растерянную руку.

ПОСВЯЩЕНИЯ

Вперед, поэт!
Неси пакет!
Неси ценой любой.
Пускай гримаса по усам
Скользнет ему в ответ,
Пусть адресат все знает сам,
А ты носи пакет.
Срывайся вниз,
врывайся вверх,
Хрусти хребтом врага!
Пока играет Гулливер,
Пасует мелюзга.

* * *

К. Г. Паустовскому.

Когда никто не прав
И все идут не в ногу,
И не имеешь прав
Вдруг протрубить тревогу,
И носишь правоту,
Доступную не всяким,
Зажатою во рту,
Как палка у собаки, -
Забейся в конуру
Безухо и незряче,
Себя, как кенгуру,
В свою же сумку пряча.
Ни друга, ни врага
Не почитай богами,
И не труби в рога,
И не бодай рогами.
Кому нужны твои
Проклятые вопросы?
У каждого свои
Турусы на колесах.
А если нет колес,
К чему тогда турусы?
Лишь место бы нашлось
На кладбище в Тарусе.

НОВЕЛЛЕ МАТВЕЕВОЙ

В душе вещей

Сидит Кощей.

Спросонок.

Проникновенье в суть предмета –

Как вкус запретного плода,
Как разглашение секрета,
Как разделение труда,

Как расчленение ракушки
(Пропущен через призму свет).
Из всех поэтов только Пушкин,
Наверно, видел весь предмет.

А мы живем в года иные.
Переросли?
Не доросли?
Мы различаем составные
И разлагаем соль Земли.

А обрисовки, описанья,
Что там теперь ни говори,
Ушли в Священные писанья,
Переместились в словари.

ГЕРОИ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

А. Вознесенскому.

Какой классический пример
Для слуховых галлюцинаций:
Когда на вас кричит Премьер,
Нам до него не докричатся.
Когда ж мы возвышали глас,
Нам отвечали не премьеры,
Нам просто молча били в глаз
Простые милиционеры.
Нас просто брал за воротник
Элементарный участковый,
Пока Премьер, такой шутник,
На вас покрикивал в столовой.
Вам неуютно было там,
В дипломатической прихожей,
Вас били там по паспортам,
А нас совсем не там по роже.
И вновь геройствуете вы?
Увы!

НЕЧТО ОРФОЭПИЧЕСКОЕ

В. И. Стеллецкому.

Нам нУжно, чтоб было светло.

НужнО нам для света окно.
Пуринным пуристам назло –
Не нУжно оно, а нужнО.

Мы вольно играем в слова,
А вам разбираться вольнО.
Поэзия тем и права,
Что критике знать не дано.

* * *

Валерию Антонову.

Валерий, друг ты мой Валерий!
Я поражаюсь всякий раз:
Откуда в этом тощем теле
Берется этот трубный бас?

Чего бы, думаю, примета?
А нынче догадался: "Ба!
Как не заметил я, что это -
Иерихонская труба!".

КОРАБЕЛЬНЫЙ РОМАНС

Валерию Антонову.

"Я пришел как великий мастер
Воспеть и прославить крыс"...
Но, не веря в свое же счастье,
Разбегаются крысы вдрызг.
Убегают в сухие гавани,
Удирают в свои порты,
Я без крыс отправляюсь в плавание,
До колен замочив порты.
Трюмы только слегка подмочены,
Но для крысы - уже потоп.
Все промоины и проточины,
Благодарен я вам по гроб.
Если б только вода не брызнула
На меня изо всех щелей,
Я вчера бы пытался сызнова
Справить с крысами юбилей.
Слаблю воду, в корабль текущую, -
Будет плаванье кораблю!
Слаблю крысу, с борта бегущую,
Остающихся не люблю.

ПОЗДНИЙ ГОСТЬ

*Василию Бернадскому, прошедшему
ад сталинских концлагерей.*

Он виноват или встревожен,
Узнать нельзя, понять нельзя,
Но в щели век, как в ножны, вложены
Настороженные глаза.
Не вороватые,
Не лживые,
Не убегающие вкось –
Глаза застыли недвижимые,
Как изнутри торчащий гвоздь.
А сам он мухи
Не обидит,
А сам он тихий,
Не напористый,
Но что он там
Гвоздями видит
Сквозь смотровые
Эти прорези?
Какой дороги отражение
Раз навсегда вселило в них
Штыков конвойных напряжение
И чуткость псов сторожевых?

РЫЖИЕ СТИХИ

Людмиле Енисеевой.

Цвета обладают качеством,
А, может быть, и количеством,
Оттенками и подтекстами
Разнообразных свойств.
Бывали войска красные,
Бывали войска белые,
Бывали даже зеленые,
Но не было рыжих войск.
Хахалилось солнце рыжее
Над трюками рыжих клоунов,
И рыжие лисы из лесу
Таскали палевых кур.
Но рыжие люди выжили,
Пригоршни веснушек полные
Однажды весной просыпали
На личики милых дур.
Кричу покрасневшим голосом,
Хочу, чтоб меня слышали
Десятки, сотни и тысячи,

А, может быть, миллион.
- Сдавайте рыжие волосы!
- Сдавайте рыжие волосы!
- Сдавайте рыжие волосы
Всевышнему на шиньон!
Эй, дяди рыжебородые!
Эй, девушки златокудрые!
Эй, демоны медногривые!
Живете – и хоть бы хны?
Зачем обманули серого
Невыспавшегося селезня?
Зачем подарили бедному
Пакетик опасной хны?
Для вас – это дело плевое,
Для вас это просто шуточки,
Подумаешь, будет селезень
Не сер или не зелен!
А как ему будет рыжему
Потом показаться уточке?
А если он в эту уточку,
Как рыжий дьявол влюблен?
Метафорами рискованными,
Наверно, набью оскомину,
Неръжим они покажутся
Надуманно и плохи.
Бывают стихи рифмованные,
Бывают стихи белые,
А я вот сажу и рыжие
Сегодня пишу стихи.

ФОНАРЬ НА БУГРЕ

Н. Х.

-
Господи, что же там?
Что же?
Там, на высоком бугре,
Смотрит все жестче и строже
Длинный фонарь в серебре.

Что этот длинный увидит
В щели неплотных гардин?
Чью он укромность обидит,
Тощий, холодный, один?

Господи, что же там?
Что же?
Эй, законная жизнь,
Если другому не можешь,

Хоть фонарю покажись!

УРОКИ СТИХОСЛОЖЕНИЯ

Игорю Саркисяну-Конькову.

Я трезвым не переносу
Разбой и ямы
И потому стихи пишу
Спокойным ямбом.

Когда же в яростном хмелю
Мы озвереем,
Тогда уж ямбов не терплю -
Пишу хореем.

А если принимает хмель
Глухой характер,
Тогда в стихи как самоцель
Приходит дактиль.

А если мысли и следы
Пошли крест-накрест,
Тогда, как выход из беды,
Ищу анапест.

Когда же хочется послать
Друг друга на фиг,
Я полагаюсь, так сказать,
На амфибрахий.

* * *

Алексею Шлыгину.

Не стало в городе поэта...
Нельзя поэтам уезжать.
Идешь по городу,
и нету
Куда б на слово забежать.
Ну, не на слово -
на полслова,
На полчаса, на полглотка,
На полстиха из Гумилева,
На пол-экспромта с потолка.
Все та же мается газета,
Все те же тянутся статьи,
Но нету в городе поэта,
И стало не к кому зайти.

* * *

Жене Попову в 50-летие.

Ты будь не Дикой,
Так Дикий,
И пусть над тобой
Не висят
Ни регалии,
Ни религии,
Ни сорок,
Ни пятьдесят.
Выигрывай все сражения,
Вгрызайся в них до пупов.
Ты ведь не просто Женя,
Ты еще и Попов!
А то, что Первым апреля
Тебя объяснила жизнь,
Мы ей все равно не верим,
Когда ты там ни родись!

* * *

Н. Т.

Он убьет меня нежно и кротко,
Без проклятий, крушений и бурь,
Без тюремных замков и решеток,
Без злодейских кинжалов и пуль.
Он смертельного сладкого яда
За столом не подсыплет в бокал.
Ничего ему делать не надо,
Чтоб дышать я совсем перестал.
Добродушный, веселый убийца
На прощание мне подмигнет,
Не спеша от меня удалится
И, наверно, спокойно уснет.
Но, припомнив счастливую рожу,
Я впотьмах среди ночи проснусь
И пойму, что свое уже прожил,
И обратно уже не вернусь.
Я закрою прозрачные веки
И увижу сквозь них без огня
В этом антимоем человеке
Продолженье меня
Без меня.

* * *

Суренжаву Балдано.

Мне подарил костыль
Художник Балдано,
И стал не так постыл
Тот мир, что был давно.

И старая нога,
Изрезанная вкось,
Как старая карга,
Утрачивает злость.

Сцепление земли
Повысилось при этом.
Дарите костыли,
Художники, поэтам!

* * *

П. Орешкину.

«Остановись, мгновенье!
Ты прекрасно!».
Мгновенье встало,
С возгласом согласно.
Потом просили точку для опоры.
Опору тоже дали очень скоро.

Потом запросы малость измельчали,
Но и на них охотно отвечали.
Истцам давали троны
И короны,
Ковры,
Квартиры
И магнитофоны.

Но был какой-то странничек убогий –
Он бога все вымаливал у бога,
Хотя ответить грамотно не мог,
Зачем ему понадобился бог.
И, вероятно, именно за это
Ходатайство осталось без ответа.

А. С. ПУШКИНУ

Нет, совместимы гений и злодейство.
Их отрицать – пустое лицедейство.
И «гений всех времен и всех народов»
Вам подтвердит наличие уродов.

НЕКРАСОВ

Николай Алексеич Некрасов!
Дорогой ярославский земляк!
Сколько мы перемеряли масок
На потеху досужих зевак!
Спрятав в бороды горькие складки
И под лысины мысль загоня,
Мы свои загоняли тетрадки,
Как цыган загоняет коня.
Но мы ведали собственным сердцем,
Что годится России сейчас.
Где цензуре! Когда даже Герцен,
Как квартальный, преследовал нас.
Мы уйдем без друзей и без денег
По распутице русских дорог.
Но останется наш «Современник»
Современником каждых эпох.

* * *

Гаврилову, Соколову,
Марченко и другим.

За излучиной Которосли
Пошехонью под стать
Применительно к подлости
Нас учили писать.

Но как будто бы выкресты
Из команды кликуш,
Все пытались мы выскрести
Эту подлость из душ.

Уносили покойников –
Время двигалось вспять,
Их другие спокойненько
Заменяли опять.

И опять за излучиной
Невеликой реки
Нас учили и мучили
До последней строки.

Стали мы эмигрантами
С ярославской земли,
Ибо с зондеркомандами
Языка не нашли.

Ярославская публика
Примириться должна,
Что у нас есть республика,
Что у нас есть страна.

* * *

Мимо клумб, газонов.
Смугл, губат
В сапогах кирзовых
Шел чудаки.
Владилен Белкин.

Здравствуй, Владька, ты Владька,
Дорогой Владилен,
Что ни поп, то и батька –
Не согнуть бы колен.
Не погасла бы горстка
Красноватых углей.
Между див Дивногорска
Обо мне не жалеи.
Так и я не жалею
Дивногорскость твою,
Понемногу колея,
Попадем в колею...
Озерцо Имантая,
В камни вылезли мхи,
Словно детство, листаю
На крылечке стихи.
И пускай переврали
Даже имя твое,
Не пора, не пора ли
Подытожить житье?
До всего был охочий,
Да не слишком охоч,
Жил на свете рабочий,
Да не слишком рабоч,
Проторились крест-накрест
Сорок с лишним годов,
Только нам, только нас ли...
Будь готов? БУДЬ ГОТОВ!

ЛЕНИНГРАДЕЦ ВАЛЕРА КЕРЖЕНЦЕВ

Эшелон разбомбили под Рыбинском.
Налетели, как саранча.
Медным всадником поезд вздыбился,

Зазмеившийся рельс топча.
А потом раздавали беженцев,
По домам несли, как шенят.
Ленинградец Валера Керженцев,
Как-нибудь разыщи меня!
Как тебе я тогда завидовал,
Как простить тебя не умел –
Вам, блокадным, повидло выдали,
Я его всю войну не ел.
Вас одели тогда с игопочки,
Вас обули по ордерам...
Я шатался с утра до полночи
По каким-то чужим дворам.
Я мечтал: поживу за Ладогой,
Буду долго там голодать,
Чтоб потом разрешили с патокой,
Как тебе, сухари глотать.
Быть хотелось опасно раненным,
Оказаться на костылях,
Потому что в супах баранина
Появлялась в госпиталях.
Получил я свои ранения,
Костылями асфальт долбил,
Изменились мечты и мнения,
Даже патоку разлюбил.
У тебя, говорили, в Бежецке
Отыскалась потом родня...
Ленинградец Валера Керженцев,
Поминаешь ли ты меня?

«ЧИЛИК»

Памяти Дмитрия Рябухи.

Налетел вот этот ветер-ураган,
Чем ударил, не заметил, по ногам.
Дождик ринулся из тучи, как десант,
А навстречу прах сыпучий
К небесам.

Понапрасну суетились облака,
За минуту пропылились
Их бока.
Стало небо желтоватым, как пески,
Дождь прошамкал виновато –
Не достиг.

И гуляет сверху к низу тертый прах,
Словно пьяный и капризный
Вертопрах.

Где тут сопки, где тут тучи – черт не рад,
Не спрашивайте лучше Коунрад.
Только ветер завывает многолик –
Так Рябуху отпевает
Злой «чилик».

БОГАДЕЛЬНЯ

Александру Скворцову.

Мне представился дом престарелых.
Молодежи уже не знаком.
Я на койке сижу осовело
Звероватым больным стариком.
На табак пенсионера хватает,
Водка выпита мною давно,
И бесплатная память мотает
Пред глазами цветное кино.
Города, деревушки и лица...
О, бессчетное скопище лиц!
Как сумели вы все уместиться
Между этих коротких ресниц?
Ни цветов, ни деревьев, ни пашен –
Приключился со мною скандал –
Кроме лиц примелькавшихся ваших,
Ничего на земле не видал.
Как в последнем бреду портретиста,
Вкривь они наплывают и вкось,
Перед тем, как навечно проститься,
Проницаемы стали насквозь.
Как когда-то мне нравились маски!
Каждый что-то себе примерял.
Поистерлись со временем краски,
Поистерся плохой матерьял.
Вижу, сверстники, что с вами случилось,
Страстотерпцы, нахалы, ханжи,
Равнодушная, скучная старость
Равнодушно на лицах лежит.
Чем прорезаны ваши морщины?
Благодарством? Плебейством? Вином?
Кто вы - женщина или мужчина?
Ах, теперь мне не все ли равно!

* * *

Сергею Киселеву.

Не хотел ефрейтор воевать,
Надоело все, осточертело:

Чему быть, того не миновать,
И дошел в душе до самострела.

Только пуля, даже и своя
Иногда до смерти убивает.
Вот и все, и больше ничего.
На войне по-всякому бывает.

ЦИКЛЫ

Николаю Бабошину.

Мы огорчаемся порою,
Я от читателей не скрою,
Поскольку скрытности лишен,
Непостоянством нашей дружбы,
Непостоянством нашей службы,
Непостоянством наших жен.

А мне говаривал покойный
Сосед мой, пьяница запойный,
Что век на циклы разделен.
Есть время выхода и входа –
Так совершается у года
Чередование времен.

Он, опершись на личный опыт,
Который был несладко добыт,
В чередованьях понимал
И от запоя до запоя
Бредя прерывистой тропюю,
Отрезки жизни обнимал.

Он знал, что свет сменяем тенью,
Трудоспособность – тяжелой ленью,
Похмельем – праздничный разгул.
И в озареньи этих истин
Был прозорлив и бескорыстен,
И дальше нашего взглянул.

ПАМЯТИ ИВАНА ШУХОВА

Глух и нем почетный караул.
Граждане, кричите "караул!" -
Умер небывалый человек,
Не бывать которому вовек.

Караул трагически правдив.

Где он был, пока был кто-то жив?
У какого кладбища стоял,
Кто пока в живущих состоял?

Что еще по поводу сказать?
Тут не приказать, не указать.
Разве что болит пока еще
К гробу непривычное плечо.

АБДИЛЬДЕ ТАЖИБАЕВУ

Тогда военная беда
Гнала народы на восток,
Но жил на свете Абдильда –
И стал их путь не так жесток.

Стояла грозная страда,
Нельзя улыбки подарить,
Но жил на свете Абдильда –
И было с кем поговорить.

Иные на дворе года,
Иной народ за стол пришел,
Но существует Абдильда –
И всем на свете хорошо.

ИННОКЕНТИЙ СМОКТУНОВСКИЙ

Я бедный Йорик из Шекспира,
Мой череп принц узнает датский,
И озадачится полмира
Перед могилою солдатской.
Быть иль не быть?
Я был иль не был?
И Гамлет встанет на колени.
И я между землей и небом
Застряну камнем преткновенья.

НЕРАЗРЕЗАННЫЕ СТРАНИЦЫ

***Ю. Ряшенцеву по прочтении книги
«Часы над переулком».***

Были неразрезаны страницы,
(Редко это в книжках теперь),

Говорилось там о певчих птицах,
Радостных в предчувствии потерь.

Был случаен плен у этих строчек,
Типографский маленький брачок.
Только – вдруг – нарочно переплетчик
Не хотел, чтоб кто-то их прочел?

Не хотел, чтоб стало очевидным
Как там счастье надо осязать,
Захотел, чтоб сделалось обидным
Птицам улетать и замерзать.

Там, где не разрезаны страницы.
Царство неразгаданных теней...
Не смотрите в будущее, птицы,
Это переплетчику видней.

* * *

Евгению Евтушенко.

Дописалось, допелось, доездилося,
Оплатилось за все сполна.
Только небо впотьмах зазвездилося,
Закружилась земля спьяна.
До свиданья, пока, поклонницы!
Отстучал сапогами парад.
Кто сегодня стране поклонится
На подмостках ее эстрад?
Мы бывали, пожалуй, всякие –
Наша критика, ты права.
Промелькнули шестидесятые,
Как Азорские острова.
Целина уже стала пашнею,
Новобранцы ушли в запас...
... Помяните страной вчерашнею,
Если не позабыли, нас.

* * *

По выходу книги «Осень в Алма-Ате».

Взрачена под тещиной крышей
Осенняя эта тетрадь,
За что эти строки и пишет
Для тещи признательный зять.

* * *

Любови Александровне.

Народу нельзя без тещи,
Без тещи я нищ и тощ,
Народу не надо тыщи,
Тащите народу тещ.

На тещу и я солощий,
И я обойдусь без тыщ,
Была бы на свете теща,
Я с нею не буду нищ.

И дале в таком же роде,
Как в нашем родном народе.

* * *

Н. Рубцову.

Ах, как мы хороши
Ногами из дверей -
Скорее напиши
И помирай скорей!

* * *

Памяти Леночки.

Поздно дергать дулом у виска –
Я не совладал с такою ролью,
Потому что острая тоска
Стала долгою осознанною болью...

—

Мало я ее при жизни спрашивал –
Мною, мол, довольна ли, жена?
И судьбою нашего вчерашнего
Не бывала, в сущности, она.
А сегодня:
Так ли, то ли делаю?
Прихожу сюда иль не сюда?
Каждый божий день,
Как вечность целую,
Жду ее посмертного суда.

—

Прилетела ворона,
Заглянула в окно,
Увидала ворона,
Что в квартире темно.
Что ж я, подлый, без света

Оставляю наш дом?
Может, Леночка это
Помахала крылом.
Может быть, постучалась
Потихоньку в стекло...
Ах, какая же жалость,
Как ей не повезло!

"КАЗАХФИЛЬМ", ТПО-2

Распутываешь нити,
Отыскиваешь соль.
Не хроника событий -
Хроническая боль.

Куда там ветку клонит?
Не ведаешь с тех пор -
Не то теперь ты хроник,
Не то ты хроникер.

* * *

В 5-летию газеты «Вечерняя Алма-Ата».

Да здравствуют вечерние газеты!
Едва лишь солнце голову наклонит,
Они, как изреченные кометы,
Сверкают на усталом небосклоне.

Они, как отблеск дня пережитого,
Они, как проблеск завтрашнего утра.
На сон грядущий сказанное слово
Звучит с утра необычайно мудро.

Вся наша толчея и маета
Ушла бы в Лету не запечатленной,
Когда б «Вечерняя Алма-Ата»
Была бы в жизнь не такой влюбленной.

Пусть будет каждый человеческий шаг
Всегда и так же дорог для газеты,
И пусть писать об этом поспешат
Не рецензенты только, но поэты!

* * *

Песня к III Всесоюзному кинофестивалю

в Алма-Ате 1973 года.

Музыка Анатолия Бычкова.

Войны суровые года
Прошли давным-давно,
Когда была Алма-Ата
Столицею кино.

Припев: **По серпантинам кинолент
Восходим до звезды.
На лентах лет
Оставлен след
Алма-Аты.**

Но вот на мрамор и асфальт
Опять летят цветы –
Проходит кинофестиваль
В садах Алма-Аты.

Припев.

Вновь повстречался Казахстан
Со всей родной страной,
И снова отчим домом стал
Казахский Дом кино.

Припев.

* * *

Д. Пискунову.

Родиться нам необходимо,
Хотя бы раз один в году,
И подтвержденье в этом Дима,
К которому сейчас приду.

НА ОТКРЫТИЕ РАДИОЖУРНАЛА «ПЕГАС»

Крылатый конь.
Пегас? Тулпар?
Хан-Тенгри иль Парнас?
Наш новый радиожурнал
Взлетит в эфир сейчас.
Летят стихи,
Как на огонь.
Стремителен разбег.
Крылатый век,
Крылатый конь,

Крылатый человек.

ЖЕНЩИНАМ КОРЕЙСКОГО АНСАМБЛЯ «АРИРАН» В ДЕНЬ 8-го МАРТА

И не поздно, и не рано –
Прямо к празднику как раз
Танцовщицам «Арирана»
Я принес поклон сейчас.

Я для вас не просто зритель,
Я и сам себе актер,
Но такого, как хотите,
Не встречал я до сих пор.

Утверждаю неустанно,
Говорю и там, и тут:
Эти ноги «Арирана»
До Парижа доведут.

Все, как праздничные свечи –
Описать не хватит слов.
А правдивость этой речи
Подтверждает Лев Щеглов.

На столе - не угощение,
Угощение - под столом.
От него, прошу прощенья,
Голова идет кругом.

О, ВСЕМОГУЩАЯ ИРОНИЯ!

* * *

О, всемогущая ирония,
Моя безбожная богиня!
Приди карающей Эринией,
Пади на ложные святыни.

И каждой человеческой личности,
Свои диктующей законы,
Пускай хватает ироничности
В оценке собственной персоны.

* * *

Чередованье чувств,
Чередованье красок,
Чередованье уст,
Чередованье масок.

Повсюду череда,
Уже осточертело
Чередовать года,
Не чередуя тело.

Оно одно с тобой -
Не будет повторенья -
С твоей же худобой,
С твоим же ожиреньем,

С одышкой твоей -
Куда теперь деваться!
Вот телу бы ей-ей,
Пора чередоваться!

* * *

Навстречу все маски, маски,
Похожие, словно миски,
Кого-то целую наспех,
Кому-то пишу записки.

На лестницах спины, спины,
Мелькают хлясты и пятки,
Кого-то встречаю с пивом
И с кем-то играю в прятки.

В трельяже все лица, лица -
Я в зеркале отражаюсь,
Но в это лицо влюбиться
Из ханжества не решаюсь.

* * *

Завидую милым дебилам,
Зачатым в глубоком хмелю,
Когда ничего не под силу,
Когда никого не люблю.

Дебилы добры и мордасты,
Не знают ни фарсов, ни драм,
А всякие страсти-мордасти
На память оставлены нам.

Оно выкидывает штуки,
Самостоятельность храня,
Оно закидывает руки
На чью-то шею без меня.

Я совершенно пунктуален,
Хочу везде не опоздать,
Но, телом на спину повален,
Я не могу с кровати встать.

Я трезв по сущности духовной,
Не соблазнишь меня вином,
Но тело вынуло целковый
И побежало в гастроном.

Я не обижу даже муху,
Я чту законы и семью,
Но тело бьет кого-то в ухо,
Потом садится на скамью.

А раз пошло такое дело,
Себя по-прежнему любя,
Снимаю за такое тело
Я всю ответственность с себя.

КОМАРЫ

Олжасу.

Комары дудят в свою дуду.
Бесконечен комариный зуд.
Только если я к ним не приду,
Что они там без меня сосут?

Ни скота в болоте, ни зверья,
Ни кровинки у гнилого пня.
Чем же миллиарды комарья
Утоляют голод без меня?

Может, я для этого и есть,
Чтобы прокормиться комару?
Что же он, бедняга, будет есть,
Если я когда-нибудь помру?

БУДИЛЬНИК

Легло на плечи бремя –
Друг друга не корим:
«Пришло такое время», -

Привычно говорим.

Ах, старый черт будильник,
Ты, значит, виноват!
... Клюет орел-могильник
Глазницы у солдат,

Рычит в кустах насильник,
Идет на брата брат,
Ведут этапом ссыльных...
Будильник виноват!

Давай, будильник, действуй,
Звени средь бела дня –
Быть может, для злодейства
Добудишься меня?

СТИХИ О СМЫВШЕМСЯ СМЫСЛЕ

Резиновой формой, как губкой,
Со строчек смывается смысл,
Созвучий и слов мясорубкой
Легко измельчается мысль.
И вот уже не было словно
Великих и малых идей.
И все размышленья условны
Под слоем словесных затей.
Летит гуттаперчевый мячик,
Поэты играют в пинг-понг.
Давно уже строчки не значат,
Что значить должны испокон.
Давно уже слово не дело,
И дело не только в словах.
Гляжу на стихи обалдело
И скачет, как мяч, голова.
Грядут на планете лингвисты,
Поскольку язык без костей,
Приходит в словесные твисты
Словарь дефективных детей.

ИЗ АВГИЕВЫХ КОНЮШЕН

Я редактора припомнил одного –
Мне кормиться приходилось у него.
Так чего же он хотел от меня?
Да того же, что хотят от коня.
Чтоб оседланным и взнузданным я был,
Чтобы глазом не косил бы на кобыл,

Чтобы знал предназначенье шор и шпор,
Чтобы вовремя был медленен и скор,
Чтобы я когда ни попадя не ржал,
Вот тогда меня он в холе б содержал.
Но из доброго намеренья его
Нипочем не получилось ничего,
Потому когда меня публиковал,
Обращался он со мной как коновал.

УЛИЦА СТАЛИНА

Как по взмаху волшебной палицы,
В исполнение постановления,
Наша улица вместо Сталинской
Стала зваться улицей Ленина.
Внесены изменения в справочник
И в табличку на нашей двери,
И печати стоят на справочках:
Исправленному – верить.
Кто-то ходит, поди, любитесь
На работу свою отличную...
Только знаю я нашу улицу
Под любыми ее табличками.
Только знаю – в соседнем флигеле,
Так же целы и невредимы,
Проживают четыре филера
И четырнадцать подхалимов.
А напротив, в окне зашторенном,
Так же лихо и так же весело
Два завмага вертятся штопором:
- С недомером вас!
В недовесом вас!
А сосед, прямо двери в двери мне,
По утрам распевает песенки.
Палачом он служил при Берии
И уволен за то на пенсию.
Перед тем, как табличку вывесить,
По халатности или лени
Позабыли улицу выместить.
Уж простите, товарищ Ленин!

1956 год.

* * *

Пощадите палача,
Сочините гильотину,
Чтобы ненависть ничья
Палача не била в спину.

И палачьего сынка
Пусть никто не обижает...
Гильотина же пока,
Слава Богу, не рожает.

УРОК ПРЕДМЕТНОСТИ

Предметность мысли:
Щи да каша,
Корова, трактор, пулемет.
Здесь разобраться может каждый
И каждый каждого поймет.
Здесь даже лошадь твердо знает,
Где надо – «ну».
Где надо – «тпру».
Собака на своих не лает –
Чужих гоняет по двору.
А ты о чем-то постороннем
Заводишь странный разговор,
О смутном,
О потустороннем,
О не влезавшем во двор.
К чему все эти эмпиреи
Про мироздание,
Про век?
Пусть говорят о них евреи,
Но ты же русский человек!
Все эти абстракционисты
Насквозь прогнали на коню.
Добром прошу – угомонись ты!
Не то силком угомоню!

ГОРБАТЫЙ СОН

Красивые люди на свете живут,
Красивые люди баранки жуют,
Красивые люди в трамваях сидят,
Красивые люди в окошки глядят.
И в мире, где каждый изящен и юн,
Представьте, живет настоящий горбун.
Горбат он, когда с раскладушки встает,
Горбат, когда сушки поутру жует,
Горбат, когда лезет в набитый вагон,
Горбатым на службе работает он.
И сколько бы лет он ни прожил подряд,
Везде и всегда ежедневно горбат.
И стали горбатуму видаться сны,
Что мир населяют одни горбуны,
И только ему улыбнулась судьба,

Остался один он из всех без горба.
Горбатые люди в трамваях сидят,
Горбатые люди в окошки глядят,
Горбатые люди всегда и везде,
Горбаты их жены, сыны и т. д.
И только в улыбку раздвинул он рот,
Услышал из окон: «Глядите, урод!».

* * *

Как ржавые снаряды,
Пивные кружки в ряд.
Пьянчужки про порядок
Друг с дружкой говорят.
И бродит между стоек,
Особенно речист,
По виду алкоголик,
По слухам – активист.
Он говорит: «Пора бы
Нас всех давно прижать».
Он говорит: «Порядок
Нам надо уважать».
Послушают пьянчужки,
Как надо их стеречь,
Нальют ему полкружки
За пламенную речь.

СТОЛБОВАЯ (Психиатрический триод)

Петру Орешкину.

1.
На станции Столбовой,
У крохотного ларька
С беспечностью лобовой
Толкуют два старика
О том, что свихнулся сын,
И как тут ему помочь?
Что сын-то всего один,
Но, правда, осталась дочь,
Да дочери – хоть бы хны
На брата и на отца,
И нет никому вины,
И нет ничему конца.
От станции Столбовой
Автобус свезет туда,
Где прямо перед тобой

За дверью живет беда,
Где ласковый санитар
Дебила бьет по скуле,
А тот на его удар
Хахалится, как Рабле,
Где высохший онанист,
Зайдя тайком в туалет,
Все дергает вверх и вниз
Чего и в помине нет,
Где мой закадычный друг
Читает мои стихи,
И психи стоят вокруг
Задумчивы и тихи.
Я к станции Столбовой
Бегу от кошмарных сцен
И чувствую за собой
Кирпичную поступь стен.

2.

Столбовая дорога
Привела к Столбовой,
Погоди ради Бога,
Все там будем с тобой.

Мир хохочет театром -
Бесноватый театр.
Говорю с психиатром –
Кто из нас психиатр?

Кто из нас сумасшедший,
Кто всего лишь хмельной –
Я, к больному пришедший,
Или встречный больной?

А здоровье извилин -
Как здоровье кишок.
Нас давно изловили
В коллективный мешок.

Кто из нас подсудимый?
Кто над нами судья?
Мы давно побратимы
Одного бытия.

3.

Доктор, дайте мне справку.
Если б справка была.
Все давно б на поправку
Повернулись дела.

Было б лыко не в строку,
Было больше бы строк,
Было больше бы проку
И надежнее прок.

Не жалеете же, право,
Вы такой чепухи!
Вы мне выдайте справку,
Я вам выдам стихи.

* * *

Говорю для введенья,
Начиная портрет:
У меня есть виденья,
А у доктора нет.

Вижу внутренним оком –
Вот и весь инцидент.
Он поэтому доктор,
Я - его пациент.

Только как без видений
В этом мире картин?
Я с виденьями – гений,
Без видений – кретин.

Доктор, спрячьте иголку!
Говорю, заклиняя:
Что вам проку и толку
От кретина-меня?

По какому же праву
Вам ответить дано,
Что на свете есть здраво,
Что на свете больно?

Если воображенья
Недоступна игра,
Доктор, вы шизофреник,
Вам лечиться пора.

Я ошибку исправлю –
Дайте мне ваш халат,
Я сейчас же отправлю
Вас в одну из палат.

ПЕСЕНКА ДЕПРЕССИВНОГО ПСИХА

От мыслей распухают наши лбы,
Они опасность страшную таят...
Березы, словно белые столбы,
По всей России-матушке стоят.
 Билеты в никуда опять берешь,
 В дорогу бесконечную готов,
 Но некуда деваться от берез
 И некуда деваться от столбов.
Опять произрастаем, как грибы,
И в мухоморах снова бродит яд...
Березы, словно белые столбы,
По всей России-матушке стоят.
 Себя ты от себя не отберешь,
 Теши на голове хоть сто колов,
 Но некуда деваться от берез
 И некуда деваться от столбов.
И некуда деваться от судьбы,
Не соком нас березовым поят...
Березы, словно белые столбы,
По всей России-матушке стоят.

* * *

Доктор, я больницу доволен,
Доктор, здесь везде моя родня.
Доктор, я еще немножко болен,
Доктор, не выписывай меня!

НЕВИННОМЫССК

Пенсионер Пудовкин тихо смылся,
Уехал в свой родной Невинномысск.
В самоиздате он не видел смысла,
И в том, наверно, был великий смысл.

Увы, Якир не внял его советам,
И всем предупреждениям не внял.
Он был с душком. И тот душок при этом
На вражескую мельницу вонял.

И вот теперь сидит Якир под стражей.
Не надо, дети, брать с него пример –
Он до сих пор не понимает даже,
Как безусловно прав пенсионер.

Чтоб не болели детские головки,
Чтоб не лилось из глаз соленых брызг,

Придите к нам, пенсионер Пудовкин,
И увезите в свой Невинномысск.

* * *

В поэзии – кризис жанра,
Поэзия запропала,
В поэзии много шарма,
В поэзии толку мало.

Эй, соловей-разбойник,
Не слышу, где ты там свищешь?
Пропал соловей-покойник,
Теперича не отыщешь.

Лишь разорались хором
Разные там подранки...
Батюшка черный ворон,
Ты-то хотя бы гаркни!

* * *

На эту карусель садятся виртуозы,
Идет от сель до сель такая карусель,
Что нам под черепа вонзаются занозы,
Как будто мы пошли в разутых черепах –
Поэзии коньки, лошадки тихой прозы
Из наших же сердец по нашим головам,
Из наших же кормов да в нас же и навозом
По правилам игры в строптивых черепах.

* * *

Подъемных кранов крен
Над крышами опасен,
На кой нам нужен хрен
Накрененный подъем?
Что посреди арен
Считается геройством,
То здесь таких колен
Увы, не признаем.

* * *

Космический век –
Комический век.
Пришел человек,
Ушел человек.
Нигде Ярославн
Не найдешь на стене,
Родной Ярославль

Позабыл обо мне.
Родная Москва
Потеряла меня,
И все трын-трава
Посредине огня.
В космическом веке
Живем со смешком,
Как будто парсеки
Проходим пешком.
Не надо бояться
Вчерашнего дня.
Давайте смеяться,
Держите меня!

У НАС НЕ КУРЯТ **(фельетон)**

Сидит человек в кабинете своем,
Смакует дымок сигареты.
Он творчески мыслит.
Он мыслит о том,
На что бы придумать запреты.
Нет, он не любитель,
Он не дилетант,
Он определенно имеет
Недюжинный,
 даденный Богом талант
Меня ущемить побольнее.
Он знает, как сладка затяжка дымком
И как нам без курева тяжело,
Он сам с удовольствием с этим знаком,
И он запретит мне затяжку!
Я буду сидеть за крахмальным столом,
Вносить за удобства доплату,

Но в горле при этом
Мне встанут колом
Компоты его и салаты.
Он выйдет проверить дела своих рук,
Глаза изощренно сощурит
И мне улыбнется как истинный друг:
«У нас, извините, не курят!».
О, как обо мне он печется давно!
Как разносторонне! И даже
Дымить сигаретами запрещено
У Черного моря на пляже.

Была поговорка в начале войны –
Во всех обстановках пропащих,
Когда на мученья мы обречены –
«Попали в вагон некурящих!».
Гляжу я на эти таблички кругом,
Спешу присмотреться к соседям:
А, может быть, это все тот же вагон,
И мы в нем безвылазно едем?

ДЕТСКИЙ ПРАЗДНИК

Пойду гулять на карнавал -
В страну хлопушек и игрушек,
Где Мойдодыр короновал
Толпу раскрашенных Петрушек.

Слегка порадуюсь беде
Тех, кто остался за оградой,
И, утопая в бороде,
Пойду за детскою наградой.

Сосу на палке петушка,
При том облизывая губы.
... Прощай мой друг, пока, пока! –
Зовут игрушечные трубы.

ТЕАТР

Великая вещь – декорум!
Там так хорошо скрываться!
И мы начинаем хором
Слоняться меж декораций.
Там на поворотном круге
Движенье почти земное,
Там други лежат на друге,
И каждый почти со мною.
Промеж театральных сукон

Героика штабелями,
Чтоб было удобней сукам
Гоняться за кобелями.

* * *

Вот так садятся написать стихами
Такое, что не вынесет никто,
Вот так, взмахнув предсмертными руками,
Срываются с трапещий в шапито.
Так от детей уходят среди ночи,
Так матерей уводят на расстрел.
Все было так. Доподлинно. Так точно.
Чего ж тогда я не предусмотрел?
А был замах огромен и трагичен
И был смертоубийственен запал,
Но старый клоун, жалок и тряпичен,
Как старый хрен, в бессилии упал.
И понеслась по кругу клоунада
Под непотребным куполом небес,
Поскольку было никому не надо
Ни преступлений больше, ни чудес.
Не умерщвлен был и не арестован
Никто в дырявом цирке шапито,
Лишь на манеже корчил рожи клоун,
Читая детям Агнию Барто.

ВРЕМЯ

Единоборствую со временем.
Успехи наши переменны:
То я ему ногой по темени,
То мне оно под зад коленом.

Ему-то что? Оно - из вечности!
А мне куда - с огрызком века?
Вот так однажды изувечишься
И доживай всю жизнь калекой.

И какова же подлость хамская:
Казалось, точность - годы, даты...
А вот, к примеру, вместе пьянствуем -
И вдруг провалится куда-то.

То забежит, то остановится,
Ищи то спереди, то сзади.
Ты не успел еще опомниться -
Оно работает на дядю.

Ох, и беда мне с этим временем!
А без него куда ты денешься?
Оно, конечно, стало бременем,
Но как-никак, а время - денежки!

ЦИРК

Наверно, очень страшно станет,
Когда раздастся львиный рев
И перепуганною стаей
Вокруг замечется зверье.
Наверно, в жилах кровь остынет
И поседет голова...
Но ни в песках и ни в пустыне
Мне не пришлось увидеть льва.
Мой лев сидел на тумбе в клетке
И от прожектора робел,
Сидел, как на осенней ветке
Сидит промокший воробей.
Сидел, ободранный и тощий,
С поджатым под ноги хвостом,
А кривоногий дрессировщик
Казался настоящим львом.

* * *

В деревню, к тетке, в глушь, в Саратов!

А. С. Грибоедов.

Опять деревня, глушь, Саратов,
Над головою крик ворон,
И чья-то тетка воровато
Ночами гонит самогон.

Упиться вдрызг!
И смачно ползать
По лужам вылощенных луж,
Уйти в ничто, в канаву, в полночь,
В рабы, в Саратов, в тетку, в глушь!

Оглохнуть в матерных раскатах,
Упиться в доску, в стельку, в дым,
Пропить деревню, глушь, Саратов,
А заодно и тетку с ним!..

* * *

О, эта пламенная ложь,
Что ты опять пойдешь на север

И серебристо-серый сейнер
За сельдью снова поведешь!

Твоя последняя жена
Глядела в рот, развеса уши,
В правдивости всей этой чуши
По маковку убеждена.

Одно не ведала она,
Что так же верила в селедку,
И так же с нами дула водку
И предпоследняя жена.

Ты снова распускаешь перья,
Ты снова вдохновенно врешь.
Искрится этакая ложь,
Что даже я вот-вот поверю.

СПЕЛЫЙ АВГУСТ

Созревают бабы к августу,
Набирают красоту,
Напирают жизнерадостно
Животом по животу.

Словно стадо калориферов
Развалилось над рекой,
Как сказал поэт Анциферов,
Та – беременной другой.

Животы от счастья бесятся,
Подымаются бугром:
Эта на девятом месяце,
Та – на семьдесят втором.

ПОПУТЧИК

С восставшим пролетарьятом
Он не был доселе знаком,
С его деревянным плакатом,
С железным его языком.
Но он, эсперанто-эстетский,
Писал для солдатских газет
Прочувствованно-просоветский
Ликерно-лирический бред.
Он даже ходил комиссаром,
Ремнем опоясав реглан,
Себя ощущая корсаром,

Плывущим через океан.
Но бредни сменились на будни,
И речь перешла на картечь,
В его ветропарусном судне
Была обнаружена течь.
Теперь для его идеала
Вино оставалось одно,
Но скоро и водки не стало,
Осталось пустынное дно.
И он, потрясатель притонов,
Спустился в самогонный подвал,
Титанов своих и тритонов
Во вшах и клопах узнавал.
Одни тараканы при этом,
Куда расползаясь невесть,
О нем разносили по свету
Посмертно-шуршащую весть.
Не веруя в стойкость стаканов
И в преданность скачущих блох,
Учите язык тараканов,
Попутчики новых эпох!

ПИСЬМА НА СТЕНАХ

Приводя неизменно в волнение,
На витринах, щитах и заборах
Повсеместно висят объявления
О приемах, призывах, наборах.
Мне читать там, казалось бы, нечего,
Но, моих дожидаясь решений,
На меня загляделись доверчиво
Голубые глаза объявлений.
То загадочные, как ребусы,
То простые, как приказания,
Объявляют они, что требуются
Все уменья мои и знанья.
Вот траншеями перерытое
Метростроевское творение,
На меня одного рассчитывая,
Здесь повесило объявление.
Вот зовут меня три завода,
Обещая на всякий случай,
Что они меня за полгода
Всяким штучкам своим обучат.
Объявляют, что будут рады мне
В двух пекарнях и двух аптеках,
И о том, что немедля надо бы
В Заполярье на год поехать.
Я волнуюсь, как будто начисто

У забора жизнь начинаю,
Я волнуюсь, как будто качества
Неизвестные обретаю.
Вот подамся я в этом разике
В двадцать пятую стройконтору
И уеду на старом газике
Срочно требуемым шофером.
Вот пройду метров двести за угол,
Заявление там подам
И начну, словно Лешка Заурих,
Почтальонствовать по домам.
Завершается поиск истин,
На конкретном зрачки сужаются –
Если посланы эти письма,
Значит, где-то во мне нуждаются.
Значит, кто-то о мне заботится,
Ожидает моих ответов...
... Если есть у нас безработица,
То, наверное, у поэтов.

ПОХМЕЛЬЕ

Когда успевают напиться
Еще поутру алкаши,
Тогда прозревают тупицы
И жаждут спасенья души.
И душно им в собственных душах,
И всем им куда-то пора,
И в темных прокуренных тушах
Рождается жажда добра.
Ушли бы они без оглядки
От тел надоевших своих!
И смотрят пивные палатки
Почти матерински на них.

* * *

И я, как всегда, по карманам полез,
Последнюю мелочь считая,
Но там, как всегда, не бывает чудес,
Чудес, как всегда, не бывает.

Последний глоток безвозвратно исчез,
Бутылка безгрешно пустая.
Увы, на столе не бывает чудес,
Чудес, как всегда, не бывает.

Так что же мне делать с собою и без
Себя, ни за грош пропадая?

Увы, в голове не бывает чудес,
Чудес, как всегда, не бывает.

* * *

Среди сермяжных правд
И популярных истин
Воинственный парад
Незамутненных лысин.

Под скверный парадокс
Мечтаю о побеге,
Как будто передок
Потерянной телеги.

От конского хвоста
Доносится жужжанье -
Там истина проста,
Достойна подражанья.

Я буду осужден
По кодексу пословиц
Как старый патефон,
Надумавший злословить.

ПРОЩЕНИЕ

Как важно получить прощение,
Как нужно самому прощать -
Так происходит приобщение
И так нисходит благодать.

Ко мне пришлите виноватого
Любою страшною виной,
Лжеца паршивого, пархатого,
Публично проклятого мной,

И я прощу его торжественно,
Грехи любовно отпущу –
Я исторгаю дух божественный,
Когда кого-нибудь прощу.

И он, прощенный и покаянный,
Мне всех дороже и милей...
Идите аспиды и каины,
Ползите, гады, по земле!

Не то я сам паду вам в ноженьки,
Лицо на землю уроня:

«Товарищ Каин, будьте боженькой,
Простите грешного меня!».

ПОДРАЖАНИЯ

За собою давно замечаю
Беспристрастно слабину свою:
Рухнул недруг – его величаю,
Даже руку при встрече тяну.
И. Смирнов «Сельский город».

За собою давно замечаю я –
Христиански я близких люблю.
Если недруг еще не в отчаяньи,
Я его помаленьку топлю.

Доведу до инфаркта, сердечного,
И по-доброму руку даю,
Тут его бы пристукнуть, конечно бы,
Но слабину свою сознаю.

Хорошо бы мне жить средь убогих,
Средь босых, и в январских снегах
Наблюдая их голые ноги,
Проходить самому в сапогах.

ШЕРШЕ ЛЯ ФАМ

Не разобраться в жизни вам,
Вы - деревенщина!
Шерше ля фам!
Шерше ля фам!
Ищите женщину.
Приводят женщину ко мне.
Теперь понятно?
Шерше ля фам -
Как на Луне,
Синеют пятна.
Но это я исцеловал
Ее не свято
(Шерше ля фам!),
Я провожал
Ее куда-то.
Мои оставлены следы
На этом теле
(Шерше ля фам!),
Причем здесь ты,
На самом деле?

«Шерше ля фам» -
Со всех углов
Звучат ответы.
Шершеляфам.
А мужиков
Как будто нету.

ЧУВСТВО ЛОКТЯ

Чувство локтя – прекрасно!
Локтем двинули в бок –
И становится ясно,
Что ты не одинок.

Чувство меры?
Тут каждый
Солидарен со мной,
Если кружку однажды
Не дольют нам в пивной.

Чувство долга?
И спора
Лучше не поднимать:
Зазвонят кредиторы -
Сами будете знать!

* * *

По уши я в долгу,
Долг и дремуч, и долог,
Словно бы волоку
Струги свои на волок.

Тут не вселенский долг -
Все несравненно проще:
Рыскаешь, словно волк,
Чтобы разжиться трешкой.

КОЛОНИАЛЬНЫЕ ВЫБОРЫ

Бросаю в урну бюллетень,
И все культурно.
Потом хожу я целый день,
Как на котурнах.

А урну дворник поутру
К помойке стащит,
Увидев бланки, скажет: "Друг,

Попутал ящик!".

ЗМЕЙ ГОРЫНЫЧ

Войдите в положенье Змей Горыныча:
Давным-давно приелись приношения.
Но на Земле уже не могут иначе
И жертвуют для самоустрашения.

Ему бы подружить с вегетарьянцами,
Он молочка попил бы с наслаждением,
Но вновь к нему с магическими танцами
Жрецы ведут кого-то на съедение.

А Змей от жертв давно изжогой мается,
Того гляди, обзаведется грыжею,
Того гляди, последний зуб сломается,
Того гляди, совсем со света выживут.

Того гляди, сожрет владыку жречество -
Кого недуги царские касаются?
Беззубый Змей - зачем он человечеству,
Когда собака каждая кусается?

ЛЯГУШКИ

Дай, царевич-Иван стрелу,
Научи обращаться с луком.
Вон лягушка моя в углу
Мне картошку готовит с луком.

Как пронжу я ее насквозь,
Сразу станет она моложе
И повесит на ржавый гвоздь
Старый фартук из жабьей кожи.

От кастрюлей, корыт и ванн
Разойдутся в дома царицы...
... Не скупись на стрелу, Иван,
Дай лягушкам повеселиться.

МУРАВЬИХА

Эй ты, косоглазое лихо,
Тебя ли в стихах воспевать!
Но вот заползла муравьица
В мою молодую кровать.

К чему бы?
Но чувствую все же,
Когда бы ни вспомнил о ней,
Я всей воспаленною кожей,
Насколько все это древней
Моих построений логичных,
Моих огорчений смешных,
Моих развлечений столичных,
Моих приключений земных.

По спинкам бутылок портвейных,
Мозги утомясь полоскать,
Я сам поползу в муравейник
Свою муравьюху ласкать!

* * *

Всегда без спутников, одна...

А. Блок.

Здоровое женское тело
В нарядном сверкающем платье
За столиком рядом сидело,
Сложив белы руки на скатерть.
Здоровое женское тело
Задумчиво стулом скрипело,
Потом он пило и ело
И даже тихонечко пело.
Все было привычно, обычно,
Со столиков ближних соседи
На тело глядели по-бычьи
И рыкали, точно медведи.
А тело смеялось, довольно,
Что сыто оно и здорово...
Я поднял бокал и невольно
Сказал:
- Добрый вечер, корова!

ГОРЕ ОТ УМА

Как тяжело предположить
В соседи дурака!
Тебе же с ним бок о бок жить,
Стоять у верстака.
Тебе с ним водку в праздник пить.
Стаканами стучать,
Быть может, дочь его любить,
Растить его внучат.

И вдруг узнать о том, что ты
 Не принимал всерьез,
Считал приметой суеты,
 Осмеивал до слез,
Что возникало до тебя
 Забавою пустой,
Сосед твой принимал любя
 До каждой запятой.
И сам считал он, в свой черед,
 Что ты ругал шутя
Его, к примеру, огород,
 Иль там еще котят.
Да мало ли когда о чем,
 О разностях каких
Потолковать найдут вдвоем
 На свете дураки.

ПОЭТ XX ВЕКА

*Пока не требует поэта
К священной жертве Аполлон,
В заботы суетного света
Он малодушно погружен.*

А. С. Пушкин.

Какой, простите, Аполлон
Какою жертвой потревожит,
Пока для "Москвича" баллон
Поэт достать никак не может?

Не до зовущих перспектив,
Не до элегий, не до стансов,
Пока за кооператив
Не внесено еще авансов.

И соловей не запоеет,
И для скворца скворечник тесен,
Пока путевок не дает
Бюро по пропаганде песен.

И даже старый Дон Кихот
Не станет мыкаться повсюду,
Пока не выпишет литфонд
Командировочную ссуду.

Ах, у поэтов не ищи
Речей пророческих и бредней -
Давно багряные плащи

Они оставили в передней.

Того по службе обошли,
Тот проиграл по лотерее...
Пока не собраны башли,
Кто станет петь о Лорелее?

Пока к священной жертве быт
Позвать поэта не сумеет,
Поэт, возможно, сочинит
Про что-то. Ежели успеет.

ЭВОЛЮЦИЯ БЮРОКРАТОВ

Сперва они глядели строже,
Хоть в захолустье, хоть в столицах,
И что-то чудилось бульдожье
В не улыбающихся лицах.

Потом прошла эпоха псиная –
Бульдоги поняли ошибки,
И что-то вылезло крысиное
В образовавшейся улыбке.

ГИМН ЯИЧНИЦЕ

***Не разбив яйца,
яичницы не попробуешь.
Пословица.***

Давайте яйца разбивать,
Чтоб знать, какие там цыплята,
Давайте цены подымать,
Чтоб знать, какая тут зарплата.
Давайте строить и ломать,
Полировать, потом корезить,
Тогда сумеем понимать,
Что было в том яйце, быть может.

* * *

Пустынно гудящий котел
Зовут головою. Как странно!
Скорее уж это костел
С расстроенным, скверным органом,
Где старый, дурной органист

Себя самого утешает,
Как будто слепой онанист
Запретную радость вкушает.
Эй, кто-то!

Эй, где-то!

Эй, вы!

Берите!

Сожрите!

Наешьтесь!

Послушайте звон головы
И этим навеки утешьтесь!

* * *

Мы повторяем молитвы
Там, где поллитры нужны,
Мы выпиваем поллитра
Там, где молиться должны.

Путаем грех со спасением
И со спасением грех,
Ибо теперь воскресение
Рано приходит для всех.

* * *

А люди не любят животных,
А люди не любят людей.
Они узнают в них охотно
Соседей, друзей и детей.
Отыщут в приятеле сходство
С лисицею или хорьком,
Сравнят свою дочь-вертихвостку
С каким-нибудь милым зверьком,
Заметят цвета попугая
В нарядах знакомой четы,
И только в себе избегают
Звериные видеть черты.
А если бульдожьи повадки
Хозяин припрятать не смог,
Докажет, что нету собаки
Приятней, чем этот бульдог.

ПРАЗДНИК, КОТОРЫЙ ВСЕГДА С СОБОЙ

Трусов скукой не задразнишь,
Не бывало трусам грустно,
Был всегда с собою праздник –

Трусы праздновали труса.

* * *

Явление миру Христа
Однако же было замечено
И статуей в виде креста
Народами увековечено.

* * *

Ты не стучи в ребро,
Не разрывай рубашку,
Не спутывай добро
С душою нараспашку.

Душа нужна для драк,
Для свадеб и обеден,
И если сам дурак,
Не помогай соседям.

* * *

Душевноздоровый. Душа не болит.
Душа, как корова, здорова.
По сущности, он-то и есть инвалид,
А судит душевнобольного.

* * *

Я хожу по околице,
В некулёму влюблен,
А вокруг колоколится,
Словно падера, лен.
Стопку квасу ярушкою
Натошшак закушу
И в ворону нерусскую
Кирпичом запушшу.
Чтобы знала уродина,
На каком языке
Надо каркать на родине
И писать в «Огоньке».

ВКУС ПОЭЗИИ

Старый поэт,
Словно старое, злое вино,
Старое сусло в нем
Перебродило давно.
С возрастом разным

Нам разная марка досталась –
Уксусом только
Не стать бы под старость.

СКАЗОЧКИ, ПЕСЕНКИ, БАСЕНКИ

* * *

Где-то по свету шляется
Диоген с фонарем,
Человека старается
Отыскать днем с огнем.

Я теряюсь в потоке людском,
Растворяюсь средь белого дня.
Диоген, посвети фонарем -
Может, встретишь меня.

Жизнь идет пересверками
То любя, то губя.
Я однажды пред зеркалом
Не узнаю себя.

Я хожу незамеченным
Между каменных стен.
Эй, послушайте, встречные,
Кто из вас Диоген?

* * *

Я один известный срок
Рос и рос упрямо,
И однажды мне пупок
Завязала мама.

А потом она в ночи
Говорила, кажется,
Ты, сыночек, не кричи,
Ведь пупок развяжется.

Я давно с бородой,
Но, как прежде, кажется
Самой страшной бедой,
Что пупок развяжется.

Не кричу я по ночам,
Обзавелся опытом,
Даже к собственным врачам
Обращаюсь шепотом.

Понимаю - будет срок,
Не поможет мама,
Неразвязанный пупок
Берегу упрямо.

* * *

Жизнь проходит отдельно
От законов ума.
Все, выходит, поддельно –
И тюрьма, и сума.

В окруженьи поддельных
И хлопот, и забот
На дворе понедельник,
И не будет суббот.

Нас когда-то поддели
На кривые крюки,
Но и рыбы поддельны
Так же, как червяки.

Был товарищ – подельник
По статье и судьбе,
Только срок он поддельный
Сам придумал себе.

На износе предельном
Мы вертимся давно:
То, что оси поддельны,
Колесу все равно.

Неподдельны укусы
И во лживых устах,
Неподдельны Исусы
На фальшивых крестах.

* * *

Мы все надеялись на массу,
И массу мы перевозили...
«Все это правильно по Марксу,
Но Маркс писал не про Россию».*

Мы все надеялись на личность,
Пока не стала личность культом,
Мы были за демократичность,
Но в понимании оккультном.

Потом в «Вопросах ленинизма» **

Искали нужные ответы...
Ложится отблеск коммунизма
Нам на погонные просветы,

И на железные каркасы,
И на подпорочки гнилые...
«Все это правильно по Марксу,
Но Маркс писал не про Россию».

** В.И. Ленин, т. 45, стр. 106.*

*** И.В. Сталин «Вопросы ленинизма».*

* * *

«Мы - пролетариат духа!» – крикнул с трибуны пролеткультовец.
«Господи, господа, - перекрестилась старая актриса, - нищие духом, значит!».

* * *

Да, нас одаривал Верховный
С непостижимой щедротой:
Богатых – нищетой духовной,
А бедных – просто нищетой.

* * *

Нам, бестолковым, через годы
Растолковали, наконец,
Не может быть отец народа,
Когда он сыну не отец.

ВОРОН ВАНЯ

С той поры, как в раннем детстве
Покусали парня блохи,
Всюду ищет он
Подтексты,
Всюду чувствует
Подвохи.
Видит он в букашке буку
И других уверить тщится,
Заглянуть готов под букву,
Как под юбку танцовщице.
Даже призрак коммунизма
Повстречав на перепутье,
Через призму кретинизма
С привиденьем перепутал.

* * *

Поманили девочку рублем,
Хорошо, красиво поманили...
... Цепи рабства срочно разобьем
Где-нибудь в тропической Маниле.
И на острове Мадагаскар
Флаги зашуршат, под солнцем рея,
Хорошо писал Уайльд Оскар
О портрете Дориана Грея.
Растяжима дымчатая нить
Нашего морального канона.
Чем бы мне кого-то поманить,
Подскажи, священная Юнона!
Надои, Юнона, молока,
Без него я тихо пропадаю,
А при нем богатого быка,
Может быть, немного забодаю.

НА ЭТОМ ПРОКЛЯТОМ ЗАПАДЕ

(Песенка Восточных штатов)

От старых помойных ям
Дурные исходят запахи...
Все это бывает там,
На этом проклятом Западе.

Приходит смерть карасям,
Мелеют речные заводи...
Все это бывает там,
На этом проклятом Западе.

Уходит жена к чертям -
Вещички смотала загодя...
Все это бывает там,
На этом проклятом Западе.

НЕОТПРАВЛЕННОЕ ПИСЬМО

От собственных охов синая,
Собою самой смятена,
На свете жила Ахинея -
Примерная мать и жена.

Был старый ее Ахинеищик
В свою Ахинею влюблен,
Из тысячи всяческих женщин
Супругу избрал себе он.

И маленький их Ахиненок
Работал на той же волне,
Поскольку от самых пеленок
Он был ахинеен вдвойне.

Отсюда пошел Ахинеев
Старинный прославленный род,
Встречал их я у Пиренеев,
И у Никитских ворот.

Встречался в старинных Афинах
С бесчисленной этой родней,
В Бразилии "Viva Ахино!"
Кричали, взмахнув пятерней.

И в старых, и в новых Индеях,
Как самый надежный товар,
Настоянный на ахинеях,
В розлив продавался отвар.

Но дальше, простите, не смею
Я это письмо продолжать,
Поскольку вчера в Ахинею
Случайно признал вашу мать.

НАУЧНАЯ РАБОТА

Мы тогда служили с Ванькой-братом:
Он работал Понтием Пилатом,
Я же, как последняя паскуда,
Должен был ишачит на Иуду.

Ох уж эти звери-иудеи!
Сущие бандиты и злодеи --
Им друг другу глотки рвать охота,
А у нас научная работа.

Мать, что родила меня, не рада,
Но сказали: "Надо, Федя, надо!
Если не тебе, тогда кому же?".
Так вот по сю пору и иужу.

ФАРФОРОВЫЕ БОЛВАНЧИКИ

Ни споров, ни раздоров я
Отныне не терплю.

Пойду себе фарфоровых
Болванчиков куплю.

Как это все заманчиво,
Не высказать словами,
Когда вокруг болванчики
Кивают головами!

Я недоволен сам собой -
К несчастью, все бывает.
Но мне болванчик головой
Приветливо кивает.

Проходит год, идет второй,
Столетия пролетают,
А он кивает головой,
Кивает и кивает...

БУКВАРЬ

Вождизм, как тифозная вошь,
Опять в головах копошится:
Усатый раскрашенный вождь
Глядит с обветшалой страницы.
Наверное, из букваря
Рептилия эта изъята...
По тем букварям,
Без вранья говоря,
Мы сами учились когда-то.
Но мы-то прошли не одни буквари,
А этот!..
Мне чистит ботинки
И что-то такое внизу говорит
По поводу этой картинки.
Не то ассириец, не то армянин,
Не то еще кто-то восточный,
И мы говорим с ним один на один,
Беседуем, так сказать, очно.
Ничей микрофон в каблуке не включен,
Но в жажде утраченной власти
Мне в ногу вцепился ручищею он,
Как будто наручник в запястье.
Ах, как бы он крепко меня заковал
По первому тайному знаку!
Но он тосковал.
Ах, как он тосковал,
Тех знаков не видя, однако.
Пусть чистит, страдалец, мои башмаки.
Чихая от уличной пыли,

Хотя и привычней лизать сапоги –
За это щедрее платили.
И пусть его вождь
Пред его алтарем
Маячил сапожной иконой –
Мы в будках похожих
Его букварем
Чего-нибудь там у себя подотрем
Легко,
 неподсудно,
 законно!

ОХОТСОЮЗ

Передал телефонный узел
Указание свысока,
Что в районном охотсоюзе
План не выполнен по волкам.
Лишь зарделась на небе розовом
Недорезанная заря,
Разбрелись по лесам березовым
Волкодавы и егеря.
Там загонщики зычно гикали
И стоял такой гам и треск,
Что с макушек ушанки прыгали
И, как зайцы, скакали в лес.
Шли охотнички цепью дружною,
Истоптали весь белый снег,
Только волка не обнаружили –
Где найдешь его, если нет!
Председатель охотсоюза
Окончательно загрустил –
Два разряда картечи в пузо
Жучке собственной засадил.
И решило охотсобрание,
Что покойнице волком быть.

Знала б Жучка судьбу заранее,
Раньше стала бы волком выть.

ЭВОЛЮЦИЯ БЮРОКРАТОВ

Сперва они глядели строже,
Хоть в захолустье, хоть в столицах,
И что-то чудилось бульдожье
В не улыбающихся лицах.

Потом прошла эпоха псиная -

Бульдоги поняли ошибки,
И что-то вылезло крысиное
В образовавшейся улыбке.

ПИКАНТНАЯ ПЕСЕНКА

Пока сытеет мир
И спят в чехлах стволы,
Грядет пикантный сыр
Народам на столы.

Пикантный анекдот
При старом камельке
Сильней, чем самолет,
Сорвавшийся в пике.

Винтовочный патрон
Ржавеет среди кустов,
У будущих матрон
Пикантность животов.

Пока растет война
Среди сердитых стран,
Да здравствует страна
Под соусом пикан.

* * *

*Антарктида – единственный
материк, на котором запрещены
военные действия.*

В далекой седой Антарктиде
(Увы! Антарктида одна!)
В каком бы там ни было виде
Военщина запрещена.

Так вот оно, значит, в чем дело!
Военными будут поля,
Покуда не обледенела
Вся матушка наша Земля.

МАДАГАСКАР

*У нас такой хороший губернатор!
Он так красиво говорит!
У него такая добрая улыбка!
Какое у него должно быть вкусное мясо!*

Туземная песенка.

Нас хвалят.
Безудержно хвалят.
За голос,
За рост,
За глаза,
За ум,
За талант
И так дале,
Но что-то скрывается «за».

Ругают
Тайком и нахально
За голос,
За рост,
За глаза,
За ум,
За талант
И так дале,
Но что-то скрывается «за».

И если меня, как тенета,
Опутала липкая лесь,
Наверное, думает кто-то
Меня подслащенного съесть.

И если, нещадно охаян,
Бельмом покажусь я врагу,
То, стало быть, мысль неплохая
В моем копошится мозгу.

Терзали меня и ласкали
За это проклятое «за»,
И только на Мадагаскаре
Про все говорили в глаза.

МУРЛАНДИЯ

Стоит страна Мурландия,
И к каждому углу,
Чтоб виделось нагляднее,
Прибито по мурлу.

Чтоб знали мурло-муромцы,
Глаза продрав со сна,
Какая это улица,
Какая тут страна.

Чтоб мур-мурло-мурлыкали
Мурлово и мурно
И были с мурлоликими
Мурлами заодно.

Мурландская религия
Мурлатся не велит,
Мурландия великая
Мурлающе мурлит.

НЬЮ-ИСТОРИЯ ГОРОДА **НЬЮ-ГЛУПОВА**

Как-то раз проворовался
Некто рыжий,
И с поличными попался
Вор бесстыжий.
С той поры и ненавидит
Рыжих город.
Только рыжего увидят –
Бейте вора!

Двоеженцем очутился
Некто черный,
При живой жене женился
Он повторно.
Стали черных ненавидеть
Через это,
Только в городе увидят –
Бей брюнетов!

А однажды алкоголик
Белобрысый
До падения под столик
Перепилился.
В осуждении слился город
Воедино:
Воскликает мощным хором –
Бей блондинов!

Любят черные и рыжих,
И блондинов,
А блондины их по рылам
И по спинам.
Награждают без разбора
Тумаками,
Так и ходит целый город
С синяками.

ЦЕНТРОФОРВАРДЫ

Нам слева пасовали,
И справа пасовали,
Болельщики орали
«На мыло!» и «Ура!»,
А мы не спасовали,
А мы мячи совали,
Бывало, что и в аут -
Игра всегда игра.
Следил центральный стоппер
За нами, словно опер,
Вратарь в футболке красной
Дежурил, как палач -
Играли мы опасно,
Нам это было ясно,
Но мы в его ворота
Не раз вбивали мяч.
Не хвастаясь голами,
Мы скажем между нами,
Игра на центре поля
Важней, чем по углам.
Мы правы иль не правы,
Вы слева или справа
Следите, как хотите,
Судите по голам.

* * *

Хоть бы мне на кого обидеться,
Обозлиться бы по-хорошему!
Все вокруг скоморохи видятся –
Как сердиться на скоморошину?

Всякой всячиной нашпигованы,
Расфуфырены и напыжены,
А возьми на поверку – клоуны,
А копни их поглубже – рыжие.

Оболгали меня и предали,
Жаждут крови моей и казни,
Если б знали бы, если б ведали,
До чего забавные козни.

Шалунишки вокруг, проказники,
За наганы взялись опять –
Им бы только на детском празднике
В балаганчике выступать.

ЛЕСНЫЕ ОБЪЯВЛЕНИЯ

У опушки по весне
Объявления на сосне:
Двум тетерям
Нужен терем,
А два гуся ждут бабусю –
Строчка к строчке семят:
«Надо нянчить гусенят».
После дерзкой
«Грын-травы»
Зайцам
Требуются львы.
Вот Аленушка-сестренка
Ищет братика-козленка.
Сыр ворона потеряла
И по объявлению
Получить его желала б
За вознаграждение.
Волк бездомный,
Даже тот
Рожки-ножки продает.
Всем в лесу чего-то надо -
Обменять, купить, продать...
Лишь о клетках зоосада
Объявлений не видать.

КУРИЦА

А курица – тоже птица,
Тоска ее крылья гложет.
А курице тоже снится,
Что в небо подняться не может.
А курице стало тесно –
В курятник не помещается.
Ей низко летать с насеста,
Ей скучно сидеть на яйцах.
И курица вдруг взлетела.
Над огородом и садом
Повисло белое тело
С тяжелым кургузым задом.
Шарахнулись прочь вороны,
Снялась стрижей эскадрилья,
Как будто бы от коровы,
Поднявшейся вдруг на крылья.
А курица в небо, в небо
Плыла почти по-собачьи
И думала:

«Мне бы, мне бы
Хотя бы чуть-чуть удачи!».
И ахали куры-дуры,
И крыльями вслед махали,
Но были не те натуры,
Чтоб овладевать верхами.

* * *

Видишь, две кошки
Идут по дорожке –
Кошка Мартыша
И кошка Матрешка.
Ох, как боится
Соседняя мыша
Кошек Мартышек
И кошек Матрешек!
Ах, как довольны
Бывают детишки,
Если играют
Матрешка с Мартышкой!
Чтобы на нашей
Был улице праздник,
Больше бы кошек
Хороших и разных!

* * *

Сказали лошади,
Что лошадь
По всем критериям
Она.
Такой неслыханною
Ложью
Она была
Потрясена.
И когти выпустила
Кошка,
Со зла во весь
Мяукнув рот:
- Я, может, кошка,
Но немножко,
А ты на самом деле
Кот!

* * *

Палка собаку любила,
Палка собаку побила,

А люди придумали враки,
Что палок не любят собаки.
И все хорошо бы, но жалко
Собаку, людей и палку.

* * *

Меж чертом и куличкой
Произошел раскол –
Он рядом с электричкой
Кулички не нашел.
Он шел среди колючек,
Он плыл среди реки,
Но там взамен куличек
Кричали кулики.
А так как черт столичный
Был сам из мужиков –
Нужны ему кулички,
Не надо куликов.

ЧЕРЕПАХИ

Ползут две черепахи
По выцветшей золе...
Какие только страхи
Бывают на земле!

У малой черепашки
Песок во рту горчит,
А у большой из башни
Орудие торчит.

И тянутся два следа
В золе солончака:
Огромный – до победы,
А маленький – в века.

СВИНСКАЯ БАСНЯ

Скончался тигр,
Страшилища не стало.
Но в старом страхе трясся темный бор.
Тогда на свет повылезли шакалы,
Гиены повылазили из нор.
И стали править бодренько Сыр-бором.
А чтобы страх в округе не погас,
Втащили труп разбойника на гору

И выложили бору на показ.
Зверье притихло: «Черт их, тигров, знает,
Подох – а все усат и полосат!
Да и шакал все так же завывает,
Как и при нем, гиены голоса»...
Но тут кабан какой-то затесался.
В затишье недорубленных лесов
Едал он падаль и не испугался
Посмертно шевелящихся усов.
Как шакалье рвануло с поля боя!
Как яростно гремел кабаний рев!
И всей тигриной власти полнотою
Вмиг наделило кабана зверье.
Кабан, согласно собственной природе,
Как мог, царил, как получалось, жил,
В конце концов при всем честном народе
На стол свои копыта положил.
Тогда зверье опомнилось: «О, боже!
Свинья над нами царствовать не может!».

Мораль сей басни я от вас не скрою:
Хоть был кабан порядочной свиньей,
Не от того не усидел в царях,
А от того, что собственной ногою
Убил в зверье перед царями страх.

ЦАРЬ ДОНДОК

Внук известного Додона,
Знаменитый царь Дондок
Услыхал однажды с трона
Приглушенный шепоток.
И хоть тихо в тронном зале
Раздавались голоса,
Было слышно, что шептали
По углам про чудеса.
Царь решил проверить слухи,
Подозвал к себе Ягу
И сказал тайком старухе:
- Жить без чуда не могу!
Чтоб помочь такому горю
Всемогущего царя,
Были вызваны из моря
Тридцать три богатыря.
Вслед за дядькой Черномором
Парни выстроились в ряд
И царю Дондоку хором:
- Нету чуда! – говорят.
Притащили старца Вия,

Знатока по чудесам,
Оказалось, Вий впервые
Слово это слышит сам.
Привезли в царю Кощея,
Изругал царя Кощей:
- Не встречал, - кричит, - вообще я
Сверхъестественных вещей!
И тогда, воспрянув духом,
Получив такой урок,
Повелел не верить слухам
Знаменитый царь Дондок.

ТРИЗНА
(Басня)

Орел сорвался со скалы,
Отвековал свое...
Туда, где падают орлы,
Слетает воронье.
Воспоминанья об орле –
Мол, рядышком летал,
Вил гнезда на одной земле,
Похоже клекотал,
Роднился, знаете ль, крылом
И профилем лица...
И ходят вороны орлом
На фоне мертвеца,
И о симпатиях своих
Ведут они рассказ.
... Потом к орлу один из них
Слетел

и клюнул в глаз.
И начался вороний пир,
Вольготно воронью –
Внимает весь пернатый мир
Их громкому вранью.
Орел ни слова не сказал,
Отговорил свое...

Орлы срываются со скал,
Бессмертно воронье.

* * *

Закрыли солнце на замок,
Настала тьма. И вот
Какой-то черт огонь зажег
Над топями болот.

Назавтра из-под всех замков

Вернулось солнце днем,
Но не воротишь простаков,
Ушедших за огнем.

* * *

Кишечная непроходимость –
Смертельное свойство кишок.
И вот по земле проходимец,
Как землепроходец, пошел.

При непроходимости речи
Какому профессору знать,
Какие ректальные свечи
В какие отверстия совать?

Кишечная непроходимость
Для мыслей, поступков и слов,
Печальная необходимость
Беззвучно жующих ослов.

ОГОРОДНЫЙ ПРОЕЗД

Скуля, как побитая сука,
Без радости, горя и зла
Зеленою плесенью скука
Вдоль старых заборов ползла.

Лениво зевали ворота,
Суставами петель визжа,
И рыжая, как позолота,
На крышах коробилась ржа.

Как будто унылою книгой
Ботвой шелестел косогор,
И красной кирпичною фигой
Украсили дети забор.

А там, за высоким забором,
Бесцветен, опрятен и сух,
Хозяин стоял мухомором,
Тоской убивающий мух.

* * *

У граничного столба
Вошь увидела клопа.
«Здравствуй! – вошь сказала, - клоп!
Из каких ползешь Европ?».
Клоп в ответ: «Едрена вошь,

Ты сама куда ползешь?
Я оттуда, ты – туда?».
«Что ж, у всех своя беда!
Каждый-всяк своей дорогой».

От морали не уйдешь:
Там и там клопа под ноготь,
Там и там под ноготь вошь.

* * *

Когда соседский сорванец
Морковь на грядках крал,
Меня, невинного, отец
На всякий случай драл.

Я обижался на отца
За этакий урок,
Но, сознаваясь до конца,
Он был, наверно, впрок.

ПАПОРОТНИК

Бывшие исполины
Притворились травой,
Словно пришли с повинной
Бедною головой,
Прикинулись покоренными,
Ползают и мельчают.
Деревья гордыми кронами
Важно вверху качают.
Но древнее недоверие
Берет вас за воротник,
Если вверху деревья,
А внизу папоротник.

НОВОГОДНЕЕ

У хороших людей
Зажигаются яркие елки,
У хороших людей
За столами тепло и светло.
Нехороших людей
Съели добрые серые волки
И следы от волков
Новогодней пургой замело.
По веселой земле

Ходят добрые Деды-Морозы,
Из огромных мешков
Непрерывно подарки дарят,
Разноцветными бусами
Сделались детские слезы
И на лапах еловых
Нарядно и жарко горят.
И не то чтобы пьян,
Но, шампанского брызгами взвинчен,
Произносит хозяин
Научно заученный тост,
И смеется в ответ
Со стены Леонардо да Винчи,
Словно самый ученый
На этой земле Дед-Мороз.
Прославляю тебя,
Новогодняя пестрая полночь,
В серпантинах твоих,
В мишуре конфетти и конфет.
А когда мы устанем,
Придет незаметно на помощь
Незнакомого года
Загадочный первый рассвет.
Побледнеют в лучах
Фонари на притихнувшей елке,
И, свое отгостив,
Я на первый троллейбус уйду.
... Нехороших людей
Уже скушали серые волки,
И следы их пургой
Замело еще в прошлом году.

ЛИЦА, ЛИКИ, МАСКИ

* * *

Мне говорят: "Начни с себя!".
А я начну с соседа.
Себя, любимого, щадя,
С ним поведу беседу.
Раскрою все его нутро,
Его густое скотство,
А самого себя хитро
Упрячу в благородство.

Тут, демократию кляня,
Он крылышки расправит,
На камне камня от меня,
Конечно, не оставит.
Он правду-матку возлюбя,
На ней верхом поедет...
Зачем же начинать с себя,
Когда вокруг соседи?

СВАТ ВАСИЛИЙ

А не поверю, как ни силюсь,
Чтобы мой сват или сосед,
Такой же, как и я, Василий,
Вдруг изобрел велосипед.

Но вот уже сверкнули спицы,
И завертелось колесо,
И по ночам теперь не спится,
И по утрам нехорошо.

Я не прошу соседской славы:
Изобрести велосипед,
В конце концов, имеет право
Не мой сосед, а Архимед.

ВОЕННЫЕ МЕМУАРЫ

Франтоватый офицер
С богу весть какого фронта,
Щелкопер и лицемер,
Прибывает из ремонта.
С ним какая-то жена
Богу весть какого мужа,
В мишуру обряжена
Изнутри и снаружи.
Так и тянется обоз
Колоритных персонажей
И давным-давно оброс
Элегической сажей.
Я с ним встретился в пути
На немыслимой границе.
Помоги, Господь, прости,
За хвосты не зацепиться!

* * *

Что такое амбиция
Гражданина Тупицына?

РЕСТОРАН «БАЛХАШ»

А Пете под пятьдесят,
А дома жена психует,
Пеленки внучат висят,
А он «Ча-ча-ча» танцует.
Потом на педалях твист,
Потом – на руле вертеться,
Петя в душе артист –
Он танцам учился с детства.
От школьного танцкружка
До оперы и балета,
Казалось бы, полвершка,
Но вот закрутился где-то,
Заехал когда-то в загс,
Потом завернул в «родилку»,
Не сбросил вовремя газ
И проскочил развилку.
А там поворота нет –
Все прямо гони, все прямо.
Мигает зеленый свет
Софитом домашней драмы.
- На, лабухи, десять рэ!
Играй до седьмого пота! –
А волосы в серебре,
А пятки чесать охота.
А завтра опять туда –
Гулянку долой и пьянку,
А завтра опять руда,
А завтра крути баранку.
И старенький ресторан
За ним по степи кочует
И лечит от прошлых ран,
От будущих ран врачует.

* * *

Из Евгения Сазонова.

Я люблю красивых и нарядных женщин,
Веселых и умных мужчин,
И не надо ни больше мне и ни меньше,
И скрывать это не вижу никаких причин.

Добавлю также уточнения ради,
Чтоб картина вкусов была полна,
Неплохо, когда и мужчина красив и наряден,
А женщина весела и умна.

* * *

Живут себе провинциалы -
Сплошные эмоционалы.
Все, как один, принципиальны,
Все, как один, провинциальны.

В провинции на сотни лиц
Рассыпалось лицо столиц.

ПАРОДИИ

На В. Сорокина.

На смех приходят,
Не ура ли! –
Его нехитрые стишки.
Он собирает на Урале
Свои вершки и корешки.

И все ревнителю морали
Рогатой, как олень-марал,
Тебя ни разу не марали,
Поскольку ты их не марал.

Средь героических окалин,
До селезенки прокален,
Он всемосковно оурален
И всеурально омосквлен.

* * *

Как отец,
сохранил бы любовно
Для тебя,
мой единственный сын,
Школу высшую –

ПО КОМ ТЕКУТ РЕКИ
(Автопародия)

*Вот так живешь, живешь на свете наспех,
И вдруг нисходит, словно благодать,
Что ты уже не Лев Щеглов, а Каспий,
И Волге кроме некуда впадать.*

Л. Щеглов, «Волга».

*В какой бы я ни был трясине,
Я верю тайной храним:
Моя фамилия – Россия,
А Евтушенко – псевдоним.*

Е. Евтушенко, поэма «Пресека».

Вот так придешь на море и увидишь,
Что моря нет, и застыл горизонт,
Перед тобой стоит поэт Овидий,
Который выпил весь Эвксинский понт.

Да что там море – это ли осилим!
Давно на том стоим, сидим, лежим:
Была страна по имени Россия,
Остался только странный псевдоним.

Читатель, ты идешь-бредешь по свету,
И до тебя доходит наша речь –
Что нет земли, везде одни поэты,
И рекам кроме не по чему течь.

* * *

Почти по В. Соколову.

Стоит, как на Парнасе,
Удобный, как буфет,
Голубчик Афанасий,
Душа любезный Фет.

Пути сюда короче,
Надежнее концом –
Пропустишь пару строчек –
Закусишь огурцом.

Не валко и не тряско
Проехать напрямик:
Фортуна – Фет - фетяска –

Фетиш – фельдфебель – фиг.

ПОЭЗИЯ ШИНКА

От кобеля до щенка
Оближут меня по праву.
Я главный поэт шинка –
Я здесь обрел свою славу.
Анатолий Кузьмин.

А кто здесь помнит Толю Кузьмина!
Иной народ толкается у стоек.
Как запах у пролитого вина,
Успех у алкоголиков не стоек.

Они забудут все и все пропьют.
Ни воскресений здесь, ни вознесений.
Они частушку Толину споют
И скажут, что писал ее Есенин.

Но в этом правда Толи Кузьмина
И самоутверждение, и сила,
Он бросил под подошвы семена,
По ним и ходит пьяная Россия.

И наплевать и Толе, и шинку,
Что имени его не помнят боле,
И даже я припомнить не могу,
О чем еще писал когда-то Толя.

ПЕСНИ

* * *

Эта песенка вам
Перед сном в колыбели,
Попросите у мам,
Чтобы мамы их спели -

Как уснули ежи,
Как умолкли синички,
Как лежат малыши,
Опустивши реснички,

Как у старой сосны
Засыпают кукушки,
Как спускаются сны
По ночам на подушки.

Как заснула коза,
Как заснули козлята...
Закрывайте глаза,
Засыпайте, ребята!

ДЯДЯ СОН

Дядя Сон приходит в тапочках,
Он усатый и усталый,
Потихоньку гасит лампочку,
Укрывает одеялом.

По головке гладит ласково,
Никому не даст обидеть –
Лишь закрывшимися глазками
Можно Дядю Сна увидеть.

ПОЛЮСЫ

Мне говорят – случайно мы
Перекрестились тропками –
Ты же такой отчаянный,
А я такая робкая.

ПРИПЕВ:

Это давно проверено,
И отрицать не нужно –
Если ты полюс северный,
Значит, я полюс южный.

Мне все подружки здешние
Стали теперь сочувствовать –
Ты же такой насмешливый,
А я такая грустная.

ПРИПЕВ.

Даже мои родители
Тоже приходят с критикой –
Ты же такой общительный,
А я такая скрытая.

ПРИПЕВ.

Только теперь не вынести
Нам никогда разлуку –
Нас, будто плюсы к минусам,
Стало тянуть друг к другу.

ПРИПЕВ.

ПЕСНЯ

Цыганы в прошлое уходят,
Как уходили паруса,
И забываются в народе
Их зазывные голоса:

Эй, красивая, молодая,
Подойди ко мне, погадаю,
На твоей руке
Кажу линию,
Предскажу судьбу
За двугривенный.
Не жалею рублей,
Что ты пятишься,
Все равно всю жизнь
Не рассчитаешься.

Пойду на старую Таганку,
Чтоб о прошедшем повздыхать,
Найду последнюю цыганку,
Чтоб как когда-то услышать:

Эй, красивая, молодая,
Подойди ко мне, погадаю,
На твоей руке
Кажу линию,
Предскажу судьбу
За двугривенный.
Не жалею рублей,
Что ты пятишься,
Все равно всю жизнь
Не рассчитаешься.

Давно сбылось ее гаданье.
О, как она была права,
Когда кричала на прощанье
Все те же самые слова:

Эй, красивая, молодая,
Подойди ко мне, погадаю,
На твоей руке
Кажу линию,
Предскажу судьбу
За двугривенный.

Не жалея рублей,
Что ты пятишься,
Все равно всю жизнь
Не расплатишься.

МЕСТЕЧКОВАЯ ЛИРИЧЕСКАЯ

Соня читала сонеты –
Парочку-тройку на сон.
В Соню влюбился за это
Старый скрипач Либинсон.

Соня попала в персоны,
Равной на улице нет.
Соня нашла Либинсона
И разлюбила сонет.

Был старикашка с приветом,
Много в стихах понимал –
Соню любил он с сонетом,
А без сонета прогнал.

Нет у нее Либинсона,
И без особых примет
Соня уже не персона...
Где ты, прощальный сонет?

РУССКОЕ КИНО

О, это русское кино,
Как песни русского народа –
Как будто старое вино,
Оно все крепче год от года.

ПРИПЕВ:

Минуют сроки и года,
Мелькнут стремительно моменты,
Но навсегда, но навсегда
Их сохраняют киноленты.

Солдаты, жизни не щадя,
Темны от копоти и пыли,
На европейских площадях
Кино российское крутили.

ПРИПЕВ.

К далеким жителям Земли

К моим товарищам-потомкам
Летят с экрана «Журавли»,
Плывет под знаменем «Потемкин».

ПРИПЕВ.

МИНИ

РУКОВОДЯЩАЯ СЕМЬЯ

Руководит папа точкой,
Рукой моет мама в клубе,
Руководельничает дочка
И сыночек рукоблудит.

* * *

Спешил. И о бабу временем,
На жизнь отведенным,
Хлоп!
Как неприкрытым теменем
С мотоциклета - в столб.
Потом запоздалою каскою
Осколки мозгов прикрыл
И с внуками глупой сказкою
До самой смерти хитрил.

ВЕЛОГОНКИ

Нажимай на педали,
Рвись в бескрайнюю даль -
Там тебя в этой дали
Ожидает медаль.
Если ноги устали,
Лбом педали бодай.
Остальное - детали,
Основное - педаль!

* * *

Я однажды поутру
Вошел в картежную игру,
Да и тобой – давно пора –
Воспета эта же игра.
Но кто там мот,

Кто банкомет,
Никто, пожалуй,
Не поймет.

* * *

Начинается катавасия.
Изловлю сейчас
Кота Васю я.
Будь хорошеньким,
Вася, котиком,
Не швыряй в меня
Старым ботиком,

* * *

Я раззява и растрепан:
Полюбила мизантропа,
И не то, чтоб полюбила,
А прогнать его забыла.

Он вокруг себя не видит,
Потому что ненавидит.
Целый свет его обидел,
Он одну меня увидел.

У меня на шее виснет
Человеконенавистник.

* * *

Болят с похмелья голова -
Она по-своему права.

* * *

Не забудь, что околичности -
Это тоже око личности.

* * *

Я озабоченная женщина –
Забот различных полон рот.
Так все на свете перемешано,
Что и местком не разберет.

* * *

Нет, не мегера, не гетера,
Обыкновенная жена.
Но назначенья секретера
Постичь не вынесла она.

* * *

Сначала прорезаются клыки,
Позднее зубы мудрости растут.
Охотно огрызаются щенки,
Почуя в деснах воспаленный зуд.

Но огрызаться вам не по годам.
Вы, извините, бабушка, мадам!

* * *

Да, скромность украшает даму.
Мир к этой формуле привык.
Но вы должны ответить прямо:
Вы дама или большевик?

* * *

Своих движений не прикроем
Ни полководцем, ни вождем,
Когда мы даже под конвоем
И то по-разному идем.

* * *

У поездов не будет катастроф.
У поездов случаются крушенья.
Крушения - как будто из костров
Еретики вопят от удушенья.

* * *

Я понял с горем пополам,
Что нас переучили,
И если пишется «Вильям»,
Зачем писать «Уильям»?

* * *

Мышь уверяла белый свет:
- Страшнее кошки зверя нет.
Не верьте ей. Не то потом
И тигр покажется котом.

* * *

Громче окай на Оке,
И на Оке тоже окай.
Произносится «О, кей!»,
А на самом деле – «О, кей!».

На соседнем языке
Разыгрались ничевоки:
Ничего себе сакэ,
Если соки из осоки.

* * *

Генералу N.

Твою застольную беседу
Я не намерен прерывать -
Ты добыл Пиррову победу
И честно можешь пировать.

* * *

Поэта обмарали
За что-то воробьи –
У птичек нет морали
Ни в жизни, ни в любви.

* * *

С головою совещались волосы
С правом совещательного голоса.

* * *

Рано грамоте учились,
Поздно поняли слова.
Вот какие получились
От жилетки рукава!

* * *

Пусть пишут подёнку подонки.
Поэты уходят в потёмки.
И пусть разбирают потомки
Промытые потом котомки.

* * *

На ваших мягких лириках
Сегодня жестко спать,
Как будто близ сортирика
Поставили кровать.

* * *

Сороколит
Сорокопуд
Сорокопят
Сорокопуп
Сорокоуст
Сорокопоп
Сорокопуст
Сорокотрёп.

* * *

Ходите по земле своей, ходите,
Позванивайте струнами гитары,
И каждая тропинка – кончик нити,
Чтоб раскрутить клубок земного шара.

* * *

Как сложно жить на свете -
Кругом водоворот,
И взрослые, и дети
Втянулись в хоровод.

ПРЕДЗИМЬЕ

Мусорное время года.
В переулочках шурша,
Не оставила природа
Для народа ни шиша.

КРЕДО

* * *

Не листочки, не лепесточки,
Не карасики на реке –
Человек до последней точки
Не в пейзаже, а в пиджаке,

Перезвон голосов девичьих,
Угловатый изгиб руки
Интереснее трелей птичьих,
Ненаглядней речной луки.

Даже крохотная морщина,
Насеченная на челе,
Глубже следа любой машины,
Прокатившейся по земле.

Небосвод интересен звездами,
Интересна людьми земля.
Человеку еще не воздано,
Что ж мы пишем про тополя?

ГИМН НЕБИТОМУ

Говорят у нас в открытую,
Повторять не устают,
Что, мол, издавна за битого

Двух небитых отдают.

Я и сам судьбой не милован,
Ничего не миновал.
Бит бывал со страшной силою,
Разве что не на повал.

Все изведено, испытано,
Понимаю, что к чему,
Оттого, что за небитого
Роту битых не возьму.

* * *

Умейте властвовать собой,
А если боль?
А если бой?
А если гонят на убой?
Тем круче властвуйте собой.

СПРАВЕДЛИВОСТЬ

Только пуля за пулю.
Только слово за слово.
Только деньги за деньги.

Если слово за деньги,
Если пуля за слово,
Если деньги за пулю,

Значит, вся справедливость -
Бред собачий в потемках.

* * *

Снимите модное манто,
Наденьте собственную кожу –
И вас никто раздеть не сможет,
И не узнает вас никто.

СТИХОТВОРНЫЕ РЕПОРТАЖИ

СЕГОДНЯШНЕЙ ИСТОРИИ СТРОКА

(Из Полоцкого блокнота).

1.

История!

Какая там история!

История в софийских куполах,
В замшелых стенах крепости Батория
И под броней музейного стекла.

Живущие

ее не слышат поступи,

Они воюют, учатся, спешат,
Прикладывают к будущему подступы –
Живут,

а не историю вершат.

Для них важнее цифры планов точные,
Да верный глаз, да крепкая рука...

... В опалубке покамест неразборчива
Сегодняшней истории строка.

А люди,

люди, что же,

люди – вот они!

Слезают с эстакад, как с баррикад,

И овекает ветер лица потные

Дыханием всего материка.

Разноязычны,

зычны

и напористы,

Они умеют,

смеют

и хотят.

Им только дай –

растопят лед на полюсе,

Их допусти –

на звезды полетят.

2.

Непривычное, необжитое,

В поле выросло общежитие

С комендантами и вахтерами

И длиннющими коридорами.

И над комнатухами-сотаами

Номера: двадцатые, сотые...

И одной бригадой ударной

Расселились по сотам парни.
То брюнеты, то рыжеватые,
Холостые, ох, неженатые.
В комнатухах живут по трое,
Новый город средь поля строят.

А на некоем расстоянии
Разместилось второе здание,
С комендантами и вахтерами
И длиннющими коридорами.
И над комнатухами-сотами
Номера: двадцатые, сотые...
И одной ударной бригадой
Расселились в сотах девчата.
Симпатичные, интересные,
Все любимые да невесты.
В комнатухе живут по трое,
Новый город средь поля строят.
Ах, как зелено!
Ах, как молодо!
Как не быть среди поля городу!

ДОРОГА

Протектором пробуя глобус,
Цепляясь за теплый асфальт,
Скрипя тормозами, автобус
В недалнюю двинулся даль.
Навстречу горячечным ветрам,
Что пылью над степью метут,
Бросок в пятьдесят километров –
Привычный, типичный маршрут.
С базара усталые бабы
Мешки и корзины везут,
Беззлобно ругают ухабы,
Со вкусом баранки грызут...
Простые житейские темы
Нехитрых дорожных бесед...
Не знают они, что поэму
Про них сочиняет сосед.
Наверно, покажется раем
Названный таинственный сказ,
Когда за Березовым Гаем
Сухой появляется Вяз.
Скромна, как простая овечка,
Как ивовый пруттик, проста,
Течет немудрящая речка
По этим безводным местам.
Когда-нибудь Волгой весенней

По прихоти рук и наук
Прольется она на посевы,
Поля орошая вокруг.
Послушай, Вязовка Сухая,
Послушай, степная жара,
Ты слышишь: в полях затихают,
Свое отпахав, трактора.
Заложено доброе семя,
В земле урожаи лежат...
Как медленно тянется время
От сева
До всходов и жатв!

СЕВ ТРАВЫ

Я представлял, что повсеместно,
Из века в век, из года в год
По всей стране зеленым лесом
Трава обильная растет.
Ее не пашут и не сеют,
Она не слишком дорога –
Уж такова страна Расея:
Повсюду сочные луга.
И от весны до заморозья
Среди умеренных широт,
Как говорится, на подножном
Корму пасется сытый скот.
Но я, выходит, знал лишь Север,
Края прадедов и дядей.
И там, конечно, сеют клевер,
Но это так, для лошадей.
Чтоб были лошади здоровы
Возить тяжелые дрова,
А для овцы и для коровы
Годилась дикая трава.
И с удивлением великим
Я понял здесь, что был неправ,
Что степь не приготовит диких,
Труда не требующих трав.
Что даже травы пахнут потом,
И там, где зной да солонцы,
Сухим, чахоточным осотом
Одной не выкормишь овцы.
И вот негаданно-нежданно,
Найдя знакомую жару,
Трава далекого Судана
Пришла в Заволжье ко двору.
Давным-давно не иностранка,
Давно с буренками на «ты»,

Пересекла трава-«суданка»
Все пограничные черты.
И где-то на Паньковой Шишке,
Не зная, кто куда ввезен,
На парных сеялках парнишки
«Суданку» сеют в чернозем.
В пыли на всех чертей похожий
Хозяин высеянных трав,
И коли он не чернокожий,
То уж наверное араб.

ВОДОВОЗ

Служил Алеша водовозом,
И весь его родной колхоз
Всерьез гордился всем совхозом,
Что есть Алеша-водовоз.
Не велика как будто сложность –
На бочке ездить целый век...
... Не человека красит должность,
А должность красит человек.
Поди попробуй встань до света,
Впряги в цистерну «Беларусь»
И с первыми проблеском рассвета
Свези на ферму первый груз.
А если ветер валит бочку,
А если солнце злей и злей,
И ты – единственная точка
Для применения лучей?
Да что там лето – не об этом
Пойдет рассказ сегодня мой,
Езда нужна не только летом,
Ведь воду надо и зимой!
Кто виноват, ответить сразу
Единой фразой не берусь,
Но не влезает в двери базы
Колесный трактор «Беларусь».
Никто, должно быть, не повинен,
Всем полагается свое.
И сняли с трактора кабину:
Вози, Алеша, без нее...
Вози, вози, да только помни,
Что, как известно, без воды
И ни телятник, ни коровник
И ни туды, и ни сюды.
А по степи мороз – за сорок,
А по степи такой мороз,
Что примерзает к шее ворот,
Копейки делает из слез.

Спасибо, шубу председатель
Со своего отдал плеча.
Но ведь и шуба, как сказать вам,
Была не слишком горяча.
Но все ж в любое время года,
Чтоб процветал родной колхоз,
Неисчерпаемую воду
Возил Алеша-водовоз.
Потом встречал он в гости брата,
И удивлялся брат всерьез –
Какую крупную зарплату
В селе имеет водовоз!

ЗАВИСТЬ

Колхозники живут богато.
На погребах полно провизии,
Урчат приемники по хатам,
Мерцают в хатах телевизоры.
В деревне к этому привыкли,
Как голодали – позабыли.
Дарят внучатам мотоциклы
И копят на автомобили.
Не гонят даже самогонку –
Предпочитают лучше водочку:
И потому, что незаконно,
И потому, что деньги водятся.
И говорят друг другу вкрадчиво
В сберкассах барышни кисейные,
Что самые большие вкладчики
Не городские уж, а сельские.
Вы правы, грамотные девочки,
Чужие денежки считая:
Колхозникам хватает денежек –
Совсем другого не хватает.
На погребах полно провизии,
Но вы поверьте, не от лени
Они не смотрят телевизоры
И редко делают пельмени.
Лежат капроновые кофточки
В дорогостоящих комодах...
Не оттого, что им не хочется,
Доярки отстают от моды.
Вот я пишу стихотворение
И, от души сказать, не знаю,
Когда за недостатком времени
Они все это прочитают.

И В ЗАВЕРШЕНИЕ

АНДРЕЙ КУРЬСКИЙ

(Исторический этюд).

Мой древний предок
 предал Русь.
И полно –
 Русь ли предок предал?
Что им содеяно –
 он ведал,
Я от него не отрекусь.

* * *

Не замолить, не опровергнуть.
Да и кого теперь молить?
Вольно – принять,
Вольно – отвергнуть,
Извольте соблаговолить.
Лежит нагая правда факта,
Где ни прибавить, ни отнять –
Хватило б мужества и такта
Не искажать,
Не подменять.

Но факт – дурак,
И пуля – дура,
Когда стреляют фактом в лоб,
Приходит не литература,
Приходит музыка
И гроб.

Итак, мой предок
Предал Русь.
И от Москвы
Отъехал к ляхам,
Какой тропой,
Которым шляхом,
Я вам ответить не берусь.

Но утверждаю:
Были волки,
И конь испуганный храпел,

И страх
Из-под ближайшей елки
В глаза бежавшему глядел.

И будто оборотень,
Плаха
Лежала поперек пути,
И пень
Под шапкой Мономаха
На землю требовал сойти...

Я не хочу пути такого,
Я не хочу, я не хочу.
Но как копье,
Летело слово:
«Поберегись,
Пощекочу!».

* * *

Внесли в синодик
Всех сестер,
И братьев,
И дядей, и сватов.
Но древний предок
Был хитер
И сам себя
От ката спрятал.

А надо бы наоборот –
Ему лежать
На месте лобном,
Царь Иоанн
Об мести злобной
Печалится который год.

«Ты, князь Андрей,
Не князь – собака,
Гадюка ты, Андрей,
Не князь».
И подвернувшегося
Дьяка
По непотребной вые –
Хрясь!

... О, господи!
Тебя восславлю,
Ты душу грешную прости,
Но не осталось в Ярославле,
Кому бы голову снести.

«Смотри, Андрей,
Я всех порушу,
Я сына кровного
Убью!
Спаси загубленную душу –
Отдай мне голову
Свою».

Но нету головы Андрея,
И тяжкий, ненасытный взгляд,
Дурною кровью матеря,
Ложится на боярский
Зад.

На все зады.
Зады повинны!
Ужо Иван покажет им!
Кому – лозой,
Кому – дубиной,
Кому и чем-нибудь иным.

И будет о грехе содомском
В ночи
Великий князь кричать
И лбом о половые доски
Пред Божьей матерью
Стучать.

* * *

Мой древний предок
Предал Русь –
Царь Иоанн
Руси не предал,
Но где вы,
Прадеды и деды?
Никак до вас
Не докричусь.

Где ваша Русь?
В ордах Мамаю?
Под шведом?
Под лихой Литвой?
Какие бури обломали
Кресты над вашей головой?

Ох, князь Андрей,
Ты пересмешник,
Тебе величья не постичь.

Зовешь опричника,
Кромешник:
Тебе хоть кроме,
Хоть опричь.

А нам опричь.
Остричь баранов!
По плечи головы остричь!
А нам бы только Иоаннов
Заполучить
Ременный бич.

И уж тогда за Русь святую
На древний Новгород
Пойдем!
Уж там-то мы
И полнотуем,
Свое сторицею возьмем.

Все перепашем
В рукопашной,
Перекореем,
Сокрушим.
Лупи своих,
Чтоб было страшно,
Как по пословице,
Чужим.

Ни бога впереди,
Ни черта.
Эгей, опричина, ударь!
Один господь –
Иван Четвертый,
Один – кромешный государь!

* * *

«Иван, ты аки волк в овчарне,
И все кромешники твои,
Послушны твоему рычанью,
В народной плавают крови.
Ты предал Русь!..».

«Нет, я не предал!
Я – князь великий
На Москве –
Как ты, собака,
Не обедал
С врагами нашими в Литве».

Так год за годом.
Переписка,
Вперед историкам
Корма.
А между тем
Холоп российский
Не вылезает из дерьма.

А между тем
В застенках каты
Кого-то ставят на правож...
Эх, мама-родина,
Когда ты
Свою историю поймешь?

* * *

Андрей Михайлыч!
Князь Андрей!
Не упрекну тебя в побеге.
Но у захлопнутых
Дверей
Остались разве печенег?

За кромкой леса
Та же Русь,
Пройди болот литовских кочки,
И в первой луже
Первый гусь
Тебе по-русски загогочет.

Быть может, первым
Осознав,
Кто воцарился на престоле,
Пошто ты бегством
Честь поправ
Ушел в шляхетское ополье?

Пошто булатные мечи
Не обнажил
На поле бранном?
Пошто в словесные
Мячи
Играть пустился с Иоанном?

* * *

Пошто, пошто...
Поди ответь!
Один был царь – другой изменник,

И по-иному разуметь
Того не может соплеменник.

А появись, а воцарись...
А впрочем,
Тут начало смуты,
И снова жизнь
Уже не в жизнь,
И снова убежать кому-то.

* * *

Внеисторическая грусть
За беглецами
Ходит следом...
Мой древний предок
Предал Русь.
И полно,
Русь ли предок предал?

ВЕНОК СОНЕТОВ ДЛЯ УЧЕНИЦЫ

Наталье Татур.

1.

Не знаю, как ответить на вопросы.
Передо мною старая тетрадь,
Фигурки букв так наклонились косо,
Что прямо им, наверное, не встать.

У вас когда-то в детстве были косы,
Теперь их помнит разве только мать.
Над головами свищут сенокосы –
О волосах ли ваших вспоминать?

А я давно безропотно лысею
И ничего вокруг себя не сею –
Какие всходы можно ожидать?

Давным-давно прошли все сроки маю,
Своих вопросов сам не понимаю,
Но знаю, что их следует задать.

2.

Но знаю, что их следует задать,
Все эти очень старые уроки.

Моложе вы. Вам позже умирать,
У вас иные жизненные сроки,

У вас иные жизненные соки,
Легко вам мел с доски своей стирать!
Но глубоко мои вонзились строки
В потрепанную общую тетрадь.

Скорей учитесь, милая, скорее!
Не то я так преступно постарею,
Что стану ниже мыслями и ростом,

Уйду в склероз. Блаженен и болезен,
Я буду совершенно бесполезен.
Как все не просто! Ах, как все не просто!

3.

Как все не просто! Ах, как все не просто!
Как много в жизни уместится жизнью
Коротких, словно вспышка папиросы,
Иль бесконечных, словно грусть на тризне?

Переживанья перманентно остры,
Капризы судеб вас самих капризней.
Дай бог дожить вам лет до девяноста,
Да будет старость выигранным призом.

А вот меня до срока укачало –
Я начинаю каждый год сначала,
Боясь к его приходу опоздать.

А лучше это будет или хуже,
Судите сами, вам видней снаружи.
Давайте вместе думать и гадать.

4.

Давайте вместе думать и гадать,
Что лучше: встать березой у дороги,
Родной земли надежный сок впитать
И наблюдать, как мимо ходят ноги,

Или сорваться с места и ступать?
Разграниченья тут довольно строги,
Акафисты не будут совпадать –
Есть бог дорог и есть иные боги.

Я вам ответить не сумею толком:
Я пробежал рысучим серым волком,
Не обрастал, как дерево, берестой.

А может быть, под нею-то и счастье!
Врастайте в землю, это в вашей власти.
К решенью нет спасительного моста.

5.

К решенью нет спасительного моста –
Кидаться надо в омут с головою.
Не знаешь, где кора, а где короста,
И отчего ночами волки воют.

Приходит опыт на краю погоста,
Не захватить нажитого с собою.
Была бы кость – первоначальный остов,
А мясо может вырасти любое.

Давно боюсь советам наскучить.
Но как бы мне улучшить вашу участь?
Помочь стоять? Или помочь шагать?

Я до сих пор неловок безобразно,
Я до сих пор на поворотах вязну.
Над топью мыслей узенькая гать.

6.

Над топью мыслей узенькая гать.
Но люди вязнут не в одних лишь мыслях.
К чему глаза стыдливо опускать –
Иду ко дну не в переносном смысле...

Кому сначала надо помогать?
Тем, кто над пастью пропасти повисли,
Или тому, кто как полнощный тать,
Обворовать мозги свои замыслил;

Кто был рожден в бору кудрявым дубом,
А в жизни стал зачем-то лесорубом?
В корнях, увы, причудливы наросты...

Быть может, вслух об этом прокричать?
Быть может, лучше глухо промолчать?
Кричать не просто и молчать не просто.

7.

Кричать не просто и молчать не просто,
Когда весь путь, казалось бы, изучен,
Но мозг, уже не головной, а костный,
Как безвозвратный каторжник, измучен.

Оберегайте с детства силу роста –
Его запас по выдаче получен.

Ценна, конечно, золотая россыпь,
Но самородок, извините, лучше.

Конечно, можно слитком стать из пыли,
Но пальцы тех, кто этот слиток лили,
Свою наложат вечную печать.

Нам это все доподлинно известно,
Но трудно в этом сознаваться честно –
Не просто правду говорить и лгать.

8.

Не просто правду говорить и лгать,
Когда доходит речь до основного,
Когда нельзя уже предполагать,
И требуется каменное слово.

Когда не песню надобно слагать,
А жизнь сложить надежно и толково.
Я вам скажу однажды: «Исполать,
Не поминайте лихом Льва Щеглова.

Он перешел все эти рубежи,
Не избежав ни правды и ни лжи.
Он был бы вам усердный репетитор,

Но и к нему единожды пришло
В какое-то забытое число
Сомненье, как великий инквизитор».

9.

Сомненье, как великий инквизитор,
С тех пор ко мне заходит без опаски
И путает на стареньких палитрах
Давным-давно проверенные краски.

Ни крест не помогает, ни пол-литра.
Как в бесконечной сказке-неотвязке,
Какой-то бес бессовестный и хитрый
Окрест меняет дьявольские маски.

Когда кругом двоится и троится,
В чем только не возможно усомниться!
Сомненьями, как смолами, пропитан,

Предупреждаю письменно и устно:
И к вам сомненье, как это ни грустно,
Придет однажды с дружеским визитом.

10.

Придет однажды с дружеским визитом
Какой-то гость, доселе неизвестный,
И вы ему заявите сердито,
Что здесь его сужденья неуместны.

Но возразит он «прямо и открыто»,
Что вы в своей сердитости прелестны,
И вами будет сразу позабыто,
Что неуместен бывший неизвестный.

Когда б оценки выставлялись стойким,
В журналах школьных выстроились бы «тройки».
Парадоксальность самоутвержденья!

Дошедшая до самоотрицанья,
Она придет, доспехами бряцая,
И зачеркнет готовое решение.

11.

И зачеркнет готовое решение
Семья, сомненья, сила обстоятельств...
Провал решения – это не крушенье,
Так, разновидность маленьких предательств.

А впрочем, существует положение,
Что человек - хозяин обстоятельств,
И глупо оставаться от рожденья
В плену одних и тех же доказательств.

Ты сам хозяин собственного слова –
Захочешь – дашь и отбираешь снова,
Полслова дал – назад потребуй сдачу –

Всегда имейте мелкую монету...
Я вас опять оставил без ответа,
А книга судеб – старенький задачник.

12.

А книга судеб – старенький задачник!
Дано решить – что больше: единица
Иль сотня сотых? Неудачник плачет,
Ему никак ответа не добиться.

На самом деле, что все это значит?
Однажды взять и можно раздробиться,
И все на месте – так или иначе
Кругом одна и та же единица?

Зачем здоровье на раздумье гробить,
Раз единица равноценна дроби?

Когда равна суммарная отдача?

А, может, все же разные отсчеты
У целых чисел и у чисел сотых?
... Решить пример не может неудачник.

13.

Решить пример не может неудачник.
Да что ходить далёко за примером!
Я сам решал подобные задачи
И не решу до кладбища, наверно.

В пылу любовных радостных горячек,
(Скажу, чтоб не казаться лицемером),
Разменивал горящих на горячих
И достоверность меры – на химеры.

Я до сих пор не знаю, что ценнее –
Когда обширней иль когда крупнее?
Не знаю однозначного решенья.

Но, принимая на ходу любое,
Я жег себя единою любовью,
Верша единый акт самосожженья.

14.

Верша единый акт самосожженья,
Следите, чтобы сердце не ослепло,
Чтоб не осталось вдруг в распоряженье
Одна лишь горстка серенького пепла.

О, всех костров высоких притяженье –
Святая тяга праведника в пекло!
Да оградить вас предостереженье,
Пока душа в пожарах не окрепла.

Я рядом с вами. Возгласом и взглядом.
Но я не вы. Я с вами только рядом.
А лед и пламень, плесы и торосы

Принадлежат вам лично. Ваше время
Несет вам ваше собственное бремя.
Не знаю, как ответить на вопросы.

15.

Не знаю, как ответить на вопросы,
Но знаю, как из следует задать.
Как все не просто! Ах, как все не просто!
Давайте вместе думать и гадать.

К решенью нет спасительного моста,
Над топью мыслей узенькая гать.
Кричать не просто, и молчать не просто,
Не просто правду говорить и лгать.

Сомненье, как великий инквизитор,
Придет однажды с дружеским визитом
И зачеркнет готовое решенье.

А книга судеб – старенький задачник.
Решить пример не сможет неудачник,
Верша единый акт самосожженья.

ИЗ ПОТЕРЯННЫХ СОНЕТОВ

Наталье Татур.

А мясо может вырасти любое?
Но не представлю я себе, как на
Худых костях тexasского ковбоя
Произрастает мясо скакуна.

Хотя одна дорога у обоих,
И цель у них, казалось бы, одна -
Дойти до ранчо, отдохнуть от зноя,
Хлебнуть глоток воды или вина.

Не помогают общие походы,
Когда мы разной с лошадьёю породы.
Зачем себя перерожденьем мучить?

Вы не спеша подумайте об этом,
Но не считайте мой сонет советом -
Давно боюсь советами наскучить.

* * *

Давно боюсь советами наскучить -
Не голова уже - а сельсовет,
Куда идут за справками на случай
Определенья жительствова и лет.

Мне начинает лоб от мыслей пучить
И высыхает горло от бесед.
Но каждый день меня приходит мучить
Какой-нибудь докучливый сосед.

Хотите жарить к ужину котлету?
Бегите за советами к поэту -

Он на котлеты, говорят, везучий...

Ну что ж, я рад. Советуйтесь смелее.
Хоть я и сам не многое умею.
Но как бы мне облегчить вашу участь?

* * *

Но как бы мне облегчить вашу участь?
Хочу все ваши тяготы учесть,
Проверить на живучесть и плавучесть
И все потом по пальцам перечесть.

И в этом деле, видно, что-то есть -
Развеселясь, устав или соскучась,
Вы мне опять оказывали честь,
В сонетах роясь, как в навозной куче.

Ищите лучше! Я давным-давно
Там потерял жемчужное зерно.
Зачем добру напрасно пропадать?

Быть может, вы в моем стихотворенье
Найдете строевое наставленье,
Когда стоять вам и когда шагать.

* * *

У вас когда-то в детстве были косы!
У вас когда-то в детстве было детство!
Какие были солнечные плесы!
Какие люди жили по соседству!

Какие вам дарили абрикосы!
Как прижимали вас к чьему-то сердцу!
Какие приходили Дед-Морозы!
Куда потом могло все это деться?

Скорее общите вашу душу -
Быть может, тот щегленок не задушен,
Что так умел восторженно пищать?

Где заблудились рыжие котята?
Куда запропастились поросята?
Об этом помнит разве только мать.

* * *

Легко вам мел с доски своей стирать.
Невозмутимы аспидные доски.

И ошибиться можно, и соврать -
Недолговечны белые полоски.

Но наступает время отвыкать -
Все эти доски через меру плоски,
К тому ж, на доски стали проникать
Чеканки по металлу отголоски.

И та доска становится с тоской
Почти мемориальной доской
Следы от старых надписей глубоки.

Я сам когда-то думал, что сотру
Все, что по легкомыслию совру,
Но глубоко мои вонзились строки.

* * *

Прожить за жизнь возможно сколько жизней?
Как говорили в Риме - "квантум сатис",
Что в переводе с дальнего на ближний
Примерно означает "сколько схватишь".

Но не гонитесь вы за дешевизной -
Потом дороже за нее заплатишь.
Еще Балда однажды с укоризной
Предупреждал, что при расплате спятишь.

Берите жизнь, а не от жизни что-то,
Живите жизнь, а не сводите счета.
(Все предложенья – результаты спроса).

В чередованье связанных явлений
Не надо останавливать мгновений
Коротких, словно вспышка папиросы.

СОНЕТ О ВЕНКАХ

Венки сонетов - не для пустяков.
Когда задачи пред тобой ничтожны,
То обходиться можно без венков,
Тогда метлою обходиться можно.

Но размышленья зачастую ложны.
Проверьте правду мудростью веков.
И как бы вам ни приходилось сложно,
Не умножайте радость дураков.

Венок сонетов надевает бог
За их труды на головы поэтам.
Но если твой венок изрядно плох,

Не бог, конечно, был повинен в этом.
Пока до главной не дошли строки,
Не суйте лучше головы в венки.

ВАСИЛИЙ ТОРДОИЧ

Сегодня в гостинице гости,
На столике – винный музей,
И перебираются кости
Знакомых, родных и друзей.
Про то да про это болтая,
Как будто бы стали сродни,
Поэму о Горном Алтае
К утру наболтали они.
Осталось лишь сесть за страницу,
Осталось работать пером,
Но путь через эту границу,
Наверное, в чем-то втором.
Наверное, надо добраться
К каким-то горам самому.
И тонут алтайские братцы
В густом сигаретном дыму.
И лезет (откуда взялася?)
Неясная тема в углы,
И смотрит таинственный Вася –
Василий Тордоич-Улы.

Малюсенький, древний народец,
Пастушески правильный путь.
Но словно в глубокий колодец
В алтайскую глубь заглянуть.
Простые районные будни.
Динамики стройно кричат.
И только шаманские бубны
Так разноголосо молчат.
Языческий блеск Алтын-Кёля,
Языческий пант на стене...
Но только, скажите, отколе
Таилось все это во мне?
Откуда так прост и понятен
Раскосый от хитрости глаз?
Почто же мне этак приятен
Совсем уж нерусский рассказ?
В мозгу копошатся, как черви,
Мыслишки и точат меня:

Наверно, российские черти
Алтайским шайтанам родня!
Языческий облик Алтая,
Состарясь, седеет, как лунь.
И только подспудно катает
Пудовые камни Катунь.

Василий Гордоич болтает
И тянет вино неспеша,
Но слышно, как тайно камлает
Его колдовская душа.
Казалось, простейшие трюки,
А, впрочем, поди разбери.
Ах, черт, мои пра-пра-пра-тюрки!
Братишка-шайтан вас дери!
Рожденные в электросвете,
Забывшие бедность и страх,
Шаманят чабанские дети
В цехах, институтах, в стихах.
Народной души постоянство
История не сокрушит –
Исконное это шаманство
Внутри революций лежит.
Алтай возвышается Горный,
Беспорен дремучий Алтай,
И души народов бесспорны –
О чем за столом ни болтай.

РАБЫНИ

*"Искандери она
оказалась по вкусу,
и он забавлялся с ней до утра,
а наутро, пресытившись,
отдал ее королю.
Королю она
оказалась по вкусу,
и он забавлялся с ней до утра,
а наутро, пресытившись,
отдал ее царедворцу.
Царедворец -- вассалу.
Вассал -- своей челяди..."*

Было так на Востоке.
Так описывал Муин Бсису.
Что он знал о России,
Курчавый коричневый Муин?

Гренадер взял на шпагу
Капрала немецкого с девкой,
И она отдалась ему тут же,
В дорожной пыли.
Увидал капитан
Заголенные девкины ляжки
И как старший по званию
Отнял ее у солдата
И в землянку увел.
И она до утра рассыпала
Горсти самых отборных,
Ни с чем не сравнимых щедрот.
А наутро в землянку
Зашел генерал, чтоб поздравить
Капитана-героя,
Представив его ко кресту.
Увидал генерал
Обнаженные белые груди
И на них распластался
Тяжелым военным крестом.
Он трофейную девку
Увез на свою штаб-квартиру
И оставил хозяйкой
В своем бивуачном доме.
И пришли к генералу
В тот вечер высокие гости.
Сам командующий,
Знаменитый сиятельный князь,
Посмотрел на хозяйку
И сплюнул от дьявольской злости
И сказал, что она
Для него на земле родилась.
Он покрыл ее бархатом,
Цепи золотые навесил,
В драгоценные камни
Запястья ее закрутил,
Припарадился сам
И куда как доволен и весел
К императору в гости
С добычей своей покатил.
И взглянул император
На новоявленное чудо,
И взыграла душа,
И вскипела монаршая кровь...
И решил защитить он принцессу
От срама и блуда,
И решил подарить ей
Россию,
себя
и любовь.

*"Не успела луна округлиться,
как стала рабыня бокалом
из которого пьют
короли, челядинцы,
вельможи, солдаты --
кому не лень...".*

Так описывал Муин Бсису
Участь пленницы.
Что о России
Мог курчавый коричневый Муин
Сказать?

САНТА-НОРМИТА

На острове Санта-Нормита
Забытого архипелага
Издrevле живут людоеды
В веселых своих деревнях.
О том, что они людоеды,
Они заявляют открыто.
На славном полотнище флага
Их древний красуется знак.

На острове Санта-Нормита
Поля и сады плодотворны,
Наполнены рыбой озера,
Отары пасутся в горах.
Счастливые островитяне
Не знают терзаний голодных,
Не знают военных разоров,
Забыли болезни и страх.

На острове Санта-Нормита
Случайных убийств не бывает.
Сосед, обозясь на соседа,
Не вынет из ножен кинжал.
Размеренно и деловито,
Продуманно здесь убивают,
Неспешно вершат людоеды
Торжественный свой ритуал.

На острове Санта-Нормита
Решает собранье шаманов,
Кого отобрать на закланье,
И кто его будет колоть.
И должен гордиться убитый,

Когда его примутся шамать,
Что пало вниманье шаманье
На эту ничтожную плоть.

На острове Санта-Нормита
Считаться убитым – почетно,
Здесь даже стыдятся живые,
Что жили они до поры.
И молятся ночью нормиты
В порыве любви безотчетной
На лезвия ножевые
И острые топоры.

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ

Все портреты кругом, портреты,
Слева лозунг, а справа клич.
Что вы скажете нам про это,
Дорогой Владимир Ильич?
Не отделаетесь гримасой –
Массы мнением дорожат.
Вы и сами уже стали массой
В наших массовых тиражах.
Мы обязаны знать однажды,
Почему это все же вы,
Хоть и смертен на свете каждый,
Остаетесь живей живых?

Перейти удавалось эту
Неразгаданную черту
Только Будде да Магомету,
Только Лютеру да Христу.
Понимаю, родился гений.
Только мало ли под Луной
В бесконечности поколений
Видел гениев шар земной?
Ни за Данте, ни за Шекспиром,
Ни за Кантом, ни за Толстым
Не кидалось вослед полмира,
Поджигая свои мосты.

Гениальностью объяснений
Не отыщешь ничьей тропе:
Я вот тоже немножко гений,
Только нет РСДРП.
А ведь вы человек как будто,
Помогите себя постичь!
Или, может, вы все же Будда,

Дорогой Владимир Ильич?
Я о вашем людском начале
В сотый раз прочитал на днях –
Как детишек вы привечали,
Как катали их на санях.

Но, внимая густому хору,
Не пойму, что они хотят?
Что ж вам было детишек в прорубь
Окунать, как слепых котят?
Говорят, вы латынь учили,
Но, как помнится, Иисус,
Находясь во всевышнем чине,
Тоже знал латынь наизусть.
Где отчетливые приметы?
Справа лозунг, а слева клич,
Все портреты кругом, портреты –
Где же вы, Владимир Ильич?

За столом секретарь райкома –
Как знаком наклон головы,
Как изогнута бровь знакомо,
Может, это сидите вы?
На трибуну вошел рабочий,
И рукою – привычный жест.
Как он точен и как отточен!
Может, вы это сам и есть?
Я читаю простые речи
Про железо да про кирпич,
Но, простите, какая встреча!
Это ж вы, Владимир Ильич!

Вы распались на составные –
Ни моя, ни его, ни их.
Ходим мы по земле земные
На обычных своих-двоих.
И своя у каждого драма,
И успех у каждого свой,
Но мотает Земля упрямо
Вашей ленинской головой.

АНТИФАШИСТСКИЙ ТРИПТИХ

1.

О, прорасти трава забвенья
На тяжких плитах Моабита,
Приди в глухое запустенье
Дорога ужаса в Майданек,

Чтоб были мною позабыты
Все, кто убиты в Магадане.
Когда же в выжженной Хатыни
У вас от сердца кровь отхлынет,
Встают в полярной полутьме
Покойники на Колыме.
От Беломора к Бухенвальду
Под сенью траурных знамен
Проходит лагерный дневальный
Бессмертный, как Наполеон.
Молчат на вышках часовые,
Собаки серые молчат,
И только вороны России,
Как и в Германии, кричат.

2.

Ты где там шастаешь на Рейне,
Нацист-фашист, такой-сякой?
Какие новые евреи
Твой потревожили покой?
В какой пивнушке снова спился?
К какой прицелился земле?
Какие вышки Саласпилса
Ножом рисуешь на столе?
Достать бы мне до красной рожи,
Скучающей по кулаку!
Но, к сожаленью, невозможно,
Но, к сожаленью, не могу!
Вчера в буфете станционном
Такой же, с толстым животом,
Все вспоминал свои погоны
С красивым синеньким кантом.
Все толковал про Заполярье,
Про Спецдальстрой, про Холмерью...
Ему бы тоже дать по харе,
А я с ним речи говорю!
Ай-яй-яй-яй! Как неприлично
Про свой Освенцим вспоминать!
И он прикидывал привычно –
Что дать мне –
Десять
Или пять?

3.

Пока психуем и блефуем,
Молчим, воды набравши в рот,
Уже пускает Челикс Фуев
Стишок паскудный в оборот.
Подайте Фуевым медали,
Чтоб круче выгнули хвосты!

Но и медали мы видали,
Но мы видали и кресты.
Нет, я не против Пантеона
Генералиссимусу,
Он
Вполне пригодная персона
Для помещенья в пантеон.
Я за достойную награду.
А надо только и всего:
Собрать за лагерной оградой
Все изваяния его,
Поставив в плотные колонны,
И навести прожектора...
Я сам такому пантеону
Кричу заранее «Ура!».
Но если пантеона нету
И, говорят, не может быть, -
Забудьте Сталина, поэты,
Чтоб смог я Гитлера забыть.

КАЗАХИ В КИТАЕ

Н. Бабошину.

Чужая родина. Чужой кругом народ.
Чужие реки и чужие камни.
Чужая жизнь по-чуждому течет,
И только небо общее над нами.

Мы дышим даже воздухом чужим,
Чужую пыль чужой вздымает ветер,
Но человек сравнениями жив,
Везде похожесть как-нибудь да встретит.

В чужих горах лежит такой же снег,
Как и в родных. Такие же отроги.
Да и в дождях совсем различья нет,
И так же вьются по степи дороги.

* * *

Звенела в небе песенка «Бул-бул»,
Как будто у подножья Алатау,
Как будто позади родной аул,
И песенка оттуда долетала.

О, этот зов родной земли!
Бездомное, бездомное страданье!
И горсть песка скитальцы не могли

Из дому взять с собою на прощанье.

Обычаи забылись и друзья
На бесконечных жизненных этапах,
А вот без песни обойтись нельзя –
У песни и у трав целебный запах.

О, этот детства памятный напев!
Он сразу застигает жизнь чужую
И, в памяти сердечной уцелев,
Гудит, ветрами Родины бушуя.

«Бул-бул» - какая все-таки краса,
Творит она с народом чудеса!

* * *

Вершины, небеса, сверканье молний...
Какой земною тайной колдовства
Под вами этот мир земной заполнен
И вами потрясен до существа!

Вершины. Камни серо-голубые
Под покрывалом белых облаков?
Нет, для меня они совсем иные –
Там тоже море, но без берегов.

Парень в море. Грозные раскаты.
Геройство – это не одни слова.
Умей взлететь, достать людей крылатых,
Хоть сам без крыльев – и мечта права.

Ослабнешь ты от тысячи препятствий,
От груза тела не освобожден.
Но тем на зависть, что внизу томятся,
Твой гордый дух не будет побежден.

Эта песня возвышает душу,
И недолговечная душа
Песней вырывается наружу,
Нежностью бессмертною дыша.

Песни достаются нам в наследство,
Предки с нами в песнях говорят,
И другого нет от смерти средства,
Чтобы с песней выстроилось в ряд.

Бибигуль – серебряное горло,
Дорогая горлица моя!
На тебя посматривает гордо

Неподкупный времени судья.

Ты играй, играй на струнах сердца!
Пусть от них кружится голова.
Лучше песни нет от смерти средства,
Бесконечны у нее права.

* * *

Белый марал
 искупался в сиянии лунном,
Дикая серна
 резвится на гребне сверкающих скал,
Это запели
 волшебные дивные струны,
Это в театре природы
 ликует бушующий зал.

Падают с неба
 упругими гроздьями звезды,
Ветер над миром
 витает, как ангельский сон.
Белый орел,
 словно парус, вознесся на воздух,
Это раздался
 мелодии царственный звон.

* * *

Звуки волшебные, нежные тают в ушах,
Может быть, это родник зажурчал на горе?
Может быть, сам соловей пробудился в садах
Трелью, как ртутью рассыплась на алой заре?

Так я услышал ее, не очнувшись от сна,
Так я не знал, наяву это или во сне?
И надо мною, как птица, кружила она,
И на подушку, как ветер, спускалась ко мне.

Не утерпел я. За песней поднялся во след.
Желтая степь. Тонким волосом голос протянут по ней.
Он баюкал. Но поднял от крепкого сна,
Сна такого, как в детстве, из царства теней,
И я понял, что снова вернулась весна.

Соловей посетил сад желтеющий наш,
Ветер свежести хлынул в палящий июль,
Словно вновь ожила и запела Куляш
Или голос свой передала Бибигуль.

АМЕРИКАНСКАЯ ТРАГЕДИЯ

Мысли после боя.

А победителей не судят,
Покорно головы на суд,
Как тыквы на широком блюде,
Лишь побежденные несут.
Я победил в бою вчерашнем,
Непоправимо победил.
Не так, наверно, было б страшно,
Когда бы кто-нибудь судил.
Огонь слизнул полсотни хижин,
Скользнув, как рыжая змея,
И если даже кто-то выжил –
Какой он, к дьяволу, судья!
Дрожит, испуган и изранен,
Добить бы надо заодно,
Но оккупант теперь гуманен,
И добивать запрещено.
Великодушен победитель,
И, что там красные ни врут, -
Явился как освободитель
Сюда сержант Каупервуд.
Коммунистической проказе
Распространиться не дадим.
Как было сказано в приказе –
Мы всех их тут освободим.

Письмо из Вьетнама.

Начинаем горестно
Рассуждать.
Что-то стало боязно
Побеждать.
Что-то стало совестно
Нам до слез,
Словно едем в поезде
Под откос.
Вся земля ломается,
Весь Вьетнам!
Но не полагается
Думать нам.
В изголовье лампочка,
Как запал.
Мама моя, мамочка,
Я пропал...

Полковая хроника.

Письмо солдата Робертсона
Бросало тень на гарнизон.
И офицеров гарнизона
Собрал полковник Робертсон.
У лейтенанта Гарри Скотта
Стоял в ушах похмельный гуд,
И представлять вторую роту
Пошел сержант Каупервуд.
*«Мы все недоедаем,
Нам всем живется туго,
Мы все надоедаем
До одури друг другу,
Нам до сих пор неясно,
Зачем нам тут толпиться,
Но нам уже опасно
Смотреть друг другу в лица...».*

За этим до Каупервуда
Дошли другие голоса:
Встает какая-то зануда
И держит речь на полчаса.
Клянется именем закона,
Закона именем клянет,
Позор солдата Робертсона
На чьи-то головы кладет.
Уже топорик правосудья
Над тонкой шеей занесен...
... Увы, покойник не подсуден
И вам, полковник Робертсон.
Он победил в бою вчерашнем,
И звездно-полосатый стяг
Его укрыл от власти вашей –
В раю грехи ему простят.
Он от суда по воле судеб
Всевышним господом спасен.
«Мы победителей не судим», -
Сказал полковник Робертсон.

Пьяный бред.

Ура, сержант Каупервуд!
Вам повезло, Аллан –
Вас через месяц отвезут
Назад за океан.
Уже постановил сенат
И подписал Конгресс –
Отправить доблестных солдат
Из этих гиблых мест.
Пуškai другие вместо нас
Отведают сполна
И эту кровь,

И эту грязь,
И этого вина.
Алло, старик!
Алло, Аллан! Налей!
Еще налей!
Грехи замолит капеллан,
А денег не жалеи!
Бодрей, сержант,
Гляди кругом –
Не так уж плохо жить!
Ты видишь,
Радостный Гонконг
Готов тебе служить.
Вот эту хочешь?
Хочешь ту?
А хочешь сразу трех?
Ведь ты не трус?
Ведь ты не труп?
А остальное – треп!
Идите к черту, лейтенант!
Заткнитесь, Гарри Скотт!
Вас не испортила война,
Вы довоенный скот.
Глотайте пойло,
Жмите баб –
Такой у вас талант!
Могуч, как старый баобаб,
Хохочет лейтенант:
- Валяй, Аллан!
Руби, сержант!
- Круши, Каупервуд!
- Еще вина, официант,
Чтоб не было простуд!

Письмо из Америки.

Привет, сержант Каупервуд!
Иль как вас там еще зовут.
Нас отправляют во Вьетнам,
Как говорят, на смену вам.
Но флагов может не хватить,
Чтоб все тела потом прикрыть.
И звезд не хватит, и полос,
И слез, и вырванных волос
У наших с вами матерей.
И грохот наших батарей
Не заглушит мои слова –
Ночная черная сова
Солдатам в уши прокричит
Все, что приемник промолчит.

Вот захожу я в магазин,
Вот покупаю там бензин
И за спасенье ваших душ
Горючий принимаю душ.
Как жадно впитывает твид
Струю...
И как потом горит!

Монолог перед Белым домом.

Я пока что не факел,
Остается момент –
Может, все-таки хватит,
Господин президент?
Может, хватит свободы
Из-под пушечных жерл?
Может, сами народы
Обойдутся без жертв?
Что нас по свету носит
Привиденьем войны?
Кто нас, собственно, просит?
И кому мы нужны?
Я пока что не факел,
Остается момент –
Может, все-таки хватит,
Господин президент?!

Речь в Конгрессе.

Самосожжение фанатика
Не бросит тень на Капитолий –
Из незначительного фактика
Не стоит создавать историй.
Нам лучше знать, куда направлены
Лучи сияющей свободы,
И чем решительней подавлены,
Тем независимей народы.
Мы протянули руку помощи,
Во всем Америка права,
И пусть заткнется Джон, не помнящий
Американского родства!

Строки из газет.

Вчера из армии сбежал
Предавший родину сержант.
Да проклянет мерзавца мир!
Да совершится суд!
И пусть подохнет дезертир –
Аллан Куапервуд.

Его друзья легли в бою –
Настал их звездный час.
Он шкуру подлюю свою
Один из сотни спас.
Пусть звездно-полосатый флаг
Пронзит его древком!

Ты враг, Аллан?
Кому ты враг?
Врага увидел в ком?
Не для военного суда -
Причем военный суд?
(С чужими флагами суда
От всех судов спасут.
В столицах тысячи держав
Тебя укроет мир).
Ты от чего ушел, сержант?
Откуда дезертир?

Песня Каупервуда.

Передо мною родина в долгу
За все мои ненужные работы,
За все мои недужные заботы,
За то, что лицедействую и лгу –
Передо мною родина в долгу.
За все мои неясные дороги,
За все мои напрасные тревоги,
За то, что руку подаю врагу –
Передо мною родина в долгу.
Как мать моя виновна в жизни сына,
Как в бедах сына мать моя повинна,
Как я повинен, делая строку,
Передо мною родина в долгу.

Из протокола жюри.

За прекрасные песни,
Что печалью за душу берут,
Приз «Последних известий»
Получает Каупервуд.

Письмо Каупервуда в ВФДМ.

Я живу под каньоном,
Я в нейтральной стране.
Полевые законы
Не страшны уже мне.
Только что-то ночами
Мне уснуть не дает,

Словно кто-то свечами
Веки сонные жжет.
Пред родною старою
Не осталось вины –
Эти счета со мною
До конца сочтены,
Но остались ребята
В недобитом полку –
До сих пор ни солдата
Позабить не могу.
Бузотер и похабник,
Сволочь старая Скотт –
Где он бедствует, бабник,
Среди гиблых болот?
Среди ночи бессонной,
Нет которой конца,
Жалко мне Робертсона,
Как родного отца.
Как полуночным бредом
Рота душу казнит –
Может, все-таки предал
Я кого-то из них?

Официальные сообщения.

Войсками красного Вьетконга
Пленен полковник Робертсон,
На основании закона
К расстрелу он приговорен.

Убыл на остров Окинава
На излечение Гарри Скотт –
Во время массовой облавы
Он ранен пулею в живот.

Пехотный полк расформирован
В связи с потерей знамен,
Теперь формированьем новым
Он на участке заменен.

Песня Каупервуда.

До сих пор мне не верится,
Что все это не бред,
До сих пор в меня целится
Из укрытия вьет.

Все я вижу подкошенных,
Как тростинки, ребят –
В гимнастерках поношенных

Вдоль дороги лежат.

Было надо, наверное,
С ними рядом лежать...
В положение скверное
Вы попали, сержант!

Письмо без обратного адреса.

Еще не сдохли, дезертир,
Покуда?
За сколько продали мундир,
Иуда?
Вы нами приговорены
Заочно.
Дни вашей жизни сочтены
Досрочно.
Всегда получит пулю в лоб
Предатель,
Так что работайте на гроб,
Приятель!

Письмо с острова Окинава.

Ну что, сбежал, подлец?
А я вот здесь гнию.
Уже почти мертвец –
Два месяца не пью.
И надо же куда
Прицелился – в живот!
А, впрочем, ерунда –
До смерти заживет.
Намну себе бока
Примерно через год.
Ты знаешь, старика
Отправили в расход.
А, впрочем, наплевать –
Дурной был человек.
Ты мог бы написать,
Как совершил побег?
А то один сержант -
Из наших – заходил,
Хотел, как ты, бежать,
Да в карцер угодил.
Пиши мне, сукин сын!
Я даже где-то рад.
Уж не хватает сил.
Твой Генри, лейтенант.

Письмо из ВФДМ.

Не предал ты ничьей страны
И горевать не смей!
Ты дезертировал с войны,
Ты предал чью-то смерть.
Ты чью-то пулю, из ствола
Не выпустив, увез.
Ты дезертировал со зла,
От крови и от слез.
И никакой военной суд
Не запугает мир.
Да здравствует Каупервуд,
Военный дезертир!

Письмо епископа Кентерберийского.

Добро и зло зело условно
И относительно зело.
В сетях случайного улова
Запуталось добро и зло.
Во тьме неверий и преданий
Имышь становится горой,
Героем выглядит предатель,
Потом предателем герой.
Что было болью – будет благом,
Что было блажью – входит в быт,
И под одним и тем же флагом
Сошлись философ и бандит.
Наедине с самим собою
Примкни к позиции любой,
Прими решение любое
И отвечай перед собой.
К какому б новому порогу
Тебя судьбой не принесло,
Как начинающему богу –
Тебе делить добро и зло.

Письмо Каупервуда Гарри Скотту.

Когда ты сможешь выпивать,
И за меня налей.
Когда обязан убивать,
Не убивать не смей!
Но ты не тигр!
Но ты не волк!
Но ты по горло сыт!
Но убивать – сыновний долг,
Когда ты верный сын.
И будешь прав.
Ей-богу, прав!

И счастлив, и красив.
Не то
Лишишься сна и прав,
Спокойствия и сил.
Как трудно выпустить ружье
Свое
Из теплых рук!
На слово положишь мое,
И не пытайся, друг.
Но если волю дал мозгам,
Не выжить на войне –
Тогда сдавайся в плен врагам
Или беги ко мне.

Из письма новобранца.

Наш лейтенант был сильно пьян,
Рыдал полдня взахлеб,
А после с выкриком «Аллан!»
Отправил пулю в лоб.

Монолог херувима.

Храм, воздвигнутый на крови. Проповедник в противогазе,
Где с оратором пулемет соревнуется в красноречии,
Где танкетки против газет, где раздумья равны проказе,
Где громила и вурдалак рассуждают о человечности.
Это ты, мой пресветлый храм?
Ты ли это, мой храм нагорный?
Не тебя ли бессмертный хам
Приспособил под дом игорный?
 Подойди ко мне, Сатана,
 Ты, мой брат, оказался прав.
 Пред тобою твоя страна.
 Отправляйся туда и правь.
 Правь народом твоим. Он твой.
 Правь правителями его,
 И пускай ни один живой
 Не минет суда твоего
Будет царь у тебя, страна,
При котором тебе цвести.
Пусть ведет тебя Сатана –
Он уж знает, куда вести.

МЕРТВЫЙ МОТИВ* **(С английского)**

Мы пели, как нужно,

Но портил мотив
Какой-то недужный,
Который строптив.
 А как со строптивым прикажете быть?
 Убить и забыть, убить и забыть.

Убили невежду,
Который строптив.
Но только, как прежде,
Не ясен мотив.
 А как с запевалой прикажете быть?
 Убить и забыть, убить и забыть.

Убит запевала,
Напрасны труды -
В рот рота набрала
Болотной воды.
 Как с этою ротой прикажете быть?
 Убить и забыть, убить и забыть.

Убиты солдаты –
Опять ни черта:
По-прежнему сжаты
Немые уста.
 Как с мертвыми дальше прикажете быть?
 Еще раз убить и еще раз забыть.

Но как же с мотивом?
Теперь я боюсь,
Что этим строптивым
Я сам становлюсь.
 А как же с мотивом прикажете быть?
 Мотив вам давно бы пора позабыть.

**) Американская солдатская песенка.*

КОЧЕВАЯ ОРДА **(Историческая поэма)**

Посвящается Олжасу Сулейменову.

Эта пляска песка
На спине многогорбых барханов,
И пучками травы
На верблюжьих горбах волоски,
И мясной кавардак
На старинных, как степь,
Дастарханах,
И молочной кобылы
Набухшие тяжко соски...

А вагоны бегут
По владениям Младшего жуза
До Аральского моря
На средний и ближний восток,
И летит за окно
Полосатая корка арбуза,
Словно сорванный ветром
С гигантских цветов лепесток.

* * *

Ухожу в Казахстан.
Отбываю ни конным, ни пешим,
Прорастаю сквозь степь,
Как вот этот кудрявый камыш.
Прихожу в саксаул
Ярославским задумчивым лешим.
Ты, шайтан казахстанский,
Меня за вторжение простишь?

Трудно лешим у нас –
Вырубают деревья огулом,
А у вас вырастают
Над каждым арыком сады.
Ты уж, брат, уступи
Где-нибудь для меня пол-аула,
Как нечистый нечистого
Выручи, друг, из беды.

* * *

Где ты, город Отрар?
Где вы, белые грады Оттары?
Старец аль-Фараби,
Подскажи, укажи, покажи!
... Вот, бывало, и к нам
Приезжали за данью татары.
Где их души?
Не видно нигде ни души.

Колченогий Чингиз
Полземли оседлал, как кобылу,
Ухватился за гриву,
Казалось ему, на века.
А земля от него
Удрала и тотчас же забыла,
Как степная кобыла,
Сбежавшая от седока.

Не седлайте земель,
Полководцы, цари и тираны,
Не седлайте земель,
Если ехать охота в седле.
А земля к вам придет обязательно
Поздно иль рано,
Все мы преданно преданы
Будем земле.

Вот тогда...
Вот тогда без смущенья и страха
Получайте себе
Пьедесталы и прочий почет.
Для гранитных и бронзовых шей
Не страшна ни веревка,
Ни плаха,
И чугунную голову
Меч не сечет.

Сколько каменных баб
На просторах степей казахстанских?
Может каждая баба –
Неведомый Наполеон...
Только странника тянет
Постранствовать в старых пространствах,
И не конным, не пешим
Является на поле он.

Русский леший
С раскосым казахским шайтаном -
Вот содружество наций
И вечная общность судеб.
Вот и все.
И я впредь отвлекаться не стану,
Ибо все отступленья
Дороже себе.

Продвигались все дальше
Голодные, нищие орды,
Словно драных баранов
Влекло на степной водопой.
Лишь облезлых верблюдов
Надменные, гордые морды
Кое-где возвышались
Над конной и пешей толпой.

Старый черт Тимофеев
Связался с младенцем Сырбаем.
У обоих богатства –
Кушак да душа.

Заманила вербовщица –
Пьяная баба рябая
На какую-то новую стройку
Вблизи Балхаша.

Шел народ матерясь,
Обозлясь, издыхая,
Кочевал по степи
Полосатый, лохматый парад,
И крутилась у ног,
Словно кошка, поземка степная,
Заметая пути
На неведомый град Коунрад.

И в степном мираже
Обнялись, как на свадьбе, эпохи.
Чингиз-хан перепутал
С ордою орду.
И скакали с монголов
Голодные блохи,
Обгоняя вербованных вшей
На ходу.

* * *

Чингиз-хан,
Повелитель народов Вселенной,
Чингиз-хан,
Чьи желанья для тысячи тысяч – закон,
Чингиз-хан,
Вас назначил над этими ордами главным
На последнем ночном заседаньи своем
Постройком.

«Стройте город в степи,
Разрушитель всемирных Отраров,
Стройте град, балуан,
Или голову снимем с плечей!».
И канючил Чингиз,
Что он хворый и старый,
И глазами выискивал
В пыльной толпе
Басмачей.

Но наперли народы
И слева, и справа на хана,
И вчерашние воры
Припрятали в землю зрачки.
И желтел неспроста
Молодой кобурою нагана

За спиною Чингиза
Скуластый сотрудник Чеки.

Старый черт Тимофеев
Связался с младенцем Сырбаем.
Спать ложились, казалось,
В текущем году.
А проснулись?
Эх, мать моя, мама родная!
Тьфу ты, пропасть –
Попали не в эту орду.

И тогда повернулась земля
Вспять на несколько румбов,
И к истокам своим
Покатилась по руслам вода,
И пошли закрывать
Вновь открытые земли Колумбы,
И народы пошли
Разрушать на земле города.

Подступает орда
К белостенному граду
И по трупам людей,
И по трупам коней
Заползает на стены
Под пушечным градом
Раскаленных от гнева камней.

Ворвались.
Словно головы с плеч,
С колоколен попадали кровли,
На домах, словно ребра,
Стропила прогнулись в огне.
И растекся пожар
По простенкам горячею кровью,
Отразившись драконом
В последнем не битом окне.

Закричал Тимофеев:
«Зажечь – это дело простое!
Чем, кому помешала
Чужая изба?
Ты сначала сумей эту избу
Построить» -
И шарахнул кого-то там
По зубам.

Тут, конечно, схватили его,
Скрутили.

Потащили,
К начальству поволокли.
Хорошо, что на копья
Не посадили,
Хорошо, что на части
Не рассекли.

Как мешок, повалили
Под ноги Чингизу.
Страшен, снизу глядеть,
Разъярившийся хан.
Ты поди-ка его разгляди
Из-под низу –
Карлик там над тобой
Или сам великан?

Разрушитель дворцов
Иль заводов строитель?
Рядом свита его
Или свой Постройком?
Разобраться б не смог
Тимофеев
В сплетеньи событий,
Если б вдруг Чингиз-хан
Не прошелся
Родным матерком.

«Это что же ты, Тимофеев, -
Заорал в исступлении хан, -
Не желаешь иль не умеешь
Выполнять пятилетний план?
Я тебе покажу-устрою,
Я порядочек наведу!
Ты все планы по Балхашстрою
Перевыполнишь в этом году!».

* * *

Вообще Тимофеев
Назваться бы должен Иваном.
Все в России Иваны,
По мненью стоустой молвы.
Но Иванами кажемся мы
Из окон иностранных,
А внутри мы Олеги, Владимиры,
Даже, случается, Львы.

Тимофеева звали когда-то в деревне
Панкратом.
Но не зря ж воевал

За свободу и равенство он.
Чтобы разом покончить
С наследством царизма проклятым,
Он нашел себе новое имя,
И стал он теперь Пантеон.

Пантеон Тимофеев.
Загадочно, звучно и странно.
Для каких Тимофеев
Воздвигнули сей Пантеон?
Но не ездил Панкрат
Ни в какие заморские страны
И в науке словесной
Был сызмальства мало учен.

Потому-то и звали его на строительстве
Панькой,
И мечты его были
Бесхитростны так и просты –
Заработать бы малость,
Пропарить бы косточки банькой,
Пожениться бы можно,
Чтоб век не ходить холостым.

Но эпоха звала мужиков
Из Иванов – в титаны,
Пантеоны потом,
А пока – подавай города!
Подавай города,
И орда Чингиз-хана
Утечет в них тогда,
Как в песок утекает вода.

Для того и предприняты
Эти походы и марши
Небывалых доселе
Строительных орд...
... Тимофеев назначен был
Временно старшим.
Назывался он –
Производитель работ.

Только мы теперь знаем,
Что временность – враки.
Кто не временным был
Среди этих полей?
Тоже временно строились
Те же бараки,
Да вот так до сих пор
И стоят на земле.

* * *

Чингиз-хан, как известно,
Был крут на расправу.
Все едино ему –
Что ты раб, что прораб.
Он гонял Тимофеева
С левой и с правой,
Как гоняют камчой
Провинившихся баб.

А откуда у этих строителей
Опыт?
Что мальчишка Сырбай
Повидал на земле?
Что он слышал?
Блеяние, ржанье да топот.
Вся наука –
Уменье держаться в седле.

Но кому тут нужны
Недоуздки и седла?
Ни сегодня, ни завтра еще
Подыматься в дорогу орде.
Приступайте, кочевники,
К жизни оседлой,
Привыкайте к соленой
Балхашской воде.

Ройте землю!
Вам в руки кирка и лопата –
Больше нечем теперь вам
Историю крыть.
Набирайтесь уменья
От старшего брата,
Этим опытом тяжким
Россия богата,
Ей-то землю свою
Довелось не единожды
Рыть.

И врывались.
Взрывались и снова
Врывались,
Как врывается всадник
В горящий аул.
С губ и ругань, и песни,
Как пена, врывались,
И над степью стоял

Созидательный гул.

В этом гуле Сырбай
Вырастал постепенно,
Рос со стенами первых
Домов Балхаша,
И чем выше вздымались
Кирпичные стены,
Тем свободней над степью
Парила душа.

* * *

И Чингиз
К новой роли своей
Привыкал постепенно.
Черт один ему –
Строить, крушить, подавлять.
Приходилось и раньше, наверное,
Пленных
Гнуть горбы на работах
Ему заставлять.

Не слышал Чингиз-хан
О понятии «робот»,
Но зато в совершенстве усвоил -
«Рабы».
Пригодился ему
Полководческий опыт
И умение
Ставить коня на дыбы.

Залезали и раньше
По трупам на стены.
Почему бы на трупах
Не выстроить стен?
Чингиз-хан не меняет
Привычной системы,
Он назначен сюда
Не для смены систем.

Но предстало воочью
Несходство, юродство, уродство
Одинаковых звеньев
Внутри разнородных цепей –
Что в разгромах считалось
Надежным стальным руководством,
То в строительствах стало
Железным шайтаном степей.

И мальчишка Сырбай
Не забыл, очевидно, науку,
Где строитель и где покоритель,
Узнал навсегда.
Чингиз-хан и не ведал,
Какую с ним выкинет
Штуку
Непонятная эта,
Другого столетья орда.

Наступило однажды
Холодное, ясное утро.
Кто-то там не сдержал
Скакуна в поводу,
И проснулись народы
В бараках, землянках и юртах,
И орда заорала:
«Попали не в эту орду!».

Только пыль за Чингизом
Взвилась над рассветною степью,
Только вздрогнули кони
Старинных монгольских кровей,
Только лисьим хвостом
Заюлил в историческом пепле
Заметая следы,
Словно старый басмач,
Суховой.

А вослед ускакавшему
Злая, нечистая сила
Из фуфаек, бешметов,
Халатов и прочих одежд
Рабский дух
На столетья назад уносила,
На возврат не оставив
Ни капли надежд.

* * *

А орда? Что ж,
Как сказано было вначале,
Перепутать нетрудно в пыли
Перепутья дорог.
Мы и тех, и других
Не однажды при жизни встречали
На развилках военных
И мирных дорог.

Где вы, орды,
Что сеяли по миру пепел?
Вылетают в трубу
Создающие дым.
Наши горы и доли,
Пустыни и степи
Во владения отданы
Ордам иным.

Балхашстрой и Магнитка
Давно за плечами,
А кирка и лопата –
Ржавы и стары,
Но, как прежде,
Страну освещают ночами
На ее пустырях
Молодые костры.

А в походных котлах
Так же варится пища,
Так же песни поет
Кочевая орда,
Но где раньше за нею
Росли пепелища,
Вырастают теперь
Города.

Вырастают теперь
Государства и страны.
И не надобно вспять
Возвращаться на несколько румбов
Земле.
Не седлайте земель,
Полководцы, цари и тираны,
Не седлайте земель,
Если ехать охота в седле!

СКАЗКА ПРО СЛОНА

1.
Сказка?
А про что она?
Это сказка про слона.
Потому что все на свете
Деды, бабушки и дети
Ходят каждую весну
На свидание к слону.

Лишь засветит солнце жарко,
На дорожках зоопарка
Раздается:
- Где же он?
Покажите, где же слон?
Потому что все должны
Знать, что есть еще
Слоны.
Чтобы кто-то не ответил,
От стыда вздыхая тяжко,
Что слона и не приметил,
Засмотревшись на букашку.

2.

У знакомого слона
Был слоненок Вадька,
В огороде бузина,
А в Киеве дядька.
Вадьку к дядьке
Слон водил,
По Крещатику ходил.
А на сладкое слону
Подавали бузину.
Но смеялись на слона
И слоненка Вадьку:
- В огороде бузина,
А в Киеве дядька!

3.

Откуда же берутся
Белые слоны?
Белые слоны?
Падают с Луны.

А почему слоны
Такие шалуны?
Потому что щёкотно
Падать с Луны.

4.

Однажды семь домашних
Фаянсовых слонов
Разволновались страшно
От тиканья часов.

Часы ходили точные
С утра и до утра,

Слоны решили:
«Кончено!
И нам идти пора».

Пошел отряд фаянсовый,
Блестящие бока,
Пошел по свету странствовать –
Пока!
Пока!
Пока!

Не гнулись ноги белые,
И хоботы – крючком.
Но шаг за шагом делали –
Бочком,
Бочком,
Бочком.

Когда ж дошли до Африки,
Где жили их отцы,
От удивленья ахнули
Над Нилом беглецы:
Покрылись пылью спины их,
Фаянс внутри размяк,
И хобот, как резиновый,
Болтался так и сяк.

И стал тогда-то ясен им
Неписанный закон,
Что даже слон фаянсовый –
На самом деле слон.
Что слоники игрушечны
До той одной поры,
Покуда не нарушены
Условия игры.

5.

Слону не дали прислониться,
И стал слоняться сонный слон.
Слону тотчас же начал сниться
Один и тот же странный сон:

Его машины объезжают –
Огромные грузовики,
Его машины уважают
Почти как в Африке быки.

И слон пошел по тротуарам,
И в хобот кольца закатал,

И хобот шлангом стал пожарным,
А слон пожарной бочкой стал.

6.

Ходит слон по Индии,
Нюхает цветы.
Мы таких не видели,
Не увидишь ты.

Над твоими глазками
Сон кружит, кружит...
На болоте ласковый
Бегемот лежит.

Он лежит и хрюкает
Сказки про горилл.
Он, тебя баюкая,
Эту сочинил.

* * *

Солнышко на краешке неба лежало
Круглое и желтое, будто бы мяч,
Девочка вприпрыжку за ним побежала,
Солнышко от девочки кинулось вскачь.

Так они бежали друг за другом,
Долго продолжалась эта игра,
По пути мелькали луг за лугом,
А потом пошла за горою гора.

Маленький ослик уши развесил,
Не поверил собственным глазам,
А потом за солнышком с девочкой вместе
Маленький ослик бросился сам.

Но они бежали все тише и тише,
Начала мешать дневная жара,
Солнышко поднялось выше крыши,
А потом за ним осталась гора.

Девочка сказала тогда осленку –
Незачем за солнцем гоняться днем,
Встанем где-нибудь с тобой в сторону
И его до вечера подождем.

Солнышко все ниже и ниже спускалось,
Но играла девочка своим мячом,

Солнышко теперь ее не касалось,
И осленок тоже был не причем.

О Г Л А В Л Е Н И Е

Лев ЩЕГЛОВ **СТИХИ ИЗ ЧЕМОДАНА**

Под созвездием Льва (от составителя)

ОСЕНЬ В АЛМА-АТЕ

Когда осеняет осень
От осенних костров дымок
В суставах мозолистых ветвей

ДОМБРА

СТОЛИЦА В ГОРАХ

Уже почти под небесами
Клумбы в удушье багряном
Канны под снежными шапками
С синих гор нисходит утро

ВОСХОД

Укрыла ланиты вселенская сень
Над арыком грустят тополя

ИСТОРИЯ

АГЕНТУРА ГРЯДУЩЕГО

Я ощущаю ход истории

САМОЗВАНЦЫ

КРЕСТОНОСЦЫ

ТЕРМИДОР

ХРАМ ИОАННА

РУССКАЯ КИРХА

Без толпы, без молвы

РЕЧЬ ПЕТРА I

ОТЪЕЗД ФЕДОРА ВОЛКОВА ИЗ ЯРОСЛАВЛЯ

СРЕДНЕВЕКОВАЯ ИДИЛИЯ

РЕСТАВРАЦИЯ

АСИММЕТРИЯ

ГОРДЫЙ ГОРОД

АРХАНГЕЛЬСКОЕ

ПЕРВАЯ МАЕВКА

ПРОЛОГ

«БАРЖА СМЕРТИ»

СТУК

НАСТОРОЖЕННЫЕ ГЛАЗА

Стреляли лучники из лука

XXI ВЕК

Вот, наконец, и воплотили

Идут часы истории

История! Какая там история!

ВРЕМЯ - XX ВЕК

-
ИСПАНИЯ

ПАМЯТИ ТЕЛЬМАНА

ТРИУМФАЛЬНАЯ АРКА

ТЕВТОНСКИЙ ЗАМОК

РИЖСКИЙ ТУМАН

ДВАДЦАТЫЙ ГОД

КРОВНАЯ ТЕМА

Июль. Четвертая бомбежка

НОЧНОЕ ДЕЖУРСТВО

ПСИХИ

ФРОНТОВОЙ ЛЕС

ЛЕНИНГРАДСКАЯ СИМФОНИЯ ШОСТАКОВИЧА

ЮНОША, НЕ ПОМНЯЩИЙ ВОЙНЫ

НЕОБХОДИМЫ ФОТОГРАФИИ

СОЛДАТСКОЕ СЧАСТЬЕ

МОНОЛОГ УБИТОГО

ПОХОРОННАЯ КОМАНДА

ДИСЦИПЛИНАРНЫЙ СОНЕТ

А ну-ка к стенке!

ГОД РЕБЕНКА

Шла вторая мировая

БАЛЛАДА О СЫНЕ ВОЙНЫ

Нету отчего дома

ПОБЕДА

Сжат игрушечный пистолет

ПАМЯТЬ ДОРОГ
КОРДЕБАЛЕТ СОРОК ШЕСТОГО
МУЖСКАЯ ШКОЛА
НЕМЕЦКОМУ РОВЕСНИКУ
КРЕСТОНОСЦЫ, XX ВЕК
ШТУРМОВИКИ
А ФАШИЗМ МНОГОЛИК
ШУМАХЕРОВСКАЯ ЛОГИКА
СРОК ДАВНОСТИ
ИЮНЬ 41 – МАЙ 45
ТИХИЕ ШАГИ
УЧЕБНЫЙ РЕЙД
КОВБОЙСКИЙ ВАЛЬС

Аэродром, как космодром
Мир был вооружен
Полвека выстоял подряд
Погранзастава – грань страны
А в Ярославле храмы рушили

ЧАСОВНЯ НАД КОТЛОВАНОМ
СТАРЫЙ БЕЗБОЖНИК

И канут годы, словно камни в воду
ЧСИР

АЛЖИР

У ОДНОГО КОСТРА

МАРТ 1963-ГО

ВЕЧНЫЙ ОГОНЬ

ДИНАСТИИ

«ВИКТОРИЯ-72», ИЛИ АГЛИЦКИЙ ГРИПП

НЕ ПРОЙДЕТ И 2000 ЛЕТ

КОНЕЦ ВЕКА

СТРАНА ВЕТЕРАНОВ

На борьбу иная мода

СОВРЕМЕННОК

Карачаево, карачаевцы!

МЕМОРИАЛ

Надоели вопросы вечные

КОСМИЧЕСКИЙ ВЕК

ИДЕОЛОГИЯ

ПИСЬМО ПИСАТЕЛЯ Е. САЗОНОВА АКАДЕМИКУ Е. ШМИДТУ ИЗ
ПСИХИАТРИЧЕСКОЙ БОЛЬНИЦЫ

АРХИВ

ПАРТАКТИВ

Когда идеи овладеют массами

СОСТОЯНИЯ

Затмений и солнцестояний

СТРАХ

Живет в сердцах дремучий страх

Хотелось плавать или плакать

НЕТЕРПЕНИЕ

СКУКА

СЫТОСТЬ

СЛЯКОТЬ

Что-то холодно стало в мире

БЕССОННИЦЫ

В ГОСТИНИЦЕ "ТАЛДЫ-КУРГАН"

ПЕРЕСЕЛЕНЬЕ ДУШ

УЖЕ О ВОЖЖЕ

КУДА?

Бывает очень грустно по утрам

ЧАС БЫКА

Снижается температура

НОЧЬ У АЭРОДРОМА

ГОТОВНОСТЬ

В моменты самообладанья

Как не люблю я отходить ко сну!

Чу, проснулись птицы

НОСТАЛЬГИЯ

ВРЕМЕНА ГОДА

Не зима, а предзимье

Новый год. Как на новом экране

МЕТЕЛЬ

ГОЛОЛЕДИЦА

ВЕСЕННИЕ ХЛОПОТЫ

АПРЕЛЬ

В КОНЦЕ ВЕСНЫ

Когда идут осенние дожди

Листва лежит на мостовых

СЕНТЕНЦИИ

Когда даются миру истины

Как это опасно в начале

ЛОБНОЕ МЕСТО

Необходимо одаренье

Все в природе обоюдно

При спешке не спасает скорость

Земля советами беременна

Как долго растим человечесь дитя

Москва живет Олимпиадой

Говорят, что предела нет

К нам время приходит заботой

Хотелось бы туда

ЗЕМЛЯ

ВСЕ НА ЗЕМЛЕ ОТ ЧЕЛОВЕКА

Вымирают в срок племена

Человеку свойственно ошибаться

Забвенье повторению подобно

От сознания к чувствам

Обратите внимание, если вам повезло

СОМНЕНИЕ

Существует чувство истины

Отними хромоту у Байрона

Бывает здравый смысл

Нельзя, наверное, писателя

ЗАПОВЕДНЫЕ ДУШИ

Человеку не пристало

Процветают парадоксы

РОСТ

Сознаться в горе – как сознаться в краже

БЕСПРИЧИННОСТЬ

Когда отболевают боли

РЕГБИ

БЕЛЫЕ АСТРЫ

СОРОКОВОЕ СЛОВО

Земля имеет форму лаптя

СОБАКИ

Подумаем о черных тараканах

ИУДИНО ДЕРЕВО

ГЕРОСТРАТЫ

Когда на собственную плаху

Молодой человек, загляните в зеркало

На свет родимся мы по принуждению

ОБИТАТЕЛЬНЫЙ МАРШ

Меня недавно обозвали

Поспешно стремление речек

У поездов не будет катастроф

Чтоб не пропасти вам

Положите голову на рельсы
Полезно не быть, а казаться
«Мысль изреченная есть ложь»
Это часто слышится
Не бывает дорог обратно

СОН РАЗУМА

ШОРЫ

ГРАНИЦА

Вот и настали те порядки

НЕЙТРИНО

КИТЫ

ИМЕНА

МОРСКОЙ ЗАКОН

ПРОРОКИ

ДОЛЖНИКИ

ГИМН ПОТРЕБИТЕЛЮ

Падают звезды в море

СУМЕРКИ

Жизнь – это глупая, вздорная тетка

Умирать – так лучше молодым

Когда на ум нахлынет прошлое

Есть души великое свойство

Лоботрясы любых мастей

СТИХИ ЖИВЫХ

ИСТИНА

ОСТАНОВКА

Приучили нас Пиночеты

СОВЕТЫ

Земля советами беременна

ОБЕЗЬЯННИК

ЦВЕТНЫЕ СНЫ

Соблюдайте дистанции

Не раздражай собак

Хоть ты и нем, как рыба

Не пойдешь с котомкой

Много в жизни бывает путей

ПЕДАЛЬ

Умейте властвовать собой

Учите лучше, граждане, детей

Сурово учат плавать щенков

ТОВАРИЩУ ЧИТАТЕЛЮ ДВА СЛОВА НАЗИДАТЕЛЬНЫХ

Не бойся вслух задать вопрос

Когда не находишь ответа

ЛИНГВИСТАМ-ПУРИСТАМ

МЕРТВАЯ ЗЫБЬ

Синица море подожгла

КАСЬЯНОВ ГОД

УТРО

КОРЕННИК

Не говорю о бренности овечьей

Мамы, что ж это вы не плачете

Жил на свете невнимательный человек

Думайте! Думайте! Думайте!

Я тебе заявляю

Рисуйте образ своего народа

ПИСАТЕЛЯМ РОССИИ

Когда ты мудр, как змей

ЧТО ЕСТЬ ИСТИНА?

НАЧАЛО

ФИЛОСОФСКИЙ КАМЕНЬ

ЗВЕЗДА

Вино и хлеб - вот плоть и кровь Христова

О высшей правоте судачить не решусь

СЧАСТЬЕ

ПРАВДА О ЛЖИ

СЕГОДНЯ

«Гитлеры приходят и уходят...»

Пока важнее цифры планов точные

Я – САМ

Я! А кто я?

ДРЕМУЧИЕ СТИХИ

Последний снег сошел с полян

В БИБЛИОТЕКЕ

Я предрекаю новый культ

Природа приходит за мной

Уйду под крышу собственного черепа

МОЙ КУРС СЕГОДНЯ ХОДИТ В ПОДПОЛКОВНИКАХ

СТАРШЕМУ ДРУГУ

Уходит мой поезд, уходит
Я в роте был правофланговым
Лица не вижу своего
ДЕМОКРАТИЯ
Я не люблю стихов на пять минут
По-простому рассказать намерен
Утомленные ноги
В ДОМЕ НАД ВОЛГОЙ
МИЛОСТЬ
Я знаю и магию слова
РАЗМЕННЫЙ БОГ
АЗ ЕСЬМ
Стихи о технологии металлов
Мне подписал билет поэт Луконин
Знаю горную гордость
Не помогает мастерство
А ведь когда-нибудь дойдет до дела
Поэты, природу восславьте
ЗИМНЯЯ НОЧЬ
ПОЗДНЯЯ ОТТЕПЕЛЬ
ЕДИНОБОРСТВО
Мне говорят: пишите басни
РАЙОННЫЕ БУДНИ
ВЕСЕННЯЯ КЛЮКВА
ДОМ
Когда меня не ждут
СИЛА ДРАКОНА
КОВЧЕГ
Со мною дружбы не искали
ЭВМ
ДЕТСКИЕ ШАЛОСТИ
Отлетают души от тел
А с человеком гибнет мир
Приковала болезнь к кровати
СЕНТИМЕНТАЛЬНЫЙ ТРИПТИХ
ПОЗДНЯЯ ДОРОГА
ЯСНОЕ ПОЛЕ
Возьмет меня Бог за запястье
Родники устанут, захотят покою
Хочу быть старым и мудрым
СОНЕТ ПАМЯТИ
Я крал не миллионы
ГОСТЕПРИИМСТВО
Премудрая древняя сказка
А люди уходят...
МОЙ СТРИПТИЗ
ПОПЫТКА НЕ ПИСАТЬ СТИХОВ
Моих проблем суды не разрешат
Я часто делаю аборт
Давно разбиты зеркала

Неблизкий путь за мной пролегал
Может быть, на магазинных полках
Когда обрыдли все слова
ЛОШАДИНЫЕ МЫСЛИ
Человеческой жизни положен предел
ВЕЧНЫЙ ГРУЗ
Люблю стрелять из вражьего оружия
Я боюсь двадцать первого века
КРУГ
Вот и я нынче в камер-юнкеры
СЛЕДЫ ВЕТРА
ГОРЕЧЬ ПРЕДТЕЧИ
Как выжил я, как выдержал?
СТАРОСТЬ ПРОРОКА
И вот от отчего порога
Я в Европах бывал и в Азиях
Всюду первыми лезем
По уши я в долгу
Я не прошу, чтоб прославляли
ВОЛГА

МЫ

Когда настал Земли железный век
Отрочество на ладони
На вопросы, что в детстве заданы
ПЕРЕД СОБОЮ КАЖДЫЙ НАГ
Зажаты меж плюсом и минусом
Одетые в слова, как в тоги
Я графоман, а ты художник
Как это опасно в начале
СЫН ВРАГА НАРОДА
КРАПИВНОЕ СЕМЯ
На Урале, на Лене ли
СОИЗМЕРИМОСТЬ
МЕЧТАТЕЛЬ
МОНОЛОГ ДИАЛЕКТИКА
ТАРАКАНЬИ БЕГА
Скомканы в маленьком теле
Мы повторяем молитвы
МИКРОРАЙОН
Мы, жители огромных городов
Березовую кашей...
БЕДНОСТЬ
НАЧАЛА И КОНЦЫ

ВОЗВРАЩЕНИЕ ЕСЕНИНА

СТАРЧЕСКОЕ

СЕСТРА МИЛОСЕРДИЯ

Жить, беспредельно жить

ПОЛЕ СЧАСТЬЯ

Вам на свете жилось легко

ВЕСОВЩИКИ ДЫМА

ШАХМАТЫ

Мы живы только в памяти людей

НАРОД ВЕТЕРАНОВ

Мы щадим наши уши

Каждое утро тоскливый зов

Конечная цель - исполненье желаний

СУМЕРКИ

О, ГОСПОДИ!

ПЕРВОСВЯЩЕНСТВО

Бог изменил несчастному народу

ТАБАЧНЫЙ РАССВЕТ

РАЗМЕННЫЙ БОГ

Шла несыгранною ролью

Нет пророков в своем отечестве

МОЛИТВА СТАРОГО БИТНИКА

СТАТУС-КВО

СМОТРЮ В ЧЕРТЫ ЛЮБИМОГО ЛИЦА

ЯРИЛО

РОССИЯ

ТВОРЦЫ

ЛУБОК

ФОЛЬКЛОР

БЕРЕНДЕЕВО

СИНЕЕ МОРЕ

Ольгу сватают замуж

МОЯ МОСКВА

ЛЕТО В МОСКВЕ

ПЕТРОВО-ДАЛЬНЕЕ

СЕВЕРНЫЕ ГОРОДА
ДОМ-МУЗЕЙ
С ПАЛУБЫ
УСМАНСКАЯ СВАДЬБА
ДАР ВАЛДАЯ
Тополя Кокчетава
ДОБРЫЙ ГОРОД
ПЕРЕД СНОМ
ТОПОЛЯ
ОСЕННИЙ БОР
БРАТСТВО

РАЗНОЕ

ИСПОРЧЕННАЯ ПОГОДА
ВЕТЕР
ВАГОННЫЙ ЗАКАТ
Смотрят окна птичьим оком
Глядят глаза печальные
Все мысли, мысли, мысли
ПИЛИГРИМ
СЛЕЗЫ
НЕ ОГЛЯДЫВАЙСЯ, МЕГИЛЛА!
ЗЕМЛЯ И ЛОПАТА
КЕНТАВРЫ
СОЛНЦЕ НАД ЗЕМЛЕЙ
ЖИВУНЫ
ЛОВЦЫ
РОБОТ
УЧИТЕЛЬ
ФАКИР
ЖОР
КУКЛЫ
КОМЕНДАНТЫ
О, какое несчастье
ЦЫГАНСКИЙ АНСАМБЛЬ
ОЛЯ ЗВЕЗДИНА
ОДНОЛЮБУ
ПРИЗНАНИЕ ЧЕРТУ
Откуда слово «драка»
Выкидывали в форточки фортели
ОДА ЗНАЧКУ
НА Т. МАНЬКО

МОРСКОЙ ЗАКОН

РЕТРО

БУБЕНЦЫ

Большие пожары в саду октябрями горят

СТАРЫЙ АРБАТ

ДА СБУДУТСЯ БЕЛЫЕ НОЧИ!

По мостовой шагала лошадь

ДЕЛИКАТНОСТЬ

КНИГА ВТОРАЯ

ЛЮБОВЬ И ЖЕНЩИНЫ

ЖЕНЩИНА

СЛЕДЫ

ПРЕДГРОЗОВЫЕ ВЕЧЕРА

Наташка любила ворон

ЯБЛОКИ

ПЕРЕД ГРОЗОЙ

СНЕГИРИ

«Еще не горе, что уже стряслось»

Меня просили: напиши

Оставим смелые слова

Душеспасительным сочувствием

Женщину усыпали веснушками

«Уехать - как немножко умереть»

Люблю испорченных девчонок!

Я в командировке на Кубани

ДОН ЖУАН

Если нет тебя около

ОХРАНЕНИЕ ОСЕНИ

Люблю я женщину одну

На дворе опять холода

Желанье переделывать любимых

Львицею надо родиться

МАДАМ САН СУ СИ

Всех бы баб облагодетелить

Есть на предательство права

Ну, пока! До відзення!

РОМАНС

Это буйство красного цвета

ЧТО ДЕЛАТЬ?

ОЦЕНИ!

ИЗМЕНА

ПРОДАВЩИЦА

ЖЕНСКАЯ ДОБРОТА

В России найдется, быть может

ОСТРОВНЫЕ СТИХИ

Крала женщина вниманье

СЕМЬЯНИН

Будь ты бог-разбог

БАРЬЕР

Все стало просто – муж твой умер

Вам на свете жилось легко

РАЗМЫШЛЕНИЯ

Близорукий не видит дали

Выпить, что ли?

НОЧЛЕГ В ГОРАХ

ВЕРЛИБР КАРАТЭ

СВИСТ

Живут поэты и пророки

АВТОПОРТРЕТ

Ходило время по путям земным

Великое таинство мира

ЗАЧЕМ?

Чего мы боимся – проказы?

ШЛЮПКИ ПРОВЕРЯЮТСЯ МОРЕМ

ПЕРЕХОД

Согласен, заране согласен

А безымянный мир прекрасен

А НА ПОСЛЕДОК...

ДОЛГИ

Придите, возьмите, спасите
Оставайся, город мой. На плаху...
Вот и пора нам с подножки слезать
Конечная цель – исполнение желаний

ВТОРОЕ ЗРЕНИЕ

Из дружеских теплых рук
Так вот что мучает меня
Обмани меня, обмани
Человек не доживает

ПРИЗРАКИ

Теперь могу и умереть
Воды катятся книзу

АЗИЯ

Стало быть, крути, завязывай

ДРОМАДЕР

ЖАН И МАЛ

СТРАУС

СУРА

Я учусь у Востока мудрости

ТВОРЧЕСТВО

Предо мною машинка

АКВАРИУМ

ЛЕС

Художник духом воспарит

ЗНАКИ

СКУЛЬПТОР БАЛДАНО

МЫСЛИ О МЫСЛЯХ

Вчера я слушал графомана

ХОД МЫСЛИ

ГОРШКИ

А музыка неистребима

ДЕНЬ ПОМПЕИ

ТРИ ЗАВЕТА

Из пальца не высосать строчки

ПРАКТИКА ПЕРЕВОДА

Приходите, критик милый

Был гвоздь в моем сапоге

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АВТОБУС

Добро, я слышал, ходит с кулаками?

Те люди лучше, эти хуже

Великие страсти планету...

Не ной в стихах, поэт

БАСНИ

ОДА АНЕКДОТУ

Когда поэт свой первый стих слагает

Условный жаргон перевода

РУБИЛЬНИК

Снимите шляпу, господа!

Я как девка на выданье

ПОТОЛОК

ТОСТ НА ТОЕ

Итак, задается нелегкий вопрос

Сижу и акынствую у Балхаша

ЕРЕТИКИ

Большой, свободный и широкий

Эдуардас Межелайтис как-то бросил на бегу

НАБАТ

Горек хлеб писательских дел

Поэтов собрали в лукошко

НА "ЩА"

ЭКЗЕРСИСЫ

АЖУРЕЛЛЫ

ГЕРБАРИОН

СКАЗОЧКА-НЕОТВЯЗОЧКА

Осторожно – листопад!

Абракадабра – добра

Белая магия слов

ПОРТРЕТЫ

САЛЬЕРИ

БЕТХОВЕН

БЛОК

БАЛЬМОНТ

ДАНТЕС

ИСЦЕЛЕНИЕ ПУШКИНА

ТАРХАНЫ

Поэты уходили в контрразведчики

ПАТРИАРХ

ПОСВЯЩЕНИЯ

СОЛДАТ ИНТЕРНАЦИОНАЛА

НИКОЛАЮ ТИХОНОВУ

Когда никто не прав

НОВЕЛЛЕ МАТВЕЕВОЙ

ГЕРОИ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

НЕЧТО ОРФОЭПИЧЕСКОЕ

Валерий, друг ты мой Валерий!

КОРАБЕЛЬНЫЙ РОМАНС

ПОЗДНИЙ ГОСТЬ

РЫЖИЕ СТИХИ

ФОНАРЬ НА БУГРЕ

УРОКИ СТИХОСЛОЖЕНИЯ

Не стало в городе поэта...

Ты будь не Дикой, так Дикий

Он убьет меня нежно и кротко

Мне подарил костыль

«Остановись, мгновенье!»

А. С. ПУШКИНУ

НЕКРАСОВ

За излучиной Которосли

Здравствуй, Владька, ты Владька

ЛЕНИНГРАДЕЦ ВАЛЕРА КЕРЖЕНЦЕВ

ЧИЛИК

БОГАДЕЛЬНЯ

ЦИКЛЫ

Не хотел ефрейтор воевать

ПАМЯТИ ИВАНА ШУХОВА

АБДИЛЬДЕ ТАЖИБАЕВУ

ИННОКЕНТИЙ СМОКТУНОВСКИЙ

НЕРАЗРЕЗАННЫЕ СТРАНИЦЫ

Дописалось, допелось, доездилося

Вращена под тещиной крышей

Народу нельзя без тещи

Ах, как мы хороши ногами из дверей

Поздно дергать дулом у виска

"КАЗАХФИЛЬМ", ТПО-2

Да здравствуют вечерние газеты!

Войны суровые года

Родиться нам необходимо

**НА ОТКРЫТИЕ РАДИОЖУРНАЛА «ПЕГАС»
ЖЕНЩИНАМ «АРИРАНА» В ДЕНЬ 8-го МАРТА**

О, ВСЕМОГУЩАЯ ИРОНИЯ!

О, всемогущая ирония!

Чередованье чувств

Навстречу все маски, маски

Завидую милым дебилам

СО СТОЛА ЕВГ. САЗОНОВА

ПОЛЕ СЧАСТЬЯ

ТЕЛО

КОМАРЫ

БУДИЛЬНИК

СТИХИ О СМЫВШЕМСЯ СМЫСЛЕ

ИЗ АВГИЕВЫХ КОНЮШЕН

УЛИЦА СТАЛИНА

Пошадите палача

УРОК ПРЕДМЕТНОСТИ

ГОРБАТЫЙ СОН

Как ржавые снаряды

СТОЛБОВАЯ

Говорю для введенья

ПЕСЕНКА ДЕПРЕССИВНОГО ПСИХА

Доктор, я больницею доволен

НЕВИННОМЫССК

В поэзии – кризис жанра

На эту карусель садятся виртуозы

Подъемных кранов крен

Космический век – комический век

У НАС НЕ КУРЯТ

ДЕТСКИЙ ПРАЗДНИК

ТЕАТР

Вот так садятся написать стихами

ВРЕМЯ

ЦИРК

Опять деревня, глушь, Сара

ТОВ

О, эта пламенная ложь

СПЕЛЫЙ АВГУСТ

ПОПУТЧИК

ПИСЬМА НА СТЕНАХ

ПОХМЕЛЬЕ

И я, как всегда, по карманам полез

Среди сермяжных правд

ПРОЩЕНИЕ

ПОДРАЖАНИЯ

ШЕРШЕ ЛЯ ФАМ

ЧУВСТВО ЛОКТЯ

По уши я в долгу

КОЛОНИАЛЬНЫЕ ВЫБОРЫ

ЗМЕЙ ГОРЫНЫЧ

ЛЯГУШКИ

МУРАВЬИХА

Здоровое женское тело

ГОРЕ ОТ УМА

ПОЭТ XX ВЕКА

ЭВОЛЮЦИЯ БЮРОКРАТОВ

ГИМН ЯИЧНИЦЕ

Пустынно гудящий котел

Мы повторяем молитвы

А люди не любят животных

ПРАЗДНИК, КОТОРЫЙ ВСЕГДА С СОБОЙ

Явление миру Христа

Ты не стучи в ребро

Душевноздоровый. Душа не болит

Я хожу по околице

ВКУС ПОЭЗИИ

СКАЗОЧКИ, ПЕСЕНКИ, БАСЕНКИ

Где-то по свету шляется

Я один известный срок

Жизнь проходит отдельно

Мы все надеялись на массу

«Мы - пролетариат духа!»

Да, нас одаривал Верховный

Нам, бестолковым, через годы

ВОРОН ВАНЯ

Поманили девочку рублем

НА ЭТОМ ПРОКЛЯТОМ ЗАПАДЕ

НЕОТПРАВЛЕННОЕ ПИСЬМО

НАУЧНАЯ РАБОТА

ФАРФОРОВЫЕ БОЛВАНЧИКИ

БУКВАРЬ

ОХОТСОЮЗ

ЭВОЛЮЦИЯ БЮРОКРАТОВ

ПИКАНТНАЯ ПЕСЕНКА

В далекой седой Антарктиде

МАДАГАСКАР

МУРЛАНДИЯ

НЬЮ-ИСТОРИЯ ГОРОДА НЬЮ-ГЛУПОВА

ЦЕНТРОФОРВАРДЫ

Хоть бы мне на кого обидеться

ЛЕСНЫЕ ОБЪЯВЛЕНИЯ

КУРИЦА

Видишь, две кошки

Сказали лошади, что лошадь...

Палка собаку любила

Меж чертом и куличкой

ЧЕРЕПАХИ

СВИНСКАЯ БАСНЯ

ЦАРЬ ДОНДОК

ТРИЗНА

Закрыли солнце на замок

Кишечная непроходимость

ОГОРОДНЫЙ ПРОЕЗД

У граничного столба

Когда соседский сорванец

ПАПОРОТНИК

НОВОГОДНЕЕ

ЛИЦА, ЛИКИ, МАСКИ

Мне говорят: "Начни с себя!"

СВАТ ВАСИЛИЙ

ВОЕННЫЕ МЕМУАРЫ

Что такое амбиция

РЕСТОРАН «БАЛХАШ»

Я люблю красивых и нарядных женщин

Живут себе провинциалы

ПАРОДИИ

На смех приходят – не ура ли!

Чтоб ходили все сомкнутым строем

ФЕТИШИЗАЦИЯ

ПО КОМ ТЕКУТ РЕКИ

Стоит, как на Парнасе

ПОЭЗИЯ ШИНКА

ПЕСНИ

Эти песенки вам

ДЯДЯ СОН

ПОЛЮСЫ

ПЕСНЯ

МЕСТЕЧКОВАЯ ЛИРИЧЕСКАЯ

РУССКОЕ КИНО

МИНИ

РУКОВОДЯЩАЯ СЕМЬЯ

Спешил. И о бабу временем

ВЕЛОГОНКИ

Я однажды поутру

Начинается катавасия

Я раззява и растрепана

Болят с похмелья голова

Не забудь, что околичности

Я озабоченная женщина

Нет, не мегера, не гетера,

Сначала прорезаются клыки

Да, скромность украшает даму

Своих движений не прикроем

У поездов не будет катастроф

Я понял с горем пополам

Мышь уверяла белый свет

Громче okay на Оке

Твою застольную беседу

Поэта обмарали за что-то воробы

С головою совещались волосы

Рано грамоте учились

Пусть пишут поденку подонки

На ваших мягких лириках

Сороколит, Сорокопуд

Ходите по земле своей, ходите,

Как сложно жить на свете

ПРЕДЗИМЬЕ

